

К 921

СЛѢДОШЫТЪ.

К

(The Path-finder.)

~~13
247~~

ПОВѢСТЕЙ

ФЭНИМОРА КУПЕРА.

$\frac{P 58}{226}$ L 3 | —

Переводъ Д. Коковцова.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

L T 3 |

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

МОСКВА,

Крестинный дворъ, №№ 17 и 18. Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

к 921

СЛѢДОШЫТЪ.

К

(The Path-finder.)

~~P 13
247~~

ПОВѢСТЬ

ФЕНИМОРА КУПЕРА.

P 58
226 L3] —

Переводъ Д. Коковцова.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

L T 3]

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

МОСКВА,

Гостиный дворъ, №№ 17 и 18.

Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

дозволено цензурою С.-Петербургъ, 6 февраля 1880 г.

823-12661

№ - 13885-42

~~1034307~~

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ послѣдней половинѣ прошедшаго столѣтія, въ ясный лѣтній день, посреди вѣковыхъ американскихъ лѣсовъ, общество, состоявшее изъ двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ, подымалось на возвышеніе, образовавшееся отъ поваленныхъ вѣтромъ и въ безпорядкѣ другъ на другѣ лежащихъ деревьевъ съ цѣлю безпрепятственнѣе любоваться видомъ окрестности. Деревья эти скучились на небольшомъ холмѣ, и потому видъ съ нихъ могъ простираться на дальнее разстояніе. Одно изъ нихъ было совершенно вырвано съ корнями, обращенными кверху такимъ образомъ, что, покрытые землею, промежутки отъ одного корня до другаго представляли путешественникамъ родъ подмостковъ, на которые они могли смѣло стать для своихъ наблюденій.

Впрочемъ, это были не особенно знатныя лица; двое изъ нихъ — мужъ и жена — принадлежали къ индѣйскому племени Тускарора; третій, судя по

одеждѣ и другимъ признакамъ, былъ морякъ, а спутница его, приходившаяся ему племянницею, была дочь англійскаго сержанта изъ расположеннаго при озерѣ Онтарио форта Озвего, который в служилъ теперь общемою цѣлью путешествія.

Молодая, красивая и не лишенная образованія дѣвушка съ удовольствіемъ глядѣла на величественную, прекрасную картину, представлявшуюся ея взорамъ; задумчиво смотрѣла она на безконечное море листьевъ и вѣтвей, которое, куда только достигалъ глазъ ея, блестѣло сочною, прекрасною зеленью роскошной растительности. Красивый илемъ, широколистый кленъ, велколѣпные дубы и гибкія, высокія липы образовали широкій, безконечный коверъ, тянувшійся до горизонта и тамъ соединявшійся, подобно волнамъ необозримаго океана, съ облаками. Мѣстами высокій стволъ исполинской сосны возвышался надъ обширной равниной и походилъ на пирамидальный образъ величественнаго памятника, воздвигнутаго искусной рукой на необозримомъ зеленомъ пространствѣ.

— Дядя, сказала дѣвушка, послѣ продолжительнаго молчанія:—какъ много этотъ видъ напоминаетъ безконечное, любимое и дорогое вамъ море.

— Не болѣе, какъ можетъ вообразить себѣ неопытная дѣвушка, Магнитъ! (Этимъ именемъ морякъ часто называлъ свою племянницу, намекая въ шутку на ея личную притягательную силу.) Какъ можешь ты находить какое либо сходство между этими немногими

листьями и настоящимъ Атлантическимъ океаномъ? Всѣ эти верхушки деревьевъ вмѣстѣ едва ли достаточны будутъ для частички одѣянія Нептуна.

— Дядя Капъ, вы въ этомъ сильно ошибаетесь, смѣясь возразила Марія: — куда только хватаетъ глазъ, мы не видимъ ничего кромѣ листьевъ; что же больше можетъ представить океанъ?

— Что больше? съ досадою отвѣчалъ морякъ. Лучше спроси: что меньше? Гдѣ же здѣсь голубыя воды, вздымающіяся волны, буруны, киты, смерчи, бури, ураганы? И что за рыбы плаваютъ подъ этой безсильной плоскостью?

— Ну, въ буряхъ и здѣсь нѣтъ недостатка, какъ доказываютъ эти вырванные съ корнями деревья, и если подъ листьями нѣтъ рыбъ, за то лѣса не лишены двуногихъ и четвероногихъ животныхъ.

— Это еще вопросъ, съ сомнѣніемъ отвѣчалъ старый морякъ: — во все время нашего пути отъ Альбани мы не встрѣчали ни дикихъ, ни ручныхъ звѣрей, кромѣ лишь нѣсколькихъ дрянныхъ птицъ, — и, при совокупности всѣхъ этихъ обстоятельствъ, я сильно сомнѣваюсь, чтобы какое либо изъ твоихъ живущихъ на сушѣ животныхъ могло выдержать сравненіе съ экваторіальною акулою.

Марія ничего не отвѣчала на противорѣчившіе ей доводы дяди, и продолжала спокойно смотрѣть на безконечный лѣсъ.

— Это что такое? нѣсколько спустя, спросила она, указывая пальцемъ на вершины деревьевъ. Тамъ ви-

дѣнь дымъ! Ужь не поднимается ли онъ изъ какого либо жилища?

— Это дѣйствительно дымъ, возразилъ Капъ; но о его значеніи надо спросить Тускарору.

Онъ обратился къ индѣйцу, слегка тронулъ его за плечо, чтобы возбудить его вниманіе, и указалъ ему на узкій столбъ дыма, тихо подымавшійся изъ лиственной чащи на разстояніи отъ нихъ не болѣе одной мили. Индѣецъ, высокій, воинственной наружности, повернулся и бросилъ быстрый взглядъ на указываемый ему дымъ; потомъ легко поднялся на цыпочки, и около минуты простоялъ съ открытыми ноздрями, подобно рыбѣ, чувствующей въ воздухѣ опасность. Наконецъ, онъ издалъ слабый, едва слышимый звукъ и нѣсколько съежился. Лицо его выказало безпокойство, но темный и быстрый глазъ его облетѣлъ всю окрестность, какъ будто хотѣлъ гдѣ-либо отыскать опасность.

— Ну, въ чемъ же дѣло, Стрѣла? снова обратился къ индѣйцу старый морякъ. — Я полагаю, что по близости должны быть Онеиды или Тускароры, и предлагаю завести съ ними знакомство, чтобы добыть уютный ночлегъ въ ихъ селеніи.

— Тамъ нѣтъ селенія, спокойно, но положительно отвѣчалъ индѣецъ. Слишкомъ много деревьевъ.

— Если бы и такъ, все-таки тамъ должны быть индѣйцы, и, быть можетъ, изъ вашихъ старинныхъ товарищей.

— Не Тускарора, не Онеиды, не Могавки, — это огонь блѣднолицыхъ.

— Блѣднолицыхъ? съ сомнѣніемъ и удивленіемъ спросилъ Капъ. Какъ же вы это можете знать? Изъ чего вы видите, спрашиваю я васъ, что это дымъ отъ огня блѣднолицыхъ, а не краснокожихъ?

— Сырое дерево! съ невозмутимымъ спокойствіемъ возразилъ воинъ. Чѣмъ сырѣе, тѣмъ больше дыма; чѣмъ больше воды, тѣмъ чернѣе дымъ.

— Но, съ прежнимъ сомнѣніемъ сказалъ морякъ, я не вижу, чтобы было много дыма, и чтобы онъ былъ особенно черенъ.

— Слишкомъ много воды! съ сильной увѣренностью отвѣчалъ Стрѣла. Тускарора слишкомъ уменъ, чтобъ разводилъ огонь водой; бѣлый же читаетъ много книгъ и зажигаетъ что попало; много книгъ — мало знанія!

— Ну, это довольно умно сказано, замѣтилъ Капъ, котораго нельзя было назвать большимъ любителемъ книгъ. Но довольно объ этомъ; скажите мнѣ лучше, какъ далеко еще мы отъ лужи, которую вы называете большимъ озеромъ?

Индѣецъ посмотрѣлъ на моряка съ спокойнымъ презрѣніемъ, и затѣмъ отвѣчалъ: — Озеро Онтарио обширно какъ небо, — еще одинъ день, и морякъ убѣдится въ этомъ.

— Ну, это мы увидимъ, возразилъ Капъ. Если же этотъ прудъ свѣжей воды такъ близокъ, какъ вы го-

ворите, и такъ обширенъ, какъ небо, то онъ былъ бы уже видѣнъ парю хорошихъ глазъ.

— Смотрите! сказалъ индѣецъ, спокойно протягивая свою руку. Тамъ Онтарио.

Капъ взглянулъ по указанному направленію, и затѣмъ посматрѣлъ на индѣйца съ нѣкоторою важною снисходительностію.

— Такъ это крошечное пустое мѣсто на небѣ вѣсть ваше знаменитое Онтарио? сказалъ онъ наконецъ. Ну, я долженъ сознаться, что оно вполнѣ соотвѣтствуетъ ожиданіямъ, возбужденнымъ во мнѣ, когда я покидалъ морской берегъ, для отысканія озера прѣсной воды. И это прекрасное озеро! Я не думаю, чтобъ на немъ было достаточно мѣста для плаванія одного человѣка! Молчите ужь о немъ, и будемъ лучше искать блѣднолицыхъ, которые, какъ вы сказали, должны находиться по близости.

Индѣецъ выразилъ свое согласіе безмолвнымъ наклоненіемъ головы, и все общество молча сошло съ груди деревьевъ. Сойдя внизъ, Стрѣла объявилъ, что онъ пойдетъ къ огню, чтобы увѣриться въ дѣйствительномъ значеніи его. Въ то же время онъ предложилъ своей женѣ и другимъ двумъ спутникамъ, чтобы они воротились къ оставленному въ ближайшей рѣчкѣ челноку и тамъ ожидали его возвращенія.

— Нѣтъ, это не годится, возразилъ Капъ, которому не нравилось такое предложеніе. Въ такой неизвѣстной и дикой мѣстности я не считаю удобнымъ, чтобъ лоцманъ слишкомъ удалялся отъ своего судна, и по-

тому предпочитаю держаться всѣмъ вмѣстѣ. Я пойду съ вами, чтобъ переговорить съ незнакомцами.

Индѣецъ серьезно, но не обижаясь недовѣріемъ Капа, далъ свое согласіе на такой вызовъ и приказалъ женѣ своей отправиться одной къ челноку. Капъ сдѣлалъ племянницѣ знакъ послѣдовать за женою Стрѣлы.

— Нѣтъ, дядя, я предпочитаю оставаться около васъ, возразила Марія. Движеніе принесетъ мнѣ пользу, послѣ того, какъ я такъ долго сидѣла въ челнокѣ, и притомъ я рассчитываю, что между неизвѣстными найдутся и женщины.

— Ну, такъ пойдѣмъ, дитя мое, ласково сказалъ морякъ. Разстояніе не велико, и во всякомъ случаѣ мы успѣемъ воротиться за часъ до заката солнца.

Марія тотчасъ приготовилась сопровождать мужчину, между тѣмъ какъ послушная, скромная жена индѣйца, которую звали Юнита, терпѣливо направилась къ оставленному челноку.

Прежде чѣмъ все общество пустилось въ путь, индѣецъ обратился къ своему спутнику и серьезно сказалъ ему:—Смотрите во всѣ глаза, и держите языкъ!

— Да, да, понимаю, возразилъ Капъ. Это, какъ я слыхалъ, обыкновеніе индѣйцевъ. Смотри, онъ осматриваетъ полку своего ружья, а потому, я думаю, не дурно, если и я взгляну на свои пистолеты.

Пока Капъ приводилъ эту мѣру предосторожности въ исполненіе, индѣецъ вступилъ въ чащу, и Марія, опираясь на руку дяди, слѣдовала за нимъ легкимъ,

эластическимъ шагомъ. Во время первой полумили они, кромѣ молчанія, не соблюдали никакой осторожности; но, по мѣрѣ приближенія къ мѣсту, гдѣ долженъ былъ находиться огонь, шаги индѣйца дѣлались осторожнѣе и тише, глаза его бдительнѣе и стараніе скрыть свою наружность — сильнѣе. Наконецъ, онъ остановился, и съ торжествомъ указалъ на отверстіе между деревьями.

— Смотрите, сказалъ онъ: огонь блѣднолицыхъ!

— Да, въ самомъ дѣлѣ, малый правъ, проворчалъ Капъ. Вотъ сидятъ они, и такъ спокойно и беззаботно кушаютъ, какъ бы находились въ каютѣ трехдечнаго корабля.

— А все-таки Стрѣла правъ только наполовину, прошептала Марія, — ибо я вижу двухъ индѣйцевъ и только одного бѣлаго.

— Два бѣлыхъ и одинъ краснокожій, возразилъ Стрѣла.

— Ну, скоро окажется, кто изъ васъ правъ. Одинъ изъ неизвѣстныхъ положительно бѣлый и кажется весьма стройнымъ, приличнымъ малымъ. Другой также положительно индѣецъ, а ужъ третьяго никакъ не могу разобрать. Онъ наполовину бѣлый и наполовину краснокожій.

— Два бѣлыхъ и только одинъ краснокожій! съ большею противъ прежняго увѣренностію возразилъ Тускарора.

— Ну, вѣрно что такъ, сказала Марія. Глазъ его, кажется, никогда не ошибается, и теперь намъ остается

только узнать — друзей или враговъ видимъ мы предъ собою. Только бы это были не французы.

— Ну, объ этомъ мы скоро будемъ имѣть ясныя понятія, дитя мое, возразилъ Капъ. Стань только здѣсь за дерево, чтобъ быть въ безопасности на всякій случай, и я сейчасъ узнаю, подъ какимъ флагомъ они плаваютъ.

Онъ приложилъ обѣ руки ко рту, и хотѣлъ громкимъ голосомъ окликнуть неизвѣстныхъ, какъ вдругъ удержанъ былъ отъ исполненія этого быстрымъ движеніемъ Стрѣлы.

— Краснокожій—Могиканъ, бѣлый — Янгезъ, сказалъ Стрѣла.

— Ну, это извѣстіе пріятное, прошептала Марія, бывшая въ большомъ страхѣ. Такъ пойдете къ нимъ прямо и поздороваемся съ ними, какъ съ друзьями.

— Хорошо, сказалъ индѣецъ: пусть дѣвушка идетъ; краснокожій остороженъ и благоразуменъ, а бѣлый слишкомъ горячъ, точно огонь.

— Что, вы съ ума сошли? сердито вскричалъ Капъ. Слабая дѣвушка должна идти на встрѣчу ожидаемой опасности, тогда какъ мы, два большіе негодяя, останемся спокойны и будемъ только наблюдать? Прежде чѣмъ это случится, я...

— Тише, дядя! прошептала Марія: Стрѣла правъ и даетъ самый благоразумный совѣтъ. Ни одинъ христіанинъ не встрѣтитъ зломъ бѣдную, слабую дѣвушку, и потому мое появленіе послужитъ признакомъ мирныхъ намѣреній. Пустите меня идти, и все уладится

какъ нельзя лучше. До сихъ поръ насъ никто не замѣтилъ, и поэтому, не возбуждая безпокойства, появленіе мое озадачить неизвѣстныхъ.

— Хорошо, сказалъ Стрѣла, не скрывая своего одобренія мужеству Маріи.

Капъ согласился нехотя, и сказалъ:—Ну, если ты думаешь, что это лучше, то иди; но возьми одинъ изъ этихъ пистолетовъ, чтобы...

— Нѣтъ, нѣтъ, я болѣе полагаюсь на мою молодость и слабость, чѣмъ на всякое оружіе, перебила его Марія, и смѣло направилась къ сидѣвшимъ около огня и продолжавшимъ свой обѣдъ.

Никто не замѣтилъ ея, пока она не приблизилась къ группѣ на разстояніи ста шаговъ. Но тутъ она наступила на сухую вѣтку, которая съ трескомъ сломалась подъ ея ногами, и въ ту же минуту вскочилъ индѣецъ, котораго Стрѣла называлъ Могиканомъ.—Другіе два схватились за свои ружья, прислоненныя къ дереву. Но, не увидѣвъ никого, кромѣ безоружной дѣвушки, Могиканъ тихо сказалъ нѣсколько словъ своимъ товарищамъ, снова усѣлся къ своему кушанью, и предоставилъ старшему изъ двухъ бѣлыхъ идти Маріи навстрѣчу.

Когда онъ приблизился, то Марія увидѣла, что дѣйствительно имѣетъ предъ собою человѣка ея цвѣта кожи, хотя одѣяніе его было полуиндѣйское и полуевропейское. Онъ былъ среднихъ лѣтъ, и его хотя некрасивое лицо выражало столько честной прямоты и добросердечія, что Марія тотчасъ убѣдилась въ от-

существованіи для нея всякой опасности. Она остановилась и спокойно ожидала приближенія неизвѣстнаго.

— Не бойтесь ничего, сказалъ онъ ей, привѣтливо кланяясь: вы здѣсь, въ пустынь, встрѣтились съ христіанами, которые обойдутся съ вами съ любовію и уваженіемъ. Я человѣкъ, достаточно извѣстный въ этой сторонѣ, и вѣроятно, вы слышали какое-либо изъ моихъ именъ. Французы и Мингосы зовутъ меня «Длинное Ружье» за мое превосходное оружіе; у лучшихъ друзей моихъ, Могиканъ, я зовусь «Соколиный Глазь», а солдаты и охотники этого берега называютъ меня Слѣдопытомъ, ибо знаютъ, что, найдя разъ начало слѣда, я никогда не потеряю конца его.

Эти добродушно сказанныя слова произвели немедленное и глубокое впечатлѣніе на Марію.

— Такъ вы Слѣдопытъ! вскрикнула она радостно, хлопая въ ладоши.

— Да, такъ зовутъ меня, хотя я охотнѣе стараюсь находить дорогу тамъ, гдѣ нѣтъ никакой тропинки, чѣмъ идти по слѣду, уже открытому. Но солдаты не умѣютъ даже различить тропинку отъ слѣда, хотя первую можно видѣть, а второй узнается почти всегда лишь по чутью.

— Значить, вы тотъ другъ, котораго отецъ хотѣлъ выслать намъ навстрѣчу?

— Совершенно справедливо, если вы дочь сержанта Дунгама.

— Да, это я. Я Марія Дунгамъ, а тамъ за деревомъ — мой дядя Капъ и Стрѣла, одинъ изъ Туска-

рора, служащій намъ проводникомъ. Мы надѣялись встрѣтиться съ вами ближе къ озеру.

— Я бы однако желалъ, чтобы болѣе надежный индѣецъ былъ вашимъ проводникомъ, сказалъ Слѣдопытъ; я вообще не люблю племени Тускарора, а Стрѣла одинъ изъ самыхъ честолюбивыхъ начальниковъ. А Юнита съ нимъ?

— Да, она сопровождаетъ насъ; это скромная и добрая женщина.

— И притомъ честная и вѣрная душа, чего нельзя сказать о ея мужѣ, прибавилъ Слѣдопытъ. Тѣмъ не менѣе мы должны взять спутника, котораго посылаетъ намъ небо, и все-таки есть индѣйцы еще худшіе, чѣмъ Тускарора. Впрочемъ, хорошо, что мы встрѣтились, ибо я обѣщаль сержанту доставить благополучно дочь его въ фортъ, хотя бы и самъ при этомъ долженъ былъ погибнуть.

— Смотрите, перебила его Марія: вотъ идутъ дядя и индѣецъ.

Слѣдопытъ молча ожидалъ обоихъ мужчинъ и отъ души привѣтствовалъ ихъ, въ особенности Капа. Затѣмъ все общество направилось къ тѣмъ двоимъ, которые спокойно оставались у огня.

При приближеніи ихъ Могиканъ спокойно продолжалъ ѣсть; другой же всталъ и вѣжливо снялъ шапку при видѣ Маріи. Это былъ молодой, сильный и красивый мужчина, котораго одежда во всемъ выказывала моряка.

— Вотъ тѣ друзья, которыхъ отецъ вашъ выслалъ

вамъ навстрѣчу, сказалъ Слѣдопытъ, обращаясь съ улыбкой къ молодой дѣвушкѣ. Это великій начальникъ Делаваровъ, уже преодолевшій многія препятствія и встрѣчавшійся со множествомъ опасностей. Его зовутъ Чингахгокъ, что на нашемъ языкѣ значить «большой змѣй»; но получилъ онъ это имя не потому, чтобы былъ расположенъ къ предательству, а потому что онъ благоразумный и хитрый начальникъ. Стрѣла понимаетъ, что я говорю.

Пока Слѣдопытъ говорилъ это, оба индѣйца осматривали другъ друга проникательными, испытующими взглядами. Наконецъ Стрѣла подошелъ поближе и привѣтствовалъ Чингахгока съ видомъ дружбы и задушевности. Слѣдопытъ одобрительно кивнулъ и снова обернулся къ бѣлымъ.

— Мнѣ такъ же пріятно, — сказалъ онъ, — видѣть дружескую встрѣчу двухъ индѣйцевъ въ этой пустынѣ, какъ вамъ, мистеръ Капъ, доставляетъ удовольствіе видѣть на океанѣ дружественное судно. Но такъ какъ мы заговорили о суднѣ, то я вспоминаю о моемъ молодомъ другѣ, Гаспарѣ Вестерѣ, который, проведя всю свою жизнь на озерѣ Онтарио, понимаетъ нѣсколько въ этихъ вещахъ.

— Мнѣ очень пріятно съ вами познакомиться, сказалъ Капъ, пожимая руку молодому моряку, который отъ души отвѣчалъ тѣмъ же. Но вотъ у васъ роскошно обставленный столъ, и Слѣдопытъ приглашаетъ насъ принять въ немъ участіе.

Все общество усѣлось вокругъ поставленнаго для

всѣхъ блюда съ кусками дичины, и начало ѣсть съ аппетитомъ, не мало возбужденнымъ путешествіемъ по пустынѣ. Но какъ только Капъ нѣсколько утолилъ голодь, то снова обратился къ Слѣдопыту и возобновилъ разговоръ.

— Ну, я думаю, что жизнь, подобная вашей, доставляетъ не мало удовольствія, хотя и не столько, какъ намъ, морякамъ. У насъ все вода, а у васъ только земля.

— Не совсѣмъ, возразилъ охотникъ: мы тоже при нашихъ походахъ и переѣздахъ встрѣчаемъ воду. Намъ почти столь же часто приходится употреблять весла и сѣти, какъ и ружье и ножъ.

— Да, да, у васъ есть озера и нѣсколько быстрыхъ рѣкъ, но и все тутъ, небрежно возразилъ Капъ, высоко цѣнившій свое званіе моряка; но не хвастайте этимъ черезчуръ, ибо знайте, что я предпринялъ свое путешествіе преимущественно съ тою цѣлью, чтобы ознакомиться съ вашими вмѣстищами прѣсной воды, и поэтому вы мнѣ не представите одно вмѣсто другаго. То, что я до сихъ поръ видѣлъ изъ вашихъ озеръ, не больно важно и даетъ мнѣ о нихъ не высокое понятіе, и откровенно говоря, я не могу повѣрить, чтобы здѣсь въ самомъ дѣлѣ нашлось озеро съ свѣжей водой.

— Вы неправы, и очень неправы, когда въ чемъ бы то ни было сомнѣваетесь во всемогуществѣ Бога, серьезно возразилъ Слѣдопытъ. Тотъ, кто сотворилъ

озера съ соленой водой, тотъ могъ сотворить такія и съ прѣсной.

— Да, это совершенно справедливо, отвѣчалъ Капъ; я вовсе не оспариваю могущества Бога, а хочу только сказать, что до тѣхъ поръ не повѣрю существованію прѣсной воды въ большихъ вмѣстилищахъ, пока не испробую ея своимъ языкомъ, — и затѣмъ оставимъ этотъ предметъ.

Слѣдопыть удовольствовался этимъ и началъ другой разговоръ.

— Намъ скоро надо будетъ отсюда удалиться, сказалъ онъ: въ этой сторонѣ кругомъ множество Ирокезовъ, и чтобъ избѣжать ихъ встрѣчи, необходимо много хитрости и ловкости.

— Что? вскричалъ морякъ. Развѣ эти негодяи отваживаются подходить подъ самыя пушки англійской крѣпости?

— А почему же нѣтъ? Они потому и являются, что это въ ихъ обыкновеніи; мы съ Чингахгокомъ собственно для того обошли оба берега рѣки, чтобы во-время разузнать о негодяяхъ. Гаспаръ же въ это время плылъ въ челнокѣ вверхъ по рѣкѣ.

— Ну, да вѣдь намъ нечего опасаться какого-либо несчастія? спросилъ озабоченный Капъ.

— Намъ только грозитъ опасность быть подстрѣленными изъ засады, и, во всякомъ случаѣ, опасность эта не маловажна.

— Но, чертъ возьми! для чего же сержантъ заставляетъ меня совершать по пустынь путешествіе

болѣе 150 миль. Если бы не Марія, я право тотчасъ вернулся бы назадъ и предоставилъ бы самому Онтарию заботиться о томъ, соленая ли у него вода или прѣсная.

— Еслибы вы и такъ поступили, отвѣчалъ Слѣдопытъ, то все же вамъ не было бы лучше. Но будьте спокойны и положитесь на то, что мы проведемъ васъ цѣлыми и невредимыми и сами не потеряемъ нашихъ скальповъ.

Когда Капъ услышалъ о скальпахъ, то невольно взялся рукой за свои длинные волосы и съ неудовольствіемъ покачалъ головой. Но, наконецъ, онъ все-таки принялъ веселый видъ, хотя посылалъ сквозь зубы сильныя проклятія своему зятю, который довелъ его до столь опаснаго положенія.

— Хорошо, Слѣдопытъ, сказалъ онъ: не смотря на всѣ могущія грозить намъ опасности, я не оставляю надежды благополучно достигнуть гавани. Какъ далеко еще можемъ мы находиться отъ форта?

— Еще около пятнадцати миль, которыя мы быстро проплывемъ по теченію, если не встрѣтимъ препятствій со стороны Мингосовъ.

— И, вѣроятно, всю дорогу лѣса будутъ тянуться справа и слѣва?

— Что такое?

— Ну, я хочу сказать, что мы должны будемъ искать нашу дорогу посреди этихъ проклятыхъ деревьевъ.

— О, нѣтъ; вы поплывете въ челнокѣ внизъ по

теченію Озвеги, и даже такъ быстро, какъ едва ли возможно гнать судно веслами и волнами.

— Но, чортъ возьми, кто же тогда защититъ насъ отъ пуль Мингосовъ?

— Богъ! спокойно возразилъ Слѣдопытъ:— Всевышній, котораго милость и милосердіе спасали уже насъ отъ большихъ опасностей! Но пора пуститься въ путь, ибо до заката солнца остается лишь нѣсколько часовъ.

Затѣмъ приступили къ приготовленіямъ для дальнѣйшаго путешествія, и въ нѣсколько минутъ все общество было готово. Но прежде чѣмъ оставить мѣсто своего привала, Слѣдопытъ собралъ еще кучку вѣтвей и бросилъ ее на догоравшіе угли. Нарочно прибавилъ онъ туда нѣсколько сырыхъ кусковъ дерева, чтобы дымъ сдѣлался столь густъ и темень, какъ только было возможно.

— Ну, Гаспаръ, — обратился онъ тогда къ молодому моряку, — смотрите за тѣмъ, чтобы хорошенько скрыть слѣдъ вашъ, и тогда дымъ скорѣе принесетъ намъ пользу, чѣмъ повредитъ. Нѣкоторые изъ бродящихъ въ окрестности десяти миль Мингосовъ навѣрное будутъ смотрѣть, не видать ли дыма надъ деревьями и высотами, и когда увидятъ нашъ, то тѣмъ лучше пусть себѣ явятся на то мѣсто, съ которымъ мы простимся.

— А развѣ дымъ не послужитъ имъ поводомъ идти по нашему слѣду? возразилъ Гаспаръ. Отсюда до рѣки намъ придется оставить широкій слѣдъ.

— Чѣмъ шире, тѣмъ лучше; ибо когда мы однажды

будемъ на водѣ, то никакая хитрость Мингосовъ не поможетъ имъ узнать, поплыли ли мы вверхъ или внизъ, и они вѣроятно предположатъ, что мы пустились вверхъ по теченію. Почему? Потому что они не вообразятъ себѣ, чтобы мы изъ-за удовольствія своего стали рисковать головами.

— Да, да, это справедливо, возразилъ Гаспаръ: — они не могутъ знать ничего о дочери сержанта, которая собственно служить поводомъ къ этой побѣдѣ.

— А отъ насъ ужь конечно они ничего не узнаютъ, сказалъ Слѣдопытъ, заботливо ступая по слѣдамъ Маріи, — еслибъ только этотъ старый морякъ Капъ не водилъ по лѣсамъ своей племянницы; этакій упрямецъ!

— Упрямецъ?

— Да, да, настоящій упрямецъ, продолжалъ Слѣдопытъ: — развѣ онъ не пренебрегаетъ нашими прекрасными озерами и рѣками и не называетъ ихъ простыми лужами? Я право того мнѣнія, что нужно бы въ наказаніе заставить его проплыть разъ черезъ водопады, тогда онъ получилъ бы о прѣсныхъ водахъ другое понятіе.

— А что же между тѣмъ случится съ его племянницей?

— Ну, ей нечего подвергаться страху и опасностямъ. Мы ее высадимъ, и она обойдетъ водопадъ сухимъ путемъ. Только этого атлантическаго моряка надо немного испробовать, и я думаю, онъ будетъ

смотря на насъ съ большимъ уваженіемъ, когда разъ испытаетъ шутокъ пограничныхъ жителей.

Гаспаръ улыбнулся, ~~но~~ ^{сид} никогда не прочь былъ отъ шутки.

— Ладно, сказалъ онъ, пусть остается при этомъ уговорѣ; провеземъ старика чрезъ водопадъ, такъ что ему пройдетъ охота видѣть и слышать.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Рѣка Озвего, по которой наши пріатели продолжали путь свой, образуется изъ рѣкъ Онеиды и Онондаги, и течетъ на разстояніи около десяти миль по ровной плоскости, до достиженія природной террасы, съ которой ниспадаетъ въ равнину съ высоты пятнадцати футовъ, и затѣмъ спокойно течетъ далѣе до самаго озера Онтарио. Челнокъ, на которомъ прибылъ Капъ съ своими спутниками, лежалъ у берега рѣки, и всѣ помѣстились въ немъ, кромѣ только Слѣдопыта, оставшагося на берегу, чтобъ оттолкнуть отъ него легкую ладью.

— Поставьте кормою впередъ, Гаспаръ, сказалъ онъ молодому моряку, который тотчасъ принялъ на себя должность рулевого, — и пусть челнокъ плыветъ внизъ по теченію. Если проклятые Мингосы пронюхаютъ слѣдъ нашъ и пойдутъ по немъ до сихъ поръ, то, конечно,

прежде всего будутъ искать слѣдовъ на илѣ, и если замѣтятъ, что мы отплыли отъ берега вверхъ по теченію, то, конечно, придутъ къ заключенію, что мы продолжали путь по тому же направленію.

Гаспаръ послѣдовалъ этому совѣту, и затѣмъ Слѣдопытъ, давъ челноку сильный толчекъ, самъ вспрыгнулъ на него. Когда они достигли середины рѣки, то челнокъ обернулся, и спокойно, безъ всякаго шума поплылъ внизъ по теченію.

Судно это было индѣйскій челнокъ изъ коры, который, какъ по необыкновенной легкости, такъ и по подвижности своей, совершенно пригоденъ былъ для плаванія, при которомъ на каждомъ шагу встрѣчаются мели, сплавы лѣса и тому подобныя препятствія. Онъ былъ до того легокъ, что одинъ сильный мужчина безъ труда могъ нести его, но тѣмъ не менѣе былъ значительной длины и весьма достаточенъ для всей компаніи.

Капъ помѣстился на поперечномъ сидѣньѣ посреди челнока, а Чингахгокъ усѣлся возлѣ него на корточкахъ Стрѣла и жена его сѣли передъ ними; Марія за спиной дяди своего, прислонившись къ своему багажу, а Слѣдопытъ и Гаспаръ стояли одинъ на кормѣ, а другой на носу, и твердо, тихо, избѣгая шума, управляли веслами. Они отплыли небольшое пространство, какъ вдругъ сквозь деревья послышался шумъ, немедленно возбудившій въ сильной степени вниманіе Капа.

— Это весьма пріятно звучить! сказалъ онъ, на-

востривъ уши, подобно собакѣ, которая прислушивается къ отдаленному лаю.

— Это рѣка, которая на полмилю далѣе ниспадаетъ со скалы.

— Э, чортъ возьми, мистеръ Слѣдопытъ! воскликнулъ Капъ при такомъ неблагопріятномъ извѣстїи: — развѣ вы не знаете, что водопады непременно имѣютъ надъ собою быстрину? Дайте челноку другое направленіе и держитесь ближе къ берегу.

— Нѣтъ, нѣтъ, прїятель Капъ, положитесь вполне на насъ, отвѣчалъ Слѣдопытъ, — мы, правда, только прѣсные моряки и не знаемъ ничего о большомъ океанѣ, но быстрины и водопады намъ нѣсколько знакомы, и такъ какъ мы на нихъ плывемъ, то употребимъ всѣ силы, чтобъ сдѣлать честь нашему образованію и искусству.

— Какъ! вскричалъ Капъ: — въ этой орѣховой скорлупѣ вы хотите переплыть водопадъ?

— Конечно, — это наше намѣреніе. Дорога идетъ черезъ водопадъ, и легче переплыть его, чѣмъ выгрузить челнокъ и тащить его сухимъ путемъ цѣлую милю, со всѣмъ грузомъ.

— Да, да, прибавилъ Гаспаръ: — мы думаемъ высадить женщинъ и индѣйца на берегъ, а мы трое бѣлыхъ, какъ привыкшіе къ водѣ, проведемъ лодку черезъ водопадъ.

— И при этомъ мы не мало рассчитываемъ на ваше содѣйствіе, прїятель Капъ, сказалъ Слѣдопытъ, лукаво кивнувъ Гаспару. — Вы привыкли къ паденіямъ волнъ,

и если одинъ изъ насъ не будетъ смотрѣть за грузомъ, то онъ легко можетъ пойти весь ко дну.

Капъ совершенно смѣшался, и если бы не гордость моряка, то навѣрно оставилъ бы челнокъ, ибо одна мысль переплыть водопадъ представлялась ему ужасною.

— А что же мы сдѣлаемъ съ племянницей? спросилъ онъ. Не можемъ же мы высадить ее на берегъ, когда кругомъ бродятъ индѣйцы?

— Ни одинъ Мингосъ не приблизится къ вьючной дорогѣ, отвѣчалъ съ увѣренностію Слѣдопытъ:—это мѣсто слишкомъ открыто для ихъ дьявольскихъ дѣлъ, которыя они исполняютъ тамъ, гдѣ этого меньше всего ожидаютъ. Но плыви, Гаспаръ. Марію надо высадить тамъ на оконечности дерева, чтобы она достигла берега, не замочивъ ногъ.

Гаспаръ повиновался, и чрезъ нѣсколько минутъ всѣ, кромѣ Слѣдопыта, Гаспара и Капа, покинули челнокъ.

— Станьте на этой скалѣ, Марія, и смотрите, какъ мы будемъ переплывать водопадъ, — закричалъ ей Слѣдопытъ, снова отталкивая челнокъ отъ берега.

Марія послушалась этого указанія; скорыми шагами достигла назначеннаго мѣста, и при видѣ водопада у ней вырвалось невольное восклицаніе ужаса. Но она скоро оправилась и начала съ напряженнымъ вниманіемъ наблюдать за происходившимъ. Между тѣмъ, индѣйцы спокойно усѣлись на поваленномъ деревѣ, но Юнита вскорѣ подошла къ Маріи и съ сильнѣйшимъ вниманіемъ стала смотрѣть на движенія челнока.

Въ это время онъ продолжалъ свой путь; когда же достигъ середины теченія, то Слѣдопытъ сталъ на колѣни, не переставая грести, но дѣлалъ это тихо и такимъ образомъ, чтобы не нейтрализовать стараній своего спутника. Послѣдній стоялъ еще на ногахъ и, казалось, озабоченъ былъ пріисканіемъ удобнѣйшаго мѣста для переправы.

— Болѣе на западъ, держитесь западнѣе, ворчалъ Слѣдопытъ; правьте туда, гдѣ вы видите водяную пѣну, и поставьте вершину этого погибшаго дуба въ одну линію съ тѣмъ еловымъ стволомъ.

Гаспаръ ничего не отвѣчалъ, ибо въ это время челнокъ находился на самой серединѣ рѣки и, подъ вліяніемъ усилившагося теченія, сталъ быстро ускорять свой ходъ. Въ этотъ моментъ Капъ дорого бы далъ, чтобъ имѣть возможность невредимымъ бѣжать на берегъ.—Шумъ падающей воды достигалъ его слуха подобно отдаленнымъ раскатамъ грома, и чѣмъ громче и явственнѣе дѣлался, тѣмъ болѣе усиливалъ біеніе его сердца.

— Держите ниже руль и дайте поворотъ, закричалъ онъ наконецъ, не будучи уже способенъ превозмочь овладѣвшій имъ ужасъ, когда челнокъ быстро приблизился къ краю водопада.

— Да, да, внизъ и безъ того ужъ хорошо идетъ, отвѣчалъ Слѣдопытъ, съ обыкновеннымъ ему тихимъ смѣхомъ; приподымите корму, пріятель, держите ее выше!

Въ эту минуту теченіе увлекло челнокъ съ быстротою вѣтра; онъ вошелъ въ фарватеръ и въ теченіе нѣ-

сколькихъ секундъ Капу казалось, что онъ попалъ въ котель съ кипяткомъ; онъ чувствовалъ, какъ носъ судна нагибался, видѣлъ около себя пляску дикой, пѣвившейся и шумящей воды въ безумномъ волненіи, и замѣтилъ, что челнокъ бросало во всѣ стороны какъ орѣховую скорлупу. Наконецъ, къ великой радости и изумленію, увидѣлъ онъ, что судно, подъ твердымъ и вѣрнымъ управленіемъ Гаспара, скользило въ разрѣзъ спокойной поверхности воды, раскинувшейся внизу водопада.

Слѣдопытъ весело засмѣялся, всталъ съ колѣнъ, досталъ оловянную кружку и роговую ложку, и сталъ внимательно мѣрить количество воды, набравшейся въ челнокъ во время переправы.

— Полныхъ четырнадцать ложекъ, Гаспаръ! сказалъ онъ затѣмъ:—это слишкомъ много, если принять во вниманіе, что вы переѣзжали и съ десятью.

— Да, да; но Капъ такъ сильно наклонился назадъ, что мнѣ стоило большихъ трудовъ дать челноку надлежащее направленіе, возразилъ Гаспаръ.

Капъ глубоко вздохнулъ, крѣпко откашлялся и схватился за свои волосы, чтобы увѣриться, что они, попрежнему, цѣлы, на томъ же мѣстѣ. Потомъ онъ оглянулся, чтобъ измѣрить опасность, которой только что подвергался, и увидѣлъ почти перпендикулярный водопадъ около 12 футовъ вышины, чрезъ который проскользнулъ челнокъ среди зацѣпившихся тамъ и сямъ осколковъ скалы и древесныхъ стволовъ.—Этотъ моментъ возбудилъ въ старомъ морякѣ сильнѣйшее

уваженіе, и онъ почти противъ воли долженъ былъ удивляться смѣлости, съ которою исполнено было опасное предпріятіе. Тѣмъ не менѣе онъ мало склонялся къ тому, чтобы высказать свои чувства, ибо опасался сказать слишкомъ много въ пользу плаванія по прѣснымъ водамъ. Наконецъ, послѣ продолжительнаго откашливанія, онъ сказалъ:

— Да, да; ваши познанія въ плаваніи не мало важны, а это самое главное при озерахъ и быстрынахъ. Я знаю нѣкоторыхъ лодочниковъ, которые такъ же хорошо могли бы сюда спуститься, если бы разъ изучили фарватеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, пріятель, возразилъ ему Слѣдопытъ:—тутъ не нужно знать никакого фарватера, а только нужна сила и ловкость, чтобъ миновать скалы. Здѣсь во всей странѣ не найдете кромѣ Гаспара никого, который бы съ увѣренностію могъ переплыть водопады Озвеги, и даже я самъ на это неспособенъ, если рука Божія видимо не поддержитъ меня.

— Если это такъ, то зачѣмъ же вы кричали Гаспару, какъ ему управлять судномъ?

— Зачѣмъ?—изъ человѣческой слабости, которая все-таки есть у каждаго, отвѣчалъ Слѣдопытъ.

— Да, вотъ что! проворчалъ Капъ:—да; но вообще я не считаю все это очень важнымъ; это то же, что при проѣздѣ подъ лондонскимъ мостомъ — немного забрызжетъ пѣною и все тутъ. Сотни дамъ, даже самыхъ знатныхъ, ежедневно проѣзжаютъ подъ нимъ,

и даже самъ король своей особой совершилъ однажды этотъ проходъ.

— Быть можетъ, хладнокровно отвѣчалъ ему Слѣдопытъ; намъ же тутъ при переправѣ чрезъ водопады не нужны ни дамы, ни короли, ибо ошибка на длину лодки болѣе или менѣе можетъ сдѣлать изъ нихъ безжизненныхъ утопленниковъ. — Послушай, Гаспаръ, намъ еще придется перевезти мистера Капа чрезъ Ніагару, прежде чѣмъ мы докажемъ ему все, на что способны пограничные жители.

— О, чортъ возьми, вы слишкомъ въ шутовомъ расположеніи духа! воскликнулъ испуганный Капъ. — Положительно невозможно въ жалкомъ челнокѣ изъ коры переѣхать чрезъ этотъ страшный водопадъ.

— Никогда въ жизни, пріятель Капъ, не были вы въ болѣе сильномъ заблужденіи, отвѣчалъ Слѣдопытъ, плутовски подмигивая глазомъ Гаспару. Я самъ уже много разъ видѣлъ подобную переправу, и думаю, что можно съ увѣренностію провести чрезъ водопадъ самый большой корабль всего океана, еслибъ только удалось довести его до быстрины.

Капъ не замѣтилъ плутовскаго знака Слѣдопыта, и нѣсколько времени какъ бы притаился; онъ считалъ также невозможнымъ спуститься по Ніагарскому водопаду, какъ и подняться на него, и мысль о столь страшномъ рискѣ совершенно поражала его.

Между тѣмъ, оставшееся на землѣ общество достигло того пункта, гдѣ спрятанъ былъ челнокъ Гаспара; здѣсь всѣ снова соединились и опять сѣли въ лодки:

Капъ, Гаспаръ и Марія въ одну, Стрѣла, Слѣдопытъ и Юнита—въ другую. Чингахгокъ направился сухимъ путемъ вдоль берега рѣки, разыскивая, съ свойственною его племени ловкостію и осмотрительностію, слѣды какого-либо непріятеля.

Оба челнока объѣхали не болѣе одной мили, какъ вдругъ при поворотѣ показалась спрятанная въ береговыхъ кустахъ темная личность, въ которой Слѣдопытъ тотчасъ узналъ Чингахгока.

— Это Чингахгокъ, сказалъ онъ, и судя по его знакамъ, онъ желаетъ, чтобы мы къ нему подъѣхали. Правъ на него, Гаспаръ, ибо, безъ сомнѣнія, есть въ виду опасность, иначе такой человѣкъ, какъ онъ, не произвелъ бы задержки. Скорѣй впередъ; мы бѣлые и должны противостать чертовщинѣ Мингосовъ, какъ прилично нашему цвѣту кожи и призванію.

Благодаря сильнымъ ударамъ весель, челноки приблизились къ берегу, и менѣе чѣмъ въ минуту достигли того куста, гдѣ спрятанъ былъ Делаваръ. Когда пловцы подъѣхали къ нему, — онъ быстрымъ движеніемъ сдѣлалъ имъ знакъ молчанія и тишины, и затѣмъ началъ съ Слѣдопытомъ короткій, не серьезный разговоръ на языкѣ Делаваровъ.

— Мингосы въ лѣсахъ, коротко сказалъ онъ.

— Какъ мы и думали въ послѣдніе дни; знаетъ что-нибудь о нихъ братъ мой?

Делаваръ спокойно поднялъ надъ головой каменную трубку.

— Я нашель ее на свѣжемъ слѣду, который, кажется, ведетъ къ гарнизону, сказалъ онъ.

— Ладно; но трубка эта можетъ принадлежать и солдату; многія изъ нихъ употребляютъ трубки краснокожихъ.

— Смотрите, отвѣчалъ Делаваръ, и приблизилъ трубку къ самымъ глазамъ своего друга.

Этотъ быстро взглянулъ на нее; она была вырѣзана изъ мягкаго камня и посрединѣ — латинскій крестъ, сдѣланный съ особеннымъ тщаніемъ и точностію.

— Да, да, это означаетъ безбожіе и дьявольство, хотя бы для христіанина должно было служить признакомъ мира, серьезно сказалъ Слѣдопытъ:—только индѣецъ, имѣвшій обхожденіе съ лукавыми патерами Канады, вырѣжетъ подобный знакъ на своей трубкѣ. Мингосы находятся вблизи.

— Да, вблизи, повторилъ Чингахгокъ: — табакъ еще не потухъ въ трубкѣ, когда я нашель ее.

— Ну, такъ намъ предстоитъ трудная работа. Гдѣ слѣдъ?

Могиканъ указалъ на пунктъ, бывшій въ разстояніи отъ берега не болѣе ста локтей. Тогда Слѣдопытъ приблизился къ этому мѣсту, и вмѣстѣ съ Чингахгокомъ сталъ изучать слѣдъ съ особеннымъ вниманіемъ. Только спустя четверть часа вернулся онъ, между тѣмъ какъ Чингахгокъ снова исчезъ въ лѣсахъ.

— Да, да, сказалъ онъ своимъ спутникамъ съ выраженіемъ озабоченности на ясномъ лицѣ его:—Мингосы

близко, и, къ сожалѣнію, направились въ сторону отъ гарнизона, такъ что ни одна душа не можетъ проскользнуть безъ того, чтобы не попасться имъ на глаза. Тогда засвистятъ пули.

— А развѣ гарнизонъ форта не можетъ подать намъ помощи? спросилъ Капъ:—я думаю, что залпъ пушекъ его можетъ прогнать этихъ гостей.

— Да, еслибъ здѣсь въ пустынь были такіе же форты, какъ въ колоніяхъ. А то здѣсь у насъ только двѣ или три легкія пушки, а ими ничего не сдѣлаешь. Намъ остается одно средство, да и то трудное и опасное. Мы должны спокойно оставаться здѣсь и выжидать, что будетъ. Высокій берегъ, и въ особенности окружающій кустарникъ скрываютъ насъ отъ всякаго глаза, и все дѣло заключается теперь въ томъ, какимъ образомъ заставить Мингосовъ снова перейти на другую сторону рѣки. — Но и этого можно достигнуть, и я знаю какъ. Гаспаръ, видите тамъ каштановое дерево съ широкой 'верхушкой? Тамъ, у послѣдняго изгиба рѣки, на вашей сторонѣ?

— Около сваленной сосны?

— Да, это самое! Возьмите огниво и кремень, проскользните вдоль берега и зажгите на томъ мѣстѣ большой огонь. Можетъ быть, дымъ привлечетъ ихъ туда, а мы тѣмъ временемъ переведемъ челноки нѣсколько ниже, чтобъ отыскать для нихъ вѣрное убѣжище.— Хотите туда отправиться, Гаспаръ?

— Конечно, возразилъ молодой человекъ, быстро

выскакивая изъ челнока:—Черезъ десять минутъ огонь запылаеть.

— Да, да, пріятель, я ужъ васъ знаю, сказалъ Слѣдопытъ, съ сердечнымъ, тихимъ смѣхомъ. — И послушайте, возьмите на этотъ разъ побольше сыраго дерева, понимаете? Если мало будетъ дыма, то пусть поможетъ вода.

Гаспаръ кивнулъ головой, и поспѣшно направился къ указанному пункту. Затѣмъ челноки, держась около кустовъ, поплыли по теченію до такого мѣста, на которомъ ихъ нельзя уже было видѣть отъ каштановаго дерева. Здѣсь они остановились, и взоры всѣхъ слѣдили за отдѣлившимся отъ нихъ морякомъ.

— Вотъ подымается дымъ! вскричалъ Слѣдопытъ, когда слабый вѣтеръ погналъ легкій столбъ дыма съ берега на поверхность рѣки. — Только бы Гаспаръ не забылъ о сыромъ деревѣ, ибо безъ этого наша хитрость мало намъ поможетъ.

— Слишкомъ много дыма — много ума, сказалъ Стрѣла.

— Да, конечно, Тускарора, если бы Мингосы не знали, что вблизи находятся солдаты, которые, по обыкновенію, на привалѣ думаютъ больше о своемъ обѣдѣ, чѣмъ о мѣрахъ предосторожности, могущихъ защитить ихъ отъ опасности. — Нѣтъ, пусть юноша валить полѣна одно на другое. — Но, кажется, ужъ было бы довольно; онъ производитъ такой дымъ, какъ будто кругомъ дороги стоитъ лагеремъ цѣлый полкъ. — Право, намъ надо искать другаго убѣжища.

Говоря это, Слѣдопытъ провелъ челноки нѣсколько далѣе, такъ что снова изгибъ берега закрылъ отъ нихъ дымъ. Здѣсь показалась небольшая бухта, въ которую онъ тотчасъ и направился, увидѣвъ съ перваго взгляда, что едва ли по близости можно найти лучшее убѣжище. На этомъ мѣстѣ кустарникъ былъ такъ густъ и такъ наклонился надъ водой, что образовалъ настоящій балдахинъ изъ листьевъ. Въ глубинѣ бухты, у берега, была узкая полоса крупнаго песку, на которую и перешла бѣольшая часть общества. Здѣсь можно было быть замѣченнымъ только съ противоположнаго берега рѣки, и даже оттуда опасность открытія была невелика, тотъ берегъ былъ такой топкій и болотистый, что нельзя было пройти къ нему безъ затрудненія.

— Это славное убѣжище, сказалъ Слѣдопытъ, изслѣдовавъ съ видомъ знатока всю окрестность, — но его надо сдѣлать еще безопаснѣе и превосходнѣе. — Мистеръ Капъ, будьте немного тише и спокойнѣе, а вы, Тускарора, подойдите и помогите въ моихъ намѣреніяхъ на случай опасности.

Индѣецъ повиновался, и Слѣдопытъ углубился съ нимъ въ кустарникъ, гдѣ они молча и стараясь избѣгать всякаго шума, отрѣзали сильнѣйшія вѣтви нѣкоторыхъ ольховыхъ деревьевъ и кустовъ. Концы этихъ маленькихъ деревьевъ воткнуты были въ илъ съ наружной стороны челноковъ, и не прошло десяти минутъ, какъ воздвигнуты были весьма обманчивыя ширмы между обществомъ и тѣмъ пунктомъ, отъ ко-

того грозила большая опасность.— При постройкѣ этой перегородки Слѣдопытъ примѣнилъ все свое остроуміе. Онъ преимущественно искалъ согнутыхъ стволовъ, которые росли тутъ во множествѣ, и такъ какъ онъ отрѣзалъ ихъ немного ниже изгибовъ и только этими послѣдними ставилъ ихъ на воду, то искусственная чаща казалась не выросшей изъ рѣки,—что непременно возбудило бы подозрѣніе, — но скорѣе имѣла видъ кустарника, который росъ отвѣсно отъ берега и уже потомъ нагибался къ свѣту, какъ это часто бывало на краю берега. Вообще перегородка была такъ искусно и хитро составлена, что только необыкновенно недовѣрчивый глазъ могъ бы подозрѣвать за нею убѣжище.

— Это, безъ сомнѣнія, одно изъ лучшихъ убѣжищъ, въ какомъ я когда-либо находился, сказалъ Слѣдопытъ съ тихимъ, задумчивымъ смѣхомъ:— листья нашихъ искусственныхъ деревьевъ обманчиво совпадаютъ съ листьями остальнаго кустарника, и самый пытливый глазъ не разберетъ, гдѣ здѣсь наша работа, и что составляетъ созданіе Провидѣнія. Тихе; вотъ приближается Гаспаръ; мы сейчасъ увидимъ, годится ли наше убѣжище, или нѣтъ.

Дѣйствительно, это былъ Гаспаръ, возвращавшійся изъ своей экспедиціи и искавшій челны, долженствовавшіе, по его предположенію, быть спрятанными въ какой-либо бухтѣ. Онъ шелъ въ бродъ по колѣно въ водѣ, и пытливымъ взоромъ смотрѣлъ во всѣ стороны.

Находившееся за кустарникомъ общество, внимательно слѣдившее за движеніями Гаспара, скоро замѣтило, что онъ удаляется отъ мѣста, гдѣ Слѣдопытъ спряталъ челны. Когда молодой человекъ миновалъ изгибъ берега и потерялъ изъ виду дымъ, то остановился и сталъ изучать берегъ обдуманно и осторожно. Не видя ничего бросающагося въ глаза, онъ отошелъ шаговъ десять дальше, и снова остановился, чтобъ возобновить свои изысканія. Вода была довольно мелка, и такъ какъ онъ шелъ около самаго берега, то такъ близко достигъ искусственной плантаціи, что могъ бы достать ее руками. Но онъ ничего не замѣтилъ и уже хотѣлъ пройти мимо, когда Слѣдопытъ осторожно нагнувъ нѣсколько вѣтокъ на сторону и тихимъ голосомъ пригласилъ его зайти въ ихъ убѣжище.

— Эта штука выдержала хорошій опытъ, смѣясь сказалъ Слѣдопытъ, и я готовъ держать паривсепротивъ ничего, что цѣлый полкъ солдатъ могъ бы прослѣдовать мимо, не угадавъ нашей хитрости. Но тѣмъ не менѣе, Мингосы трудно обманутся, если, какъ Гаспаръ, приблизятся въ бродъ по рѣкѣ, ибо глаза краснокожаго на столько же отличаются отъ глазъ бѣлаго, какъ подзорная труба отъ очковъ.

— Но какъ же, мистеръ Слѣдопытъ, сказалъ Капъ,—развѣ вы не считаете за лучшее, чтобы мы тотчасъ пустились въ путь и съ возможной быстротой направились внизъ по теченію, если ужъ разъ намъ

известно, что негодяи позади насъ? Погоня по водѣ всегда продолжительна.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Слѣдопытъ:—изъ-за всего пороха, находящагося тамъ въ фортѣ, я не рѣшусь съ дочерью сержанта двинуться съ мѣста, пока мы не получимъ извѣстія отъ Чингахгока. Было бы другое дѣло, еслибъ молодая дѣвушка способна была пуститься лѣсомъ,—тогда мы дѣйствительно до утра успѣли бы достигнуть гарнизона, но она слишкомъ слаба для этого.

— О, нѣтъ! воскликнула Марія, быстро вскакивая:—я молода, проворна и такъ привыкла къ напряженіямъ, что навѣрно перещеголяю дядю, если бы даже онъ пошелъ и прежде меня; я не хочу служить препятствіемъ, которое могло бы всѣхъ васъ подвергать опасности.

— Мы нисколько не считаемъ васъ, доброе дитя, сказалъ Слѣдопытъ, за препятствіе или тягость, и охотно еще разъ пойдемъ навстрѣчу опасности, чтобъ оказать услугу вамъ и храброму сержанту. Не такъ ли и вы думаете, Гаспаръ?

— Конечно, твердо отвѣчалъ тотъ:—ничто не заставитъ меня покинуть Марію Дунгамъ до тѣхъ поръ, пока она не будетъ въ совершенной безопасности.

— Хорошо и храбро сказано, пріятель, сказалъ обрадованный Слѣдопытъ:—это совершенно мое мнѣніе. Да, Марія, вы не первое женское существо, которое я проводилъ чрезъ пустыню, и при всемъ томъ ни одна не потерпѣла никакого ущерба, кромѣ только

одного милаго и добраго дитяти. Это было горестное событіе и грустный день! Бѣдная Кора!

Марія взглянула на обнохъ защитниковъ своихъ блестящими отъ волненія глазами; она протянула обоимъ руку и сказала:

— Съ моей стороны несправедливо подвергать васъ изъ-за меня опасности; но дорогой отецъ мой поблагодаритъ васъ, и я сама благодарю васъ въ несомнѣнномъ убѣжденіи, что вы будете вознаграждены Богомъ. Но намъ бесполезно было бы долѣе ожидать здѣсь опасности. Я могу скоро идти, и уже лишь для своего удовольствія прошла цѣлую милю; почему же не могла бы идти далѣе, когда дѣло идетъ о вашей и моей жизни?

— Она вѣрный голубь, Гаспаръ, сказалъ Слѣдопытъ, отъ души пожимая руку Маріи; — но тѣмъ не менѣе, вамъ нельзя идти, доброе дитя, ибо намъ бы нужно пройти болѣе 20 миль, и притомъ же въ темнотѣ и чрезъ чащу, до самаго форта. Нѣтъ, лучше будетъ спокойно ожидать Могикана.

Этими словами честнаго охотника рѣшилось дѣло, и никто больше не прибавилъ ни слова. Все общество раздѣлилось на отдѣльныя группы. Стрѣла съ женою сидѣли особо за кустами и болтали шепотомъ; Слѣдопытъ и Капъ помѣстились въ одномъ изъ челноковъ, толкуя о своихъ приключеніяхъ на водѣ и сушѣ; а Гаспаръ съ Марією сѣли въ другой челнокъ, причемъ первый старался своимъ разговоромъ заставить ее позабыть о настоящемъ опасномъ

положеніи. Не смотря на окружавшее всѣхъ принужденіе, время шло для нихъ быстро и безъ боязни.

— Еслибъ только можно было покурить! сказалъ Капъ:—вообще здѣсь довольно уютно, и единственно непріятное заключается въ томъ, что нельзя пустить въ ходъ свою трубку.

— Табачный запахъ тотчасъ выдалъ бы насъ, возразилъ Слѣдопытъ:—преодолѣвайте свою страсть, пріятель, и учитесь терпѣнію у краснокожихъ, которые на цѣлую недѣлю забываютъ свой голодъ, чтобъ приобрѣсти хотя одинъ скальпъ. Гаспаръ, вы ничего не слышите?

— Идетъ Чингахгокъ.

— Ага, такъ посмотримъ, острѣе ли его глаза, чѣмъ глазъ нѣкотораго человѣка, который прошелъ по водѣ мимо насъ.

Чингахгокъ слѣдовалъ по тому же направленію, котораго прежде держался Гаспаръ; но, вмѣсто того, чтобы идти напрямикъ, онъ примѣнялся къ волненію рѣки, и чрезъ то успѣшно устранялъ возможность дать себя примѣтить съ возвышенныхъ пунктовъ. Подкрадываясь около самаго берега, онъ постоянно умѣлъ принимать такое положеніе, что всегда могъ смотрѣть впередъ, не видитъ ли его кто либо.

— Чингахгокъ видѣлъ негодяевъ! прошепталъ Слѣдопытъ:—безъ всякаго сомнѣнія, они дали себя обмануть дымомъ и окружили его.

Послѣ этихъ словъ онъ отъ души разсмѣялся, и сталъ, вмѣстѣ съ другими, съ напряженнымъ внима-

ніемъ наблюдать за осторожными и избѣгавшими всякаго шума движеніями Чингахгока. Уже цѣлыя десять минутъ Могиканъ стоялъ неподвиженъ; потомъ вдругъ бросилъ боязливый и острый взглядъ вдоль берега и затѣмъ быстро пошелъ впередъ, не покидая заботы скрыть слѣдъ свой подъ водою. Повидимому, онъ сильно торопился и беспокоился, и то оглядывался, то разсматривалъ пытливымъ глазомъ каждое мѣсто, гдѣ могъ считать спрятавшимися оба челнока.

— Позовите его, Слѣдопытъ, быстро прошептала Гаспаръ, не могшій уже преодолѣть свое нетерпѣніе:—позовите его, пока не поздно; видите онъ минуетъ наше убѣжище.

— Нѣтъ, нѣтъ, это еще не къ спѣху, хладнокровно возразилъ Слѣдопытъ:—еслибъ опасность была такъ близко, то Чингахгокъ началъ бы ползти; но, да поможетъ намъ Богъ и вразумитъ насъ! я, право, думаю, что даже Чингахгокъ, котораго глазъ вѣрнѣе, чѣмъ чутье собаки, не видитъ насъ и не замѣчаетъ созданнаго нами убѣжища.

Такое заключеніе было однако преждевременнымъ, ибо не успѣлъ Слѣдопытъ вымолвить эти слова, какъ индѣецъ, находившійся лишь въ нѣсколькихъ шагахъ впереди убѣжища, вдругъ остановился, бросилъ скорый, но пронизательный взглядъ на искусственную плантацію, быстро отступилъ нѣсколько шаговъ, нагнулся, осторожно раздвинулъ кусты и внезапно появился среди общества.

— Проклятые Мингосы! вскричалъ Слѣдопытъ:— гдѣ же они?

— Ирокезы! коротко отвѣчалъ индѣецъ.

— Это все равно, Ирокезы, дьяволы или Мингосы; все негодяи и всехъ зову я Мингосами. Но поди сюда пріятель, и переговоримъ толкомъ.

Оба отошли въ сторону и стали серьезно совѣщаться на языкѣ Делаваровъ. Затѣмъ Слѣдопытъ снова подошелъ къ остальнымъ, чтобы дать имъ нужныя объясненія.

Могиканъ шелъ слѣдомъ за непріятелями по направленію къ форту, пока они замѣтили разведенный Гаспаромъ огонь, и вдругъ повернули назадъ. Черезъ это Чингахгокъ поставленъ былъ въ большую опасность быть открытымъ, и вынужденъ былъ искать убѣжища, гдѣ бы могъ скрыть себя отъ непріятельскихъ глазъ. Къ его счастью, непріятели такъ были заняты новымъ открытіемъ, что не замѣтили его, хотя прошли совершенно около его убѣжища. Ихъ было пятнадцать человѣкъ и каждый ступалъ по слѣдамъ впереди идущаго. Какъ только они прошли, Чингахгокъ сошелъ въ воду, и оттуда, на сколько было возможно безъ видимой опасности, наблюдалъ за дальнѣйшими движеніями Ирокезовъ. Скоро замѣтилъ онъ, что они открыли хитрость и убѣдились, что огонь зажженъ былъ только съ цѣлію обмануть ихъ; потомъ, послѣ тщательнаго изслѣдованія мѣста, гдѣ разведенъ былъ огонь, они раздѣлились, и пока одни снова бросались въ лѣса, другіе сошли внизъ къ берегу и внизъ по теченію

пошли по слѣдамъ Гаспара до того мѣста, гдѣ причаливали челноки. Прослѣдить ихъ далѣе Чингахокъ не имѣлъ возможности, но предполагалъ, что они покажутся на краю берега, и явился къ своимъ друзьямъ, чтобъ извѣстить ихъ о всѣхъ этихъ обстоятельствахъ.

Когда Слѣдопытъ сообщилъ всѣмъ такія извѣстія, то почти всѣ мужчины высказались въ пользу поспѣшнаго бѣгства.

— Освободите скорѣй челноки, живо вскричалъ Гаспаръ:—если мы будемъ дружно грести, то скоро скроемся отъ негодлаевъ.

— Нѣтъ, это не годится, возразилъ Слѣдопытъ:— правда, что челноки быстры на ходу и вы можете сильно грести, но ружейная пуля еще быстрѣе.

— Но вѣдь отецъ Маріи получилъ отъ насъ обѣщаніе и потому долгъ нашъ заботиться о дѣвушкѣ и стараться избѣжать этой опасности.

— Да, но никакъ не долгъ нашъ оставлять безъ вниманія благоразуміе.

— Благоразуміе? воскликнулъ Гаспаръ съ необдуманной рѣзкостью.—Развѣ можно такъ далеко прости- рать его, чтобъ забывать за нимъ мужество!

Они стояли у берега, и Слѣдопытъ опирался на свое ружье, которое прислонено было къ песчаной почвѣ, между тѣмъ какъ онъ держалъ обѣими руками дуло, достигавшее до его плечъ. Когда Гаспаръ выразилъ такой тяжелый и незаслуженный упрекъ, то лицо

Слѣдопыта не измѣнилось, и только руки его сильнѣе стиснули ружейное дуло.

— Вы молоды и горячи, возразилъ храбрый охотникъ съ спокойствіемъ и твердостью, ясно выказавшими всѣмъ его моральную твердость;—но жизнь моя состояла изъ непрерывнаго ряда подобныхъ опасностей, и мои понятія такъ созданы, что имъ нѣтъ надобности подчиняться нетерпѣнію молодого мальчика. Я не хочу платить упрекомъ за упрекъ, ибо знаю, что, по вашему образу мыслей, вы крѣпко держитесь на своемъ посту; но я хочу вамъ дать совѣтъ, чтобы вы не пренебрегали словами человѣка, который встрѣчался съ Мингосами уже тогда, когда вы еще были ребенкомъ, и потому знаетъ, что скорѣй можно побѣдить коварство индѣйцевъ благоразуміемъ, чѣмъ перехитрить ихъ безразсудствомъ.

— Простите меня, Слѣдопытъ, вскричалъ Гаспаръ, полный раскаянія, быстро схвативъ и сжавъ руку обиженнаго имъ:—я убѣдительно прошу у васъ извиненія! Съ моей стороны было дурно и безумно обвинять въ трусости человѣка, котораго мужество на дѣлѣ столь же твердо, какъ скалы на берегу озера.

При этихъ словахъ краска на щекахъ Слѣдопыта исчезла и торжественное достоинство, принятое имъ, перешло въ выраженіе серьезной простоты. Безъ всякой задней мысли отвѣчалъ онъ на пожатіе руки своего горячаго молодого спутника, и въ глазахъ его блеснуло выраженіе природной доброты.

— Хорошо, Гаспаръ, хорошо, улыбаясь, сказалъ

онъ.—Я не злопамятенъ, ибо моя натура бѣлая, и заключается въ томъ, чтобъ не сохранять въ сердцѣ никакой злобы и неприязни. Впрочемъ опасно было бы сказать половину этого Чингахгоку, хотя онъ и храбрый Делаваръ. У каждаго цвѣта свои понятія, это тебѣ, милый другъ, не дурно бы замѣтить себѣ разъ навсегда.

Въ эту минуту Марія Дунгамъ, дотронувшись до плеча его удочкою, указала въ то же время рукою на отверстіе въ кустарникѣ, чтобы скорѣе возбудить его вниманіе. Слѣдопытъ нагнулъ впередъ голову, бросилъ бѣглый взглядъ черезъ кусты и прошепталъ Гаспару:

— Къ оружію! проклятые Мингосы близко! Не держитесь такъ смирно, какъ будто мертвые.

Гаспаръ прежде всего поспѣшилъ неслышными шагами къ челноку, и пригласилъ Марію принять такое положеніе, при которомъ былъ бы скрытъ весь ея станъ. Потомъ онъ всталъ возлѣ нея, и приготовилъ ружье со взведеннымъ куркомъ. — Стрѣла и Чингахгокъ подползли ближе къ убѣжищу, и съ поднятымъ оружіемъ глядѣли, какъ змѣи, на приближавшагося непріятеля; Юнита сѣла, спрятала голову въ свою ситцевую одежду и оставалась совершенно смирною и неподвижною; Капъ досталъ изъ-за пояса свои пистолеты, а Слѣдопытъ остался недвижимъ на мѣстѣ, ибо онъ съ самаго начала занялъ такое положеніе, которое въ одно время давало ему возможность вѣрно цѣлить и внимательно наблюдать за Ирокезами.

Въ тотъ самый моментъ, когда Марія тронула Слѣдопыта за плечо, трое дикихъ показались на водѣ. — Онѣ находились въ разстояніи отъ убѣжища около ста локтей, и остановились, чтобъ изслѣдовать рѣку и берега. Всѣ были обнажены до пояса, вооружены и снабжены волнскими украшеніями. Они, казалось, недоумѣвали, какое принять направленіе для преслѣдованія бѣглецовъ. Одинъ изъ нихъ указывалъ внизъ по теченію, другой вверхъ, а третій — на противоположный берегъ.

Наступила рѣшительная минута, ибо спрятанные могли угадывать намѣренія своихъ преслѣдователей олькто по ихъ тѣлодвиженіямъ и знакамъ. Мгновенное открытіе угрожало имъ; Слѣдопытъ созналъ необходимость скорѣйшаго рѣшенія и занялся приготовленіями къ бою; онъ призвалъ обоихъ индѣйцевъ и Гаспара къ себѣ, и шопотомъ сообщилъ имъ свои виды.

— Друзья, сказалъ онъ, — мы должны быть готовы къ бою. Насъ пятеро и мы имѣемъ дѣло только съ тремя кровожадными дьяволами, — поэтому побѣда наша несомнѣнна. Гаспаръ, ты возьми на цѣль этого юношу, который раскрашенъ какъ самая смерть; тебѣ, Чвнгахгокъ предоставляю ихъ начальника, а вы, Стрѣла, направьте ваше ружье на третьяго. Ни въ какомъ случаѣ не должно быть ошибки, ибо двѣ пули въ одно тѣло было бы неблагоразумною роскошью, когда дочь сержанта въ опасности. Я, съ своей стороны, буду въ резервѣ, на случай, если появится

еще четвертый негодяй, или если который-либо изъ вашихъ выстрѣловъ будетъ неудаченъ. Но спускайте курокъ только по моему знаку, и какъ только позади насъ со стороны берега послышится какое-либо движеніе, тогда вы, Гаспаръ, съ дочерью сержанта немедленно плывите въ челнокъ къ форту со всевозможною быстротою.

Не успѣлъ онъ окончить свои наставленія, какъ приближеніе непріятелей снова послужило поводомъ къ глубочайшему молчаію. Тихо спускались Ирокезцы внизъ по рѣкѣ, держась постоянно около кустовъ, нависшихъ надъ водою. По временамъ, спрятанные замѣчали, по шелесту листьевъ и шуму вѣтвей на берегу, что вдоль его двигается другая толпа дикихъ, державшихся одного направленія съ бывшими въ водѣ. Такъ какъ искусственный кустарникъ выведенъ былъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, то обѣ толпы увидѣли другъ друга на противоположавшихъ одианъ другому пунктахъ. Здѣсь онѣ остановились и начали переговариваться буквально надъ головами скрывавшихся. Эти послѣдніе были однако защищены вѣтвями и листьями ихъ плантаціи и глаза дикарей скользили по поверхности кустовъ, которыхъ одежда казалась достаточно густою, чтобъ не возбудить никакого подозрѣнія.—Какъ Слѣдопытъ, такъ и оба индѣйца, понимали разговоръ, который вели обѣ партіи, и всѣ прислушивались съ сильнѣйшимъ напряженіемъ.

— Вода смыла слѣдъ, сказалъ одинъ изъ индѣй-

цевъ въ рѣкѣ, стоявшій такъ близко къ убѣжищу, что могъ доставать его руками.—Слѣдъ до того исчезъ, что даже собака Янгеза не могла бы найти его.

— Блѣднолицы покинули берегъ въ своихъ челнокахъ, отвѣчалъ индѣецъ сверху.

— Нѣтъ, это не можетъ быть, возразилъ первый:— ружья нашихъ воиновъ на рѣкѣ вѣрны.

При этихъ словахъ Слѣдопытъ бросилъ быстрый взглядъ на Гаспара, и сжалъ губы, чтобъ удержать невольное восклицаніе.

— Пусть мои молодые воины смотрятъ такъ, какъ бы у нихъ были орлиные глаза, сказалъ стоявшій въ водѣ начальникъ. Мы уже болѣе недѣли въ полѣ, и добыли еще только одинъ скальпъ. Впередъ!

Этимъ окончился разговоръ, и спрятанные заключили изъ шелеста кустовъ, что толпа на берегу надъ ними тихо удалялась: находившіеся же въ рѣкѣ еще стояли, и каждый осматривалъ берегъ глазами, походившими на горѣвшіе уголья, выглядывавшіе изъ темныхъ воинскихъ красокъ. Но чрезъ нѣсколько минутъ и они пошли въ бродъ внизъ по теченію, и медленно удалялись шагъ за шагомъ, подобно людямъ, которые ищутъ что-то потерянное,

Такимъ образомъ они миновали искусственное убѣжище, и Слѣдопытъ уже приготовлялся къ сердечному смѣху, когда преждевременное торжество его было внезапно остановлено. Именно, послѣдній изъ трехъ дикихъ бросилъ случайно взглядъ назадъ, и, озада-

ченный, остановилъ свои шаги, какъ будто замѣтилъ нѣчто необыкновенное. — Это заставило Слѣдопыта опасаться, что, вѣроятно, нѣкоторые неудачно расположенные кусты должны были возбудить подозрѣніе индѣйца.

Къ счастью открытыхъ, тотъ воинъ, который нагналъ на нихъ такой страхъ, былъ еще очень молодъ и впервые въ своей жизни выступилъ въ поле. — Онъ сознавалъ, какъ необходима въ его дѣла обдуманность и скромность, и болѣе всего опасался презрѣнія, которое можетъ заслужить, еслибъ его подозрѣніе оказалось безосновательнымъ и надѣлало напраснаго шума. Поэтому, не призывая назадъ своихъ спутниковъ, онъ одинъ повернулся и осторожно приблизился къ кустамъ, къ которымъ глаза его были прикованы какъ бы сверхъестественною силою. — Нѣкоторые листья, болѣе другихъ подвергавшіеся солнечнымъ лучамъ, казались нѣсколько увядшими, и этотъ слабый признакъ послужилъ обстоятельствомъ, возбудившимъ вниманіе молодого воина.

Маловажноеть сдѣланнаго наблюденія также казалась индѣйцу основаніемъ не сообщать о немъ своимъ товарищамъ. Если бы оно привело его къ важному открытію, то тѣмъ болѣе было ему чести; если же надеждамъ его суждено было обмануться, то по крайней мѣрѣ онъ избѣгалъ насмѣшекъ, которыхъ молодые индѣйцы боятся хуже смерти. При всемъ томъ ему угрожала еще опасность западни, которая и побудила его къ медленному и осторожному при-

ближенію, такъ что его товарищи уже прошли отъ 50 до 60 шаговъ внизъ по теченію, прежде нежели молодой дикарь достигъ кустарника на такое разстояніе, что могъ достать его руками.

На лицѣ Ирокезца, которое внимательно наблюдалось со стороны спрятавшихся, выражались ясно перемѣны въ его чувствованіяхъ. Сперва лицо его выражало живую надежду на блестящій успѣхъ; потомъ она смѣнилась сомнѣніемъ, когда ему показалось, что увядшіе листья снова распустились и освѣжились подъ вліяніемъ воздуха; наконецъ, черты его изобразили подозрѣніе грозившей опасности.

Послѣдовавшее отъ солнечныхъ лучей измѣненіе въ наружномъ видѣ кустарника, концы котораго стояли въ водѣ, было такъ незначительно, что когда Ирокезецъ взялъ листья въ руку и попробовалъ ихъ, то пришелъ къ предположенію, что обманулся. Тѣмъ не менѣе, не столько въ надеждѣ на успѣхъ, сколько для того, чтобы не упустить никакого средства для разгадки своего сомнѣнія, онъ осторожно пригнулъ вѣтки въ сторону, и однимъ шагомъ очутился въ убѣжищѣ, гдѣ глазамъ его представились личности спрятанныхъ, подобно бездыханнымъ статуямъ.—Едва Ирокезецъ появился, какъ рука Чингахгока быстро, но безъ шума, поднялась и опустила томагавкъ, подобно молніи на голый черепъ противника.—Ирокезецъ дико замоталъ въ воздухъ руками, упалъ на спину и повалился въ воду, которая тотчасъ же увлек-

ла его тѣло.—Делаваръ сдѣлалъ поспѣшную, но безуспѣшную попытку схватить убитаго за руку въ надеждѣ овладѣть его скальпомъ, но окровавленная вода шумно стремилась по теченію и увлекла съ собою свою добычу.

Все это совершилось въ теченіе менѣе одной минуты, и притомъ такъ внезапно и неожиданно, что Слѣдопытъ и его товарищи должны были теперь пустить въ ходъ всю свою находчивость, чтобы изыскать путь къ спасенію.

— Нельзя терять ни одной минуты, шопотомъ сказалъ Гаспаръ, наклоня на бокъ кусты съ должною осторожностію:—слѣдуйте моему примѣру, мистеръ Капъ, если хотите видѣть вашу племянницу спасенною, а вы, Марія, растянитесь во всю длину на днѣ лодки.

При этихъ словахъ онъ схватилъ носъ легкаго челнока, потянулъ его съ помощію Капа вдоль берега, и старался достигнуть верхняго изгиба рѣки, за комъ все общество могло выйти изъ виду дикихъ. Челнокъ Слѣдопыта лежалъ ближе къ берегу и потому долженъ былъ послѣдній отчалить отъ него. Чингахгокъ выскочилъ на берегъ и исчезъ въ лѣсу, такъ какъ поставилъ себѣ задачею наблюдать въ этой странѣ за непріателемъ, въ то время, какъ Стрѣла помогалъ своему бѣлому товарищу при спускѣ на воду челнока, чтобъ имѣть возможность послѣдовать за Гаспаромъ.— Все это было скоро исполнено, но когда Слѣдопытъ достигъ теченія посреди рѣки, то вдругъ

почувствовалъ облегченіе челнока, оглянулся и, къ немалому удивленію, увидѣлъ, что Тускарора съ женой покинули его. Мысль объ измѣнѣ блеснула въ его головѣ, но уже не было времени останавливаться для преслѣдованія пвдѣйца.

Между тѣмъ жалобные крики, раздавшіеся внизъ по рѣкѣ, доказывали, что увлеченный водою трупъ молодого пвдѣйца замѣченъ его друзьями. Послѣдовала ружейный выстрѣлъ, и тогда Слѣдспытъ увидѣлъ, что первый челнокъ плыветъ поперекъ теченія и быстро двигается, благодаря сильнымъ ударамъ весель Капа и Гаспара. Тѣмъ не менѣе грозила опасность, въ особенности для Маріи, находившейся въ лодкѣ Гаспара, и Слѣдопытъ, какъ вѣрный защитникъ, старался немедленно отклонить ее. — Быстро перескочивъ на заднюю часть своего челнока, онъ сильнымъ толчкомъ направилъ его въ теченіе и такимъ образомъ перерѣзалъ рѣку, что его личность могла служить цѣлью для непріятеля. Это было вѣрнѣйшее средство отклонить опасность отъ другихъ и привлечь ее на себя, такъ какъ страстное желаніе дикихъ овладѣть кожей одного черепа должно было пересилить всѣ другія чувства.

— Держитесь выше теченія, Гаспаръ! закричалъ ему храбрый и великодушный охотникъ, разсѣкая воду сильными и долгими ударами весель:—держитесь постоянно выше и старайтесь достигнуть ольховыхъ кустовъ на другой сторонѣ. Преимущественно бе-

регите дочь сержанта и предоставьте этихъ негодяевъ Мингосовъ мнѣ и Чингахгоку.

Гаспаръ махнулъ весломъ въ знакъ того, что повялъ наставленіе, тогда быстро раздались выстрѣлы за выстрѣломъ, и каждый былъ направленъ на ближайшій челнокъ, въ которомъ находился только одинъ человѣкъ.

— Да, да, дурачье, тратьте ваши заряды, тихо ворчалъ про себя Слѣдопытъ: — стрѣляйте себѣ въ невѣрную цѣль и дайте мнѣ время уйти отъ васъ шагъ за шагомъ; — да, вотъ это недурно, — онъ невольно отогнулъ назадъ голову, такъ какъ лучше прицѣленная ружейная пуля оторвала локонъ волосъ отъ его виска; но все равно, пуля, которая на волосъ не достигаетъ цѣли, такъ же бесполезна, какъ та, которая остается въ дулѣ. — Хорошо, Гаспаръ; да, дорогое дитя сержанта должно быть спасено, хотя бы мы всѣ при этомъ лишились скальповъ!

Между тѣмъ Слѣдопытъ достигъ середины рѣки и почти уже былъ на сторонѣ своихъ друзей, тогда какъ другой челнокъ достигъ указаннаго мѣста на противоположномъ берегу. Нѣсколько ударовъ весель приблизили его къ самому берегу; Марія съ Гаспаромъ и дядею поспѣшили въ прибрежные кусты, и по крайней мѣрѣ на время всѣ три бѣглеца были внѣ опасности.

Не такъ легко было Слѣдопыту; его благородное самопожертвованіе поставило его въ опасное положеніе, которое ухудшилось еще тѣмъ, что находившаяся до того времени на твердой землѣ толпа непріа-

телей бросилась внизъ по берегу и присоединилась къ стоявшимъ въ водѣ товарищамъ. — Въ этомъ мѣстѣ рѣка была не шире длины каната, и челнокъ его находился въ разстояніи не болѣе ста локтей отъ непріятелей, которые непрерывно направляли выстрѣлы противъ смѣлаго охотника.

Въ такомъ затруднительномъ положеніи Слѣдопытъ единственно положился на свою твердость и ловкость, и эти качества, которыми онъ обладалъ въ высшей степени, оказали ему теперь большую услугу. Онъ легко могъ рассчитать, что его безопасность зависѣла только отъ непрерывнаго движенія, ибо неподвижный предметъ служилъ бы на этомъ разстояніи всегда вѣрною цѣлью. Но онъ зналъ также, что одно движеніе было недостаточною защитою, ибо враги его, привыкшіе убивать оленя на скаку, конечно, умѣли взять цѣль такимъ образомъ, чтобъ попасть въ него, еслибъ движенія его были всегда одинаковы. Поэтому онъ счелъ за лучшее мѣнять направленіе своего челнока, нѣсколько времени съ быстротою стрѣлы плыль внизъ по теченію, потомъ спустя минуту перерѣзалъ его. — Къ счастію его, Ирокезы не могли снова заряжать свои ружья въ водѣ, а окаймлявшіе повсюду берегъ кусты затрудняли не упускать бѣглеца изъ виду, еслибъ онъ вышелъ на землю. Подъ защитою такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ онъ скоро былъ на болѣе безопасномъ отъ непріятелей разстояніи, какъ вдругъ возникла для него новая, хотя и не совсѣмъ неожиданная опасность.

Она состояла въ появленіи толпы, которая находилась въ засадѣ для охраненія рѣки. Тутъ было десять человѣкъ, которые, въ видахъ обезпеченія своихъ кровожадныхъ намѣреній, заняли выгодную позицію на томъ мѣстѣ, гдѣ вода шумно бѣжала между скалами и имѣла небольшую глубину. Противиться теченію было невозможно, и Слѣдопытъ предвидѣлъ, что онъ долженъ будетъ прямо плыть на Ирокезовъ, когда попадетъ въ это узкое мѣсто. Смерть или плѣнь были единственными вѣроятными послѣдствіями подобной попытки. Чтобы избѣгнуть этой опасности, онъ напрягъ всѣ свои силы и старался достигнуть западнаго берега, такъ какъ всѣ враги его держались на восточномъ. Но такое предпріятіе было не по силамъ одному человѣку, и попытка переплыть теченіе, конечно, должна была умѣрить ходъ челнока въ такой степени, что давала непріателямъ достаточно времени для вѣрной цѣли.—Въ такомъ затруднительномъ положеніи, бодрый охотникъ съ величайшей обдуманностію приступилъ къ приготовленіямъ для исполненія рѣшенія, принятаго имъ послѣ недолгаго размысленія. Въмѣсто того, чтобъ стараться достигнуть фарватера, онъ направился къ болѣе мелкому мѣсту рѣки, схватилъ ружье и ягдташъ, прыгнулъ въ воду и пошелъ въ бродъ въ западномъ направленіи отъ скалы къ скалѣ, предоставивъ челнокъ на волю судьбы. Этотъ быстро завертѣлся въ бурномъ теченіи, перекатился чрезъ нѣсколько подводныхъ камней, наполнился водой и снова выпустилъ ее, и наконецъ достигъ бе-

рега лишь въ разстояніи немногихъ локтей отъ того мѣста, гдѣ стояли индѣйцы.

Но, не смотря на придуманный способъ, слѣдопытъ еще никакъ не былъ внѣ опасности. Сначала удивленіе его ловкости и мужеству остановило на нѣсколько минутъ дѣятельность его враговъ, но жажда мести скоро проснулась въ нихъ съ новою силою. Выстрѣлъ слѣдовалъ за выстрѣломъ, и пули летали такъ близко отъ головы бѣглеца, что онъ могъ слышать свистъ ихъ, не смотря на прибой волнъ и шумъ воды. Но, не взирая на это, какъ бы имѣя застрахованную волшебною силою жизнь, онъ шелъ далѣе, и даже кожа его ни разу не была оцарапана, хотя простая одежда его была прострѣлена во многихъ мѣстахъ.

Нѣсколько разъ онъ принужденъ былъ идти, имѣя воду до плечъ, и въ такомъ положеніи держалъ надъ головою ружье и боевые припасы. Это не мало истощало его силы, и потому онъ обрадовался, когда достигъ небольшой скалы, верхняя плоскость которой, высоко подымавшаяся надъ рѣкой, была совершенно суха. На эту скалу положилъ онъ свою пороховницу, и самъ сталъ за скалою, чтобъ хотя частью защитить тѣло свое отъ непріятельскихъ пуль. Онъ былъ уже отъ западнаго берега на разстояніи лишь пятидесяти шаговъ; но быстрое и мрачное теченіе, отдѣлявшее его отъ берега, убѣждало его, что онъ можетъ достигнуть его не иначе какъ влავъ.

Индѣйцы между тѣмъ прекратили пальбу и собра-

лись около прибитаго волнами челнока, чтобъ овладѣть имъ и переправиться въ немъ чрезъ рѣку.

— Слѣдопытъ! раздался голосъ изъ бывшихъ на западномъ берегу кустовъ.

— Что вы хотите, Гаспаръ?

— Не падайте духомъ! ваши друзья близко, и ни одинъ Мнягосъ не переправится чрезъ рѣку безъ того, чтобы не получить пулю между глазъ. Не хотите ли оставить ружье ваше на скалѣ и переплыть сюда, прежде чѣмъ появятся негодяи?

— Нѣтъ, нѣтъ! Настоящій охотникъ никогда не бросаетъ своего оружія, пока у него есть порохъ въ пороховницѣ и пуля въ карманѣ. Еще я сегодня не трогалъ курка и не могу перенести мысли, что сошелся съ этими мерзавцами, не оставивъ имъ о себѣ памяти. При томъ же, я вижу между ними Стрѣлу, и желалъ бы послать ему награду за его предательство. А гдѣ же дочь сержанта, Гаспаръ? Вы не привели же ее сюда, на разстояніи ружейнаго выстрѣла нашихъ враговъ?

— Нѣтъ, Марія теперь въ безопасности, и намъ остается только разрѣшить задачу, чтобъ сохранить рѣку между нами и непріателемъ. Негодяи знаютъ теперь нашу малосильность и навѣрно дѣлаютъ по крайней мѣрѣ попытку переправиться.

— Этому должно воспрепятствовать до наступленія ночи; тогда, въ темнотѣ, мы попытаемъ наше послѣднее средство и употребимъ всѣ силы, чтобъ спасти дочь сержанта.

— Все это хорошо, Слѣдопытъ, еслибъ только вы могли достичь берега. Надѣетесь ли вы по крайней мѣрѣ попасть на берегъ съ сухимъ оружіемъ, если бы вмѣли нашъ челнокъ?

— Можетъ ли орель летать? спросилъ Слѣдопытъ, смѣясь отъ души.— Но какъ добыть челнокъ? Вы сами не должны выходить въ воду, ибо я вижу, что негодяи снова заряжаютъ ружья.

— Вѣдь это можно устроить, и не подвергая меня опасности. Капъ уже отправился выше за челнокомъ, и бросилъ въ рѣку сучокъ, чтобы изслѣдовать теченіе. Видите, вотъ ужъ онъ и плыветъ. Если онъ вѣрно направляется, то только протяните руку и тотчасъ вслѣдъ за сучкомъ приплыветъ и самый челнокъ.

Плывшій сучокъ приблизился, ускоряя свой бѣгъ сообразно усилившейся быстротѣ теченія, и потомъ поплылъ прямо на Слѣдопыта, который схватилъ его и съ торжествомъ поднялъ вверхъ. Капъ понялъ этотъ сигналъ и предоставилъ челнокъ теченію, которое и привлекло его прямо къ Слѣдопыту. Послѣдній остановилъ его, вспрыгнувъ туда съ ружьемъ и ягдташемъ, далъ судну сильный толчекъ, и чрезъ нѣсколько секундъ достигъ безопаснаго берега. Челнокъ укрѣпили, и оба пріятели отъ души пожали другъ другу руки.

— Теперь, Гаспаръ, посмотримъ, попытается ли который изъ этихъ негодяевъ переправиться по водѣ, смѣясь сказалъ Слѣдопытъ, махая надъ головой своей винтовкой.

— Вотъ уже они двигаются, возразилъ Гаспаръ, показывая на противоположный берегъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, воскликнулъ Слѣдопытъ, совершенно озадаченный. Трое негодяевъ только-что сѣли въ лодку. Они вѣрно думаютъ, что мы убѣжали, ибо иначе никогда не рискнули бы на чтонибудь подобное въ виду моего звѣробоя.

Ирокезы дѣйствительно предполагали, что Слѣдопытъ и друзья его бѣжали, и потому старались достигнуть противоположнаго отъ нихъ берега. Трое лежали въ челнокѣ; изъ нихъ двое стояли на колѣняхъ, постоянно наготовѣ къ выстрѣлу, а третій на задней части судна управлялъ весломъ. Онъ прекрасно зналъ свое дѣло, ибо подъ его твердыми и долгими ударами весла, легкая ладья летѣла по водѣ какъ птица.

— Стрѣлять мнѣ? спросилъ Гаспаръ, горя желаніемъ начать бой.

— Нѣтъ еще, мой другъ, шопотомъ отвѣчалъ Слѣдопытъ: — ихъ только трое, мы можемъ допустить ихъ спокойно причалить, и тогда снова овладѣемъ челнокомъ.

— А Марія?

— Не бойтесь ничего за нее. Она, какъ вы сами говорили, спрятана хорошо, и....

Онъ вдругъ замолчалъ, ибо въ эту самую минуту раздался ружейный выстрѣлъ. Индѣецъ, стоявшій на кормѣ, подпрыгнулъ на воздухъ, и затѣмъ вмѣстѣ съ весломъ упалъ въ воду. Легкій дымокъ

показался изъ одного куста на восточномъ берегу рѣки и постепенно исчезъ въ чистомъ, голубомъ воздухѣ.

— Это выстрѣлъ Чингахгока, радостно вскричалъ Слѣдопытъ. — Да, въ груди Делавара бьется смѣлое и вѣрное сердце. Но все-таки мнѣ жаль, что онъ вмѣшался въ дѣло; впрочемъ, онъ не зналъ достоверно о нашемъ положеніи и потому не могъ сдѣлать ничего лучшаго.

Между тѣмъ какъ Слѣдопытъ высказывалъ такимъ образомъ свои чувства, челнокъ, лишенный своего руководителя, былъ увлеченъ быстротою теченія. Находившіеся въ немъ два безпомощные индѣйца дико озирались кругомъ, не имѣя возможности оказать ни малѣйшаго сопротивленія силѣ стихіи. Черезъ нѣсколько секундъ челнокъ ударился о скалу, перевернулся, и оба воина упали въ воду. Челнокъ нависъ на скалѣ по срединѣ теченія; индѣйцы же вплавъ и вбродъ бросились обратно къ дружественному берегу, котораго и достигли благополучно, хотя съ потерей оружія.

— Теперь время позаботиться о нашемъ вѣрномъ союзникѣ Чингахгокѣ, сказалъ Слѣдопытъ, прикладывая къ плечу ружье свое, совершенно изготовленное для выстрѣла. Смотрите, смотрите! такъ же вѣрно какъ я бѣдный грѣшникъ, одинъ изъ этихъ негодяевъ уже крадется по берегу. Пстой.

Острый глазъ Гаспара тотчасъ открылъ того, кого указывалъ Слѣдопытъ. Это былъ молодой непріятельскій воинъ, горѣвшій желаніемъ отличиться, и потому

подкрадывавшійся къ убѣжищу, въ которомъ скрывался Чингахгокъ. Онъ именно достигъ той позиціи, съ которой могъ видѣть Чингахгока, что ясно доказывалось его приготовленіями къ выстрѣлу, хотя самъ Слѣдопытъ не могъ еще увидѣть убѣжища своего друга.

Храбрый охотникъ опустилъ свое ружье, не спуская глазъ съ молодаго непріятельскаго воина.

— Чингахгокъ долженъ находится тамъ около дороги и быть особенно насторожѣ, если допускаетъ къ себѣ на такое близкое разстояніе молодаго кровопійцу, — проворчалъ онъ про себя.— Смотрите, этотъ коварный негодяй именно имѣетъ намѣреніе овладѣть скальпомъ моего давнишняго, лучшаго и испытаннаго друга.

Вдругъ Слѣдопытъ замолчалъ, быстро поднялъ свое длинное ружье, прицѣлился съ достойною удивленія быстротою и вѣрностію и выстрѣлилъ. Ирокезецъ тотчасъ свалился, и ружье его, которымъ онъ только что прицѣлился въ Чингахгока, разрядилось безвредно на воздухъ.

— Коварный червь не хотѣлъ ничего лучшаго, пробормоталъ Слѣдопытъ, опустивъ ружье и снова заряжая его.—Мы съ Чингахгокомъ сражались рядомъ съ равней молодости, и такой безумный негодяй думаетъ, что я хладнокровно посмотрю на умерщвленіе моего лучшаго друга изъ засады. Глупъ же онъ!

— Смотрите, Слѣдопытъ, прервалъ его Гаспаръ:— что это плыветъ къ нашему берегу, собака или олень?

— Ни то, ни другое: это человѣкъ, и притомъ

индѣецъ, отвѣчалъ Слѣдопытъ, внимательно осмотрѣвъ указанный предметъ.

— Онъ что-то толкаетъ передъ собой, и голова его походитъ на плывущій кустъ, сказалъ Гаспаръ.

— Да, это индѣйская чертовщина, мой другъ; но наша христіанская честность побѣдитъ все ихъ хитрости.

Пока индѣецъ медленно приближался, наблюдатели снова усомнились въ своемъ мнѣніи, пока, наконецъ, когда онъ проплылъ уже двѣ трети рѣки, истина сдѣлалась имъ ясною.

— Это Чингахгокъ, также вѣрно, какъ я здѣсь стою, вскричалъ Слѣдопытъ, и такъ отъ души засмѣялся счастливой мысли своего друга, что слезы потекли изъ глазъ его. Онъ прикрѣпилъ кустарникъ на свою голову, чтобы защитить ее, и привязалъ пороховницу къ небольшому сучку. Ружье лежитъ на стволѣ дерева, который гонитъ онъ передъ собой, и переплываетъ, чтобъ присоединиться къ друзьямъ. Ахъ, тѣ времена, когда мы вмѣстѣ выкидывали подобныя штуки, не такъ еще далеко отъ насъ!

— Но, право, это не Чингахгокъ, прервалъ его Гаспаръ:—я не могу замѣтить ни одной черты, которую бы помнилъ.

— Что такое черта! Кто станетъ у индѣйца смотрѣть на черты? Разрисовка говоритъ все. Это краски Чингахгока, которыхъ никто не будетъ носить, кромѣ Делаваара, и потомъ, пріятель, можете также видѣть глазъ его — глазъ храбраго начальника. Но,

Гаспаръ, какъ ни дико блеститъ онъ въ бою, и какъ ни ярко сверкаетъ изъ-за зелени листьевъ, — все-таки я видѣлъ эти глаза полные слезъ, и въ не давнее еще время! Да, подъ этой красной кожей бьется вѣрное и мягкое сердце, хотя понятія его отличаются отъ нашихъ.

— Въ этомъ никто не сомнѣвается, кто только его знаетъ, возразилъ Гаспаръ.

— Да, но я убѣжденъ въ этомъ, гордо сказалъ Слѣдопытъ: — я былъ его товарищемъ въ счастіи и горѣ, и всегда видѣлъ его вѣрнымъ и честнымъ человекомъ. Но довольно объ этомъ. Онъ знаетъ, что я люблю его и всегда за спиною говорю о немъ хорошо. Больше ничего и не нужно.

Чингахгокъ въ это время совершенно достигъ берега около своихъ товарищей, вскарабкался на него, подобно собакѣ, страхнулъ съ себя, и издалъ свое обыкновенное восклицаніе гугъ!. Слѣдопытъ привѣтствовалъ его съ трогательною радостью:

— Развѣ благоразумно было съ твоей стороны, что ты улегся въ засаду одинъ противъ дюжины Мингосовъ? спросилъ онъ съ полнымъ упрекомъ, но вѣжливымъ участіемъ. Конечно, Звѣробой рѣдко даетъ промахъ, но рѣка широка, и я видѣлъ у негодея, который посягалъ на твою жизнь, немного болѣе головы и плечъ. Тебѣ бы нужно было обдумать это.

— Чингахгокъ могиканскій воинъ, и на полѣ сраженія думаетъ только о непріятеляхъ.

— Да, я знаю это, и мнѣ извѣстны твои поня-

тія, возразилъ Слѣдопытъ,—но тѣмъ не менѣе благо-
разуміе также идетъ воину, какъ и храбрость, и
еслибъ эти проклятые Ирокезы не глазѣли на своихъ
друзей въ водѣ, то несомнѣнно попали бы на твой
горячій слѣдъ.

Чингахгокъ пробормоталъ нѣсколько непонятныхъ
словъ. Потомъ вдругъ отошелъ отъ своего друга,
обернулся, направился къ рѣкѣ и снова сошелъ въ
воду. Гаспаръ слѣдилъ за этими движеніями, не скрыва-
вая своего изумленія.

— Какое намѣреніе у Делавара? спросилъ онъ:—не
захочетъ же онъ вернуться на другой берегъ?

— Нѣтъ, не въ томъ дѣло, возразилъ Слѣдопытъ:—
вы знаете, Гаспаръ, что онъ индѣйскій начальникъ,
а потому у него и понятія индѣйскія. Глядите, онъ
плыветъ къ трупу Ирокеза, котораго онъ передъ
тѣмъ убилъ, и который виситъ тамъ на скалѣ. Онъ
плыветъ къ нему ради чести и славы, то есть чтобъ
достать его скальпъ.

— Но, Боже мой! онъ подвергаетъ себя при этомъ
сильнѣйшей опасности, вскрикнулъ молодой человекъ
заботливо.

— Да; но онъ ни во что не ставитъ опасность,
когда дѣло идетъ о смѣломъ поступкѣ.

Теперь между Ирокезами поднялись страшные крики,
за которыми послѣдовали выстрѣлы. Враги стара-
лись удалить Делавара отъ его жертвы, и при этомъ
такъ разгорячились, что даже десятеро изъ нихъ
бросились въ воду и отплыли около ста футовъ

въ пѣнившемся теченіи. Но Чингахгокъ не видѣлъ въ этомъ препятствія, и окончилъ свою задачу спокойно и съ ловкостью, достойною долгой опытности. Потомъ высоко въ воздухѣ поднялъ онъ кровавый знакъ побѣды, и въ громкихъ, страшныхъ звукахъ издалъ боевой кликъ своего народа. Ирокезы отвѣчали крикомъ изступленія, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ безмолвный лѣсъ наполнялся страшными звуками возбужденныхъ страстей.

Между тѣмъ Делаваръ достигъ невредимо берега, бросилъ на своихъ товарищей гордый, торжествующій взглядъ, и потомъ удалился въ глубь кустовъ, чтобы выжать свою мокрую одежду и снова зарядить ружье.

— Гаспаръ, отправьтесь теперь внизъ къ Капу, и пригласите его присоединиться къ намъ, сказалъ Слѣдопытъ. Намъ необходимо посоветоваться, и мы не имѣемъ на это много времени, потому что эти негодные Мингосы скоро постараются отплатить за понесенную ими неудачу.

Гаспаръ послушался, и чрезъ нѣсколько минутъ всѣ четверо собрались вблизи берега для обсужденія своихъ дальнѣйшихъ движеній.

Но уже вечерѣло, и наступили сумерки, которыя вскорѣ должны были смѣниться глубокой и темной ночью. На этомъ благоприятномъ обстоятельствѣ основывалъ Слѣдопытъ свои надежды, ибо если темнота и не устранила всякой опасности, то все-таки могла способствовать бѣгству, скрывая ихъ движенія отъ непріятелей.

— Друзья, серьезно сказалъ онъ, — настала минута обсудить наши планы. Черезъ часъ эти лѣса будутъ такъ темны, какъ въ полночь, и если мы когда либо хотимъ достигнуть форта, то это необходимо исполнить въ темнотѣ. Каково ваше мнѣніе, мистеръ Капъ?

— Я думаю, что мы не можемъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ снова сѣсть въ челнокъ и поплыть къ форту съ такою скоростію, какую только дозволить вода и вѣтеръ.

— А вы, Гаспаръ, что скажете? спросилъ его Слѣдопытъ.

— Я того же мнѣнія, возразилъ молодой человѣкъ. Еслибъ я и Чингахгокъ могли вплавь достигнуть другаго челнока и привести его, то самый вѣрный путь для насъ будетъ по водѣ.

— Да, да, — еслибы! И то это можно бы исполнить, какъ только немного стемнѣетъ. Скажите, Гаспаръ, хотите это вы предпринять или нѣтъ?

— Я готовъ на все, что только можетъ послужить въ пользу Марін, отвѣчалъ Гаспаръ.

— Ну, хорошо, тогда Чингахгокъ можетъ помочь вамъ, и у Мингосовъ отнимется хотя одно средство, которымъ они могутъ воспользоваться для отмщенія намъ за неудачу и ущербъ.

Когда такимъ образомъ эта статья приведена была въ ясность, то приступили къ необходимымъ для выполнения ея приготовленіямъ. Лишь только вечерняя мгла густо спустилась надъ лѣсомъ, и такъ стемнѣло, что уже нельзя было различать предметы на противо-

положномъ берегу, все было уже готово къ смѣлой попыткѣ. Между тѣмъ какъ Чингахгокъ и Гаспаръ сошли въ воду, вооруженные только ножами и томагавкомъ Делавара, и старались скрыть всѣ свои движенія съ величайшею осторожностію, Слѣдопытъ отправился за Маріею въ ея убѣжище, пошелъ съ ней и Капомъ къ мѣсту нахождения челнока, и всѣ вошли въ него, занявъ свои прежнія мѣста. Слѣдопытъ стоялъ у кормы и крѣпко держался за кусты, чтобы челнокъ не былъ увлеченъ теченіемъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ напряженнаго вниманія, въ теченіе коихъ они ожидали результатовъ смѣлаго предпріятія ихъ друзей.

Оба смѣльчакаплыли по глубокому и быстрому фарватеру и благополучно достигли узкаго мѣста, гдѣ мелководье дало имъ возможность идти вбродъ. Какъ только они почувствовали твердое дно, то взяли другъ друга за руки, и медленно, съ крайнею осторожностію, пошли по тому направленію, гдѣ надѣялись найти челнокъ. При этомъ Гаспаръ совершенно предоставилъ себя на волю инстинкта Делавара, такъ какъ въ глубокой темнотѣ глаза не могли принести никакой пользы. Ничего не было видно даже на разстояніи трехъ шаговъ, и когда оба смѣльчака думали, что находятся по срединѣ рѣки, то берега представлялись одними темными массами, которыхъ очертанія обозначались на небѣ лишь выступавшими вершинами деревьевъ.

Путникамъ приходилось нѣсколько разъ мѣнять свое

направленіе, ибо они неожиданно напали на глубокія мѣста, между тѣмъ какъ знали, что челнокъ стоитъ на самомъ мелкомъ пунктѣ рѣки.

Уже около четверти часа бродили они по водѣ; но, казалось, находились отъ предмета своихъ поисковъ въ такомъ же разстояніи, какъ и сначала. Гаспаръ сталъ выражать нетерпѣніе, а Делаваръ хотѣлъ уже сообщить ему, что имъ лучше вернуться къ берегу, чтобы оттуда возобновить свою попытку, — какъ вдругъ увидѣли они движеніе по водѣ посторонняго человѣка, и имъ сдѣлалось ясно, что Ирокезы преслѣдуютъ ту же цѣль, какъ и они.

— Мингось! — прошепталъ Делаваръ Гаспару на ухо. — Я покажу имъ, до какой степени можно быть хитрымъ.

Молодой человѣкъ замѣтилъ неизвѣстную личность и страшная правда блеснула въ душѣ его. Онъ тотчасъ созналъ необходимость совершенно довѣриться руководству Делавара въ этомъ опасномъ положеніи, и отвѣтилъ утвердительно на предложеніе Чингахгока предоставить дѣло его хитрости.

— Хугъ! воскликнулъ приближаясь дикарь; челнокъ отысканъ, но никого нѣтъ, кто бы помогъ мнѣ; пойдемте, отдеремъ его отъ скалы.

— Пойдемъ, отвѣчалъ Чингахгокъ на языкѣ Ирокезовъ: — веди насъ, мы идемъ за тобой.

Неизвѣстный послѣдовалъ этому приглашенію и повелъ своихъ враговъ прямо къ челноку, котораго и достигли черезъ нѣсколько секундъ. Онъ сталъ на одномъ

концѣ, Чингахгокъ у середины, а Гаспаръ у другога конца.

— Подымайте, сказала Ирокезь, и тотчасъ челнокъ сдвинули со скалы, освободили отъ наполнившей его воды, и потомъ снова поставили въ надлежащее положеніе. Всѣ трое крѣпко держали лодку, чтобъ теченіе не увлекло ее, и Ирокезь направился къ восточному берегу, гдѣ его ожидали товарищи.

Появъ изъ того обстоятельства, что ихъ появленіе нисколько не удивило индѣйца, что еще многіе Ирокезы должны находиться въ водѣ, Чингахгокъ и Гаспаръ сознали необходимость крайней осторожности. Тѣмъ не менѣе они не выказали никакого страха и даже рѣшились бы на болѣе смѣлое предпріятіе, чтобы только овладѣть челнокомъ, который былъ имъ необходимъ для предположеннаго бѣгства.

Между тѣмъ, Ирокезь, показывавшій дорогу, тихо двигался по водѣ впередъ, и велъ за собою своихъ противниковъ. — Чингахгокъ уже подвѣлъ однажды свой томагавкъ, чтобъ хватить имъ по черепу своего непріятеля; но вѣроятность, что смертный крикъ индѣйца привлечетъ къ нимъ всѣхъ его товарищей, побудила осторожнаго Делаvara отложить свое намѣреніе. Скоро однако онъ раскаялся въ своей нерѣшительности, увидѣвъ себя окруженнымъ еще четырьмя Ирокезами, которые также искали челнока.

Тотчасъ они остановили челнокъ, и Чингахгокъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ увидѣлъ себя въ

весьма большомъ затрудненіи. Послѣ обмѣна паръ словъ, Ирокезы общими силами повлекли судно къ своему берегу, и скоро достигли края восточнаго фарватера, гдѣ, какъ и на западномъ, вода была слишкомъ глубока, чтобы идти вбродъ. Здѣсь на короткое время они остановились, ибо нужно было рѣшить, какимъ именно способомъ скорѣе довести челнокъ до берега.

Эта остановка болѣе всего угрожала Гаспару, что его откроютъ, хотя положеніе его у задней части лодки нѣкоторымъ образомъ скрывало его отъ глазъ непріятелей. Еще опаснѣе было для Чивгахгока, который буквально окруженъ былъ своими смертельными врагами, и едва могъ двигаться безъ того, чтобы не задѣть котораго либо изъ нихъ. Онъ, однако, держался спокойно, хотя всѣ его чувства были напряжены, и каждую минуту былъ наготовѣ бѣжать или же въ удобный моментъ сдѣлать рѣшительную попытку. Опасность быть открытымъ уменьшалась еще тѣмъ, что онъ не оглядывался, и такимъ образомъ лицо его скрывалось отъ стоявшихъ сзади. Со всѣмъ непоколебимымъ терпѣніемъ храбраго начальника ожидалъ онъ минуты, когда ему придется дѣйствовать.

— Пусть всѣ мои молодые воины иду на берегъ за своимъ оружіемъ, кромѣ только двоихъ на концахъ челнока, сказалъ наконецъ вновь подошедшій индѣецъ, который, какъ казалось, былъ одинъ изъ начальниковъ Ирокезовъ.

Индѣйцы повиновались и оставили Гаспара у кормы, а Ирокеза, нашедшаго челнокъ, у носа. Чингахгокъ такъ глубоко нырнулъ въ воду, что, не будучи замѣченнымъ, миновалъ всѣхъ остальныхъ. Плескъ воды скоро извѣстилъ, что всѣ пустились вплавъ и быстро удалялись. Какъ только Делаваръ это замѣтилъ, онъ тотчасъ вынырнулъ, снова занялъ прежнюю свою позицію и сталъ думать о моментѣ для дѣйствія.

Такъ какъ онъ зналъ, что сзади его на водѣ находятся еще многіе Ирокезы, и былъ слишкомъ опытный воинъ, чтобы пускаться напрасно въ опасное предиріятіе, то и предоставилъ индѣйцу идти спокойно въ глубокое мѣсто, и затѣмъ всѣ трое поплыли впередъ къ восточному берегу. Но, вмѣсто того, чтобы помогать вести челнокъ наискось быстрого теченія, Делаваръ и Гаспаръ плыли такимъ образомъ, что препятствовали ему двигаться по этому направленію. Это дѣлалось такъ осторожно и постепенно, что Ирокезъ у носа сначала думалъ, что ему приходится бороться только съ силою теченія, и челнокъ все двигался внизъ такимъ образомъ, пока не достигъ болѣе тихой воды въ концѣ узкаго мѣста. Здѣсь только дикарь замѣтилъ обманъ: обернулся, и тотчасъ увидѣлъ, что причину безплодности своихъ усилій онъ долженъ искать въ дѣйствіяхъ своихъ помощниковъ.

Не показывая никакого страха, онъ быстрымъ скачкомъ чрезъ воду кинулся къ Чингахгоку, и тутъ

оба индѣйца схватились съ ожесточеніемъ раздраженныхъ тигровъ. Среди мрака темной ночи, и плывя на стихіи, которая должна была представлять столько опасностей для смертельнаго боя, они, казалось, забыли все, кромѣ кровавой вражды и обоюднаго стремленія побѣдить, во что бы то ни стало.

Гаспаръ увидѣлъ челнокъ въ полномъ своемъ владѣніи; тѣмъ не менѣе, первую мыслию его было поспѣшить на помощь Делавару. — Но послѣ онъ вспомнилъ, какъ необходимо обезпечить обладаніе челнокомъ, и погналъ его, какъ только было возможно скоро, къ западному берегу. Онъ достигъ его благополучно, и, послѣ недолгаго исканія, нашелъ оставленное имъ общество, которому и сообщилъ, въ какомъ положеніи и опасномъ бою онъ вынужденъ былъ оставить Делавара.

За извѣщеніемъ наступило глубокое молчаніе, и каждый напряженно прислушивался къ тишинѣ ночи, чтобы услышать хотя что нибудь такое, что могло бы указать на исходъ страшнаго боя въ водѣ. Но ничего не было слышно, кромѣ шума журчащей рѣки, и даже враги на противоположномъ берегу соблюдали такую же гробовую тишину.

— Гаспаръ! сказалъ наконецъ Слѣдопытъ спокойно, но нѣсколько меланхолическимъ и грустнымъ голосомъ:— возьмите это весло и слѣдуйте за мной съ вашимъ челнокомъ. Неблагоразумно долѣе медлить здѣсь.

— А Чивгахгокъ?

— Онъ въ рукахъ своего Бога и будетъ жить или умретъ, какъ угодно будетъ Всевышнему. Помочь мы ему не можемъ, и было бы слишкомъ рискованно оставаться здѣсь въ бездѣйствіи и горевать. Темнота неопѣвенна и надо ею пользоваться.

Громкій, продолжительный, страшный крикъ раздался съ берега и прервалъ его рѣчь.

— Что значитъ этотъ шумъ? спросилъ Капъ, совершенно пораженный.— Онъ походить болѣе на крики дьяволовъ, чѣмъ на звуки изъ горла христіанъ.

— Этотъ крикъ, глубоко вздохнувъ и съ грустію отвѣчалъ Слѣдопытъ, — крикъ радости побѣдителей. Не можетъ быть болѣе сомнѣнія, — что тѣло Чингахгока, живое или мертвое, въ рукахъ кровожадныхъ Мингосовъ.

— А мы?—воскликнулъ Гаспаръ, полный раскаянія, ибо чувствовалъ, что могъ бы отклонить это несчастіе, еслибъ не покинулъ своего товарища.

— Мы не можемъ быть ему полезны, Гаспаръ, и потому намъ надо удалиться.

— Не дѣлая никакой попытки къ его освобожденію? Не зная даже, живъ онъ или нѣтъ?

— Да, да, Гаспаръ правъ, робко сказала Марія:— я остаюсь здѣсь и не двинусь съ мѣста, пока не буду знать, какая судьба постигла нашего друга.

— Слѣдопытъ! я нахожу это благоразумнымъ, и соглашаюсь съ моей племянницей, обдумавъ сказалъ Капъ:— настоящій морякъ не можетъ покинуть своего

товарища въ нуждѣ, и меня радуетъ, что я нахожу между прѣсноводами такія же хорошія понятія.

— Полноте вздоръ молоть, поспѣшно перебилъ его Слѣдопытъ, сталкивая въ то же время челнокъ въ воду. Вы не можете измѣрить опасность, и потому не бовтесь ея. Но дочь сержанта должна быть спасена, и если вамъ дорога жизнь, то старайтесь достигнуть форта, и предоставьте Делавара его судьбѣ. Ахъ! олень, который слишкомъ часто ходитъ по соленую воду, наконецъ встрѣчаетъ тамъ охотника.

Тогда всѣ, безъ возраженія, сѣли въ стоявшіе наготовѣ челноки, которые, подъ управленіемъ Слѣдопыта и Гаспара, быстро и спокойно поплыли внизъ по рѣкѣ. Кругомъ все было тихо; только природа говорила своими тысячами языковъ на нарѣчій темной лѣсной ночи. Воздухъ вздыхалъ между деревьями; вода шумѣла и журчала вдоль берега, и тамъ и сямъ раздавался трескъ сухой вѣтки или трещало дерево въ пустынѣ. Одинъ разъ Слѣдопыту казалось, что онъ слышитъ отдаленный вой волка; но звукъ этотъ былъ такъ непродолжителенъ и сомнителенъ, что онъ остался въ недоумѣніи на счетъ значенія его.

Прошло уже около часа, въ теченіе коего все общество въ челнокахъ тихо разговаривало, какъ вдругъ Слѣдопытъ поднялъ руку, дѣлая знакъ, чтобы всѣ замолчали.

— Я слышалъ человѣческіе шаги на берегу, прошепталъ онъ.

— Развѣ Ирокезамъ удалось съ оружіемъ и безъ лодки переправиться чрезъ рѣку? тихо спросилъ Гаспарь.

— Это можетъ быть Делаваръ, возразилъ Слѣдопытъ: — быть можетъ, онъ слѣдовалъ по берегу параллельно намъ, такъ какъ знаетъ, гдѣ насъ найти, и я во всякомъ случаѣ хочу приблизиться къ берегу, чтобъ сдѣлать рекогносцировку.

— Пустите меня! торопливо прошепталъ Гаспарь. Я оставилъ Делавара въ нуждѣ, и готовъ на все, если могу помочь ему.

— Прекрасно; это благородное чувство, а я не помѣшаю вамъ послѣдовать ему, отвѣчалъ Слѣдопытъ. — Идите же, но дѣйствуйте весломъ потихоньку, и ни въ какомъ случаѣ не рискуйте выходить наудачу на берегъ.

Гаспарь быстро исчезъ въ темнотѣ, между тѣмъ какъ другой челнокъ медленно скользилъ внизъ по теченію. Никто не говорилъ, никто не пропускалъ ни одного звука, ни даже вздоха или самаго слабого стопа, доносившихся съ берега. Но все-таки кругомъ царствовала величественная и торжественная тишина, какъ и прежде; прошло минутъ десять, и никто не зналъ еще о результатахъ предпринятаго дѣла. Наконецъ послышался трескъ сухихъ вѣтвей, и Слѣдопытъ казался, что онъ слышитъ звуки сдержанныхъ голосовъ.

— Можетъ быть, я и ошибаюсь, сказалъ онъ, пре-

одолѣвая волненіе: — но мнѣ кажется, что эти звуки похожи на голосъ Делаваара.

— Я вижу что-то на водѣ, прошептала Марія, стараясь проникнуть глазомъ въ темноту.

— Да, да, это челнокъ, отвѣчалъ обрадованный Слѣдопытъ. Вѣрно все благополучно, иначе мы бы что нибудь услышали отъ Гаспара.

Вслѣдъ затѣмъ оба челнока снова поплыли рядомъ, и явственно показалась личность Гаспара на кормѣ своей лодки. На носу же сидѣлъ другой человекъ, въ которомъ Слѣдопытъ тотчасъ узналъ своего вѣрнаго товарища, Делаваара.

— Чингахгокъ, братъ мой! сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, выразившимъ вполне всю силу его радостныхъ чувствъ: — сердце мое радуется. Мы часто ходили вмѣстѣ въ кровавыя битвы, но я уже боялся, что этого больше не будетъ!

— Гугъ! воскликнулъ Чингахгокъ. — Мингосы настоящія бабы; три скальпа ихъ висятъ у моего пояса. Они не умѣютъ поразить Делаваара. Въ сердцѣ ихъ нѣтъ крови, а мысли ихъ на обратномъ пути чрезъ воды большаго озера.

— Ты былъ между ними, другъ? Что случилось съ воиномъ, который находился въ водѣ?

— Онъ сталъ рыбой, и кости его лежатъ на днѣ у угрей. Мой ножъ достигъ его; пусть братья ловятъ его удочками. Слѣдопытъ, я считалъ враговъ и трогалъ ружья ихъ.

— Какъ отважно! закричалъ Слѣдопытъ по-англій-

ски своимъ спутникамъ. Смѣлый Делаваръ былъ между нами, и привесъ намъ всю ихъ исторію. Говоря, Чингахокъ, чтобъ я могъ сообщить друзьямъ твоимъ приключенія.

Могиканъ, удовлетворяя этому приглашенію, разсказалъ сущность сдѣланныхъ имъ открытій съ того времени, когда онъ боролся въ водѣ съ своимъ врагомъ. Какъ только онъ вышелъ побѣдителемъ изъ этой страшной схватки, то поплылъ къ восточному берегу, осторожно вышелъ на землю, и подъ защитой темноты слѣдовалъ дальше посреди Ирокезовъ. Однажды его окликнули; но онъ выдалъ себя за Стрѣлу, и этимъ избѣгъ дальнѣйшихъ разспросовъ. Изъ разговоровъ дикихъ онъ скоро убѣдился, что они искали Марію и дядю ея, которому придавали высшее званіе, нежели онъ имѣлъ на самомъ дѣлѣ. Также узналъ онъ, что Стрѣла измѣнилъ имъ, хотя и не получилъ еще условленнаго за его услуги вознагражденія.

Слѣдопытъ перевелъ этотъ разсказъ на англійскій языкъ, и потомъ объявилъ своимъ спутникамъ, что пришло время приложить всѣ силы, чтобы бѣжать дальше, пока Ирокезы еще не оправились отъ своего замѣшательства.

— Мы уже не далеко отъ гарнизона, прибавилъ онъ, — и намъ остается миновать только одно узкое мѣсто. Если мы и тутъ наткнемся на толпу дикихъ, то при царствующей тьмѣ они немного могутъ повредить намъ. Гаспаръ, возьмите, однако, Марію въ

вашъ челнокъ, ибо мы знаемъ, что вы лучше меня знаете дорогу, и затѣмъ съ Божіею помощію двинемся впередъ.

Это указаніе было исполнено: Марія и Чингахгокъ помѣнялись мѣстами, и челноки поплыли впередъ въ темнотѣ. Разговоры прекратились и приближеніе опаснаго узкаго мѣста произвело на каждого боязненное впечатлѣніе. Скоро послышался шумъ падающей воды, и въ особенности Капъ долженъ былъ приложить всю храбрость и держаться смиренно на своемъ сидѣннѣ, такъ какъ онъ не могъ еще прогнать непріятнаго впечатлѣнія при переправѣ чрезъ первый водопадъ. Страхъ его былъ, впрочемъ, если не совершенно неоснователенъ, то слишкомъ силенъ, такъ какъ узкія мѣста рѣки Озвего гораздо безопаснѣе для плаванія, чѣмъ водопады ея.

Марія также была не безъ заботы; но она скоро успокоилась при дружескомъ разговорѣ ея спутника, который только просилъ ее держаться крѣпче за челнокъ, а въ остальномъ, безъ страха и боязни, положиться на Бога и его управленіе.

Теперь быстрина завладѣла челнокомъ Гаспара и повнесла его впередъ съ необычайною быстротою. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ Марія не видѣла вокругъ себя ничего, кромѣ брызгъ блестящей пѣны, и не слышала ничего, кромѣ шума волновавшейся воды. Разъ двадцать казалось, что легкое судно должно быть поглощено подымавшимися волнами, но всегда подъ сильнымъ и ловкимъ управленіемъ Гаспара оно не-

вредимо избѣгало грозившей опасности, и скоро снова очутилось въ спокойномъ и безопасномъ фарватерѣ, оставивъ далеко за собою опасное мѣсто.

— Вся опасность миновала, Марія, радостно вскричалъ молодой морякъ: — и еще сегодня ночью вы обнимете своего отца.

— Слава Богу, сказала Марія, глубоко вздохнувъ: — но гдѣ же наши друзья?

Гаспаръ поглядѣлъ кругомъ, и тотчасъ увидѣлъ другой челнокъ, но пустой и съ поднятымъ кверху килемъ. Онъ былъ опрокинутъ волнами, и сидѣвшіе въ немъ старались теперь вплавь или вбродъ достигнуть берега. Это удалось имъ, и Слѣдопытъ закричалъ Гаспару, чтобы онъ спокойно продолжалъ свой путь по рѣкѣ, между тѣмъ какъ онъ съ своими товарищами постарается достигнуть форта сухимъ путемъ. Гаспаръ повиновался, и послѣ непродолжительнаго плаванія, лодка его очутилась подъ валами небольшой крѣпости. На зовъ его открыли ворота, и чрезъ нѣсколько минутъ Марія была въ объятіяхъ своего отца, который съ радостными слезами сердечной любви встрѣтилъ дитя свое, благополучно избѣгнувшее опасности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Не болѣе осьми дней отдыхала Марія въ обществѣ своего отца, какъ въ одно утро его потребовали къ маіору Дункану Лунди, коменданту форта на рѣкѣ Озвего.

— Сержантъ! сказалъ онъ ему: — какъ вамъ уже извѣстно, васъ пошлютъ на слѣдующій мѣсяцъ на «Тысячу острововъ». Ваша очередь смѣны, и хотя нашъ квартирмейстеръ, лейтенантъ Муиксъ, заявляетъ желаніе на этотъ разъ заступить ваше мѣсто, но этого нельзя исполнить. Если онъ хочетъ сопровождать васъ, то можетъ только въ качествѣ волонтера. Выбрали ли вы для себя команду?

— Все готово, сударь, — по-военному быстро отвѣчалъ сержантъ.

— Хорошо; такъ послѣзавтра, если не завтра въ ночь, вамъ надо отправляться; отрядъ сильно требуетъ смѣны.

— Объ этомъ говорилъ молодой Гаспаръ Вестернъ. Человѣкъ, на котораго можно положиться.

— Гаспаръ Вестернъ! Этотъ молодой человѣкъ тоже будетъ сопровождать васъ?

— Онъ командуетъ «Тучей», нашимъ куттеромъ, на которомъ намъ придется отправиться на станцію.

— Правда, но я думалъ, что вы захотите взять съ собою вашего девера Капа, такъ какъ этотъ морякъ охотно разъ покрейсируетъ на прѣсной водѣ.

— Я во всякомъ случаѣ намѣренъ взять его съ собою; но онъ, какъ и лейтенантъ Муиксъ, долженъ отправиться волонтеромъ. Гаспаръ слишкомъ бравый малый, чтобы безъ причины отнять у него команду, и къ тому же я опасаюсь, что Капъ слишкомъ презираетъ наши воды, чтобъ быть на нихъ полезнымъ.

— Хорошо, сержантъ, я предоставляю все это вашему усмотрѣнію; вы возьмете также съ собою Слѣдпыта?

— Да, если позволите, сударь. Я думаю, что ему и Чингахгоку будетъ работа.

— И по моему мнѣнію, вы правы. Ну, сержантъ, такъ желаю вамъ счастья въ вашемъ предпріятіи. Не забудьте, что постъ необходимо уничтожить и покинуть, когда ваша команда призвана будетъ обратно, и вернитесь домой въ полномъ здравіи. Идите съ Богомъ, мой другъ.

Сержантъ Дунгамъ сдѣлалъ честь по-военному, повернулся налѣво кругомъ, и хотѣлъ уже выйти въ дверь, какъ былъ позванъ маіоромъ назадъ.

— Я забылъ сказать вамъ, сержантъ, что младшіе офицеры просили о состязаніи въ стрѣльбѣ. Завтрашній день назначенъ для этого, и всякій можетъ быть допущенъ. Призы состоятъ изъ выложенной серебромъ пороховницы, кожаной фляжки для пороха и шелковой дамской шляпки, которую побѣдитель можетъ подарить, чтобы выказать свою любезность.

— Очень хорошо; а Слѣдопытъ также можетъ принять участіе въ состязаніи?

— Конечно, если ему есть охота. Впрочемъ, какъ я въ послѣднее время замѣтилъ, онъ не принимаетъ никакого участія въ подобнаго рода развлеченіяхъ,— вѣроятно потому, что убѣжденъ въ своей собственной безпримѣрной ловкости.

— Да это такъ и есть, майоръ. Честный малый знаетъ, что никто не можетъ помѣряться съ нимъ, и потому не хочетъ лишать другихъ удовольствія.

— Ну, въ этомъ случаѣ, пусть дѣлаетъ, какъ хочетъ. Прощайте, сержантъ Дунгамъ.

Этимъ окончился разговоръ, и, почтительно поклонясь, сержантъ удалился, чтобы пригласить своего друга Слѣдопыта принять на другой день участіе въ состязаніи.

Для этого развлеченія приискали открытое мѣсто, которое уравнили и очистили отъ всякихъ кустовъ. Оно лежало нѣсколько на западъ отъ форта, непосредственно у берега озера, и было достаточно обезпечено отъ случайнаго нападенія дикихъ.

Длина цѣли была сто локтей, а самая цѣль состо-

яла изъ обыкновенной бѣлой доски, центръ которой означенъ былъ черной звѣздой, называемой бычачимъ глазомъ. Въ нее должны были стрѣлять свободной рукой. Для зрителей, въ особенности женщинъ, устроены были у самаго берега озера низкіе подмости, вблизи коихъ на столбѣ повѣшены были призы. Передняя скамейка занята была женами трехъ офицеровъ съ ихъ дочерьми, между тѣмъ какъ на второй скамейкѣ помѣстились Марія и жены унтеръ-офицеровъ.

Какъ только дамы усѣлись, маіоръ Дунди отдалъ приказаніе начать состязаніе. Тотчасъ выступили восемь или десять лучшихъ стрѣлковъ, и начали стрѣлять поочередно. Это были офицеры и другія лица безъ разбора, такъ какъ никто не долженъ былъ быть устраненъ отъ участія. Нѣкоторые попали въ середину доски, другіе стрѣляли съ меньшею вѣрностію, смотря по тому, какъ каждый былъ поддержанъ ловкостью или подкрѣпленъ счастіемъ.

По правиламъ стрѣльбы, никто не могъ болѣе стрѣлять, если сначала далъ промахъ, и плацъ-адъютантъ вызвалъ болѣе счастливыхъ стрѣлковъ, чтобы они готовы были къ дальнѣйшему состязанію, когда появились на стрѣльбищѣ маіоръ Дунканъ, лейтенантъ Муиксъ и Гаспаръ, между тѣмъ какъ Слѣдопытъ спокойно бродилъ по мѣсту, не имѣя при себѣ своего извѣстнаго и опаснаго ружья. Маіоръ Дунканъ тотчасъ выступилъ впередъ, сталъ въ позицію, поднялъ ружье, прицѣлился одну минуту и выстрѣлилъ

пуля просвистѣла на нѣсколько дюймовъ мимо обязательной цѣли.

— Маіоръ Дунканъ устраняется отъ дальнѣйшаго состязанія! тотчасъ объявилъ адъютантъ, съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, что всѣ старшіе офицеры тотчасъ поняли, что этотъ промахъ былъ условленъ впередъ; между тѣмъ молодежь и все общество почувствовали въ себѣ больше мужества при видѣ казавшагося безпристрастія, съ которыми примѣнялись законы игры.

— Теперь ваша очередь, Гаспаръ, сказалъ квартирмейстеръ, лейтенантъ Муиксъ. Стрѣляйте, и если вы попадете не лучше маіора, то я утверждаю, что рука ваша умѣетъ владѣть только весломъ.

Гаспаръ покраснѣлъ, но тотчасъ направился на позицію, беззаботно и вольно опустилъ дуло своего ружья на ладонь лѣвой руки, потомъ поднялъ его и выстрѣлилъ послѣ минутнаго прицѣла. Пуля пронизала совершенно середину бычачьяго глаза. Это былъ до сихъ поръ лучше удавшійся выстрѣлъ, такъ какъ всѣ прочіе только попали въ черный кругъ.

— Прекрасно, мистеръ Гаспаръ! сказалъ Муиксъ. Выстрѣлъ вашъ сдѣлалъ бы честь и болѣе старой головѣ и опытному глазу. Тѣмъ не менѣе, я думаю, что при этомъ было немного и счастья, такъ какъ я замѣтилъ, что вы нехудожественно и нефилософски обошлись при выстрѣлѣ и обращеніи съ вашимъ ружьемъ. Теперь, милостивые государи, будьте внимательны,

потому что я сдѣлаю взъ ружья такое употребленіе, которое, по правдѣ, можно назвать остроумнымъ.

Говоря это, квартирмейстеръ приготовлялся къ своему ученому испытанію; потомъ занялъ позицію, искусно рисуясь, тихо поднялъ ружье, снова опустил его, потомъ опять поднялъ, и наконецъ, повторивъ еще нѣсколько разъ эти движенія, спустилъ курокъ.

— Мимо! промахъ по всей доскѣ; торжественно воскликнулъ судья, который находилъ мало удовольствія въ учености квартирмейстера.

— Этого не можетъ быть! сердито закричалъ Мунксъ, съ лицомъ покраснѣвшимъ отъ раздраженія и стыда. Этого не можетъ быть, повторилъ онъ, никогда въ жизни еще не случилось со мной этой недовкости.

— Будьте довольны, Мунксъ, смѣясь сказалъ маіоръ Дунканъ. Это дѣйствительно былъ промахъ, и вамъ надо предоставить себя на волю судьбы.

— Нѣтъ, маіоръ, наконецъ, замѣтилъ Слѣдопытъ, выступая съ улыбкою. Квартирмейстеръ, не смотря на его копотливость, вовсе не дурной стрѣлокъ на извѣстномъ разстояніи, и я утверждаю, что его пуля покрыла пулю Гаспара, и это тотчасъ окажется, если вслѣдуютъ доску.

Уваженіе къ ловкости Слѣдопыта и вѣрности его глаза было такъ велико, что зрители тотчасъ стали не довѣрять собственнымъ мнѣніямъ, и многіе кинулись къ доскѣ, чтобы удостовѣриться въ дѣйствительности. Тотчасъ нашли, что пуля квартирмейстера, въ самомъ

дѣлѣ, прошла въ отверстіе, сдѣланное пулею Гаспара, такъ какъ оказались двѣ пули, одна надъ другой, въ столбѣ, къ которому прикрѣплена была цѣль.

— Я вѣдь сейчасъ сказалъ, милостивые государины, что вы будете свидѣтельницами перевѣса, который имѣетъ наука надъ искусствомъ стрѣльбы, — съ торжествомъ сказалъ квартирмейстеръ, направляясь къ подмосткамъ, на которыхъ сидѣли дамы. Философія все-таки философія и годится во всѣхъ вещахъ. Я посмотрю, кто теперь перецеголяетъ меня.

— Ну, вотъ выступаетъ Слѣдопытъ, возразила одна изъ дамъ. Кажется, онъ также хочетъ попытать счастья, и сколько намъ всѣмъ извѣстно, онъ мѣткій стрѣлокъ.

— Противъ этого я протестую! воскликнулъ Мунксъ, возвращаясь на стрѣльбище съ распростертыми руками. Я протестую, маіоръ, противъ того, чтобы Слѣдопытъ съ своимъ звѣробоемъ допущень былъ къ этому состязанію.

— Спокойствіе звѣробоя не должно быть нарушено, смѣясь возразилъ Слѣдопытъ. Я держу ружье Гаспара, какъ вы сами можете видѣть, а оно не лучше вашего.

Этимъ отвѣтомъ квартирмейстеръ долженъ былъ удовольствоваться, и всѣ глаза устремились на Слѣдопыта, когда онъ занялъ надлежащую позицію. Ничто не могло быть прекраснѣе, какъ видъ этого извѣстнаго охотника, который теперь выпрямился во весь ростъ и держалъ ружье наготовѣ. Онъ, конечно, не былъ тѣмъ, что обыкновенно называютъ прекрас-

нымъ мужчиной, но появленіе его внушало довѣріе и уваженіе, а станъ его можно было назвать совершеннымъ, еслибъ онъ былъ болѣе полонъ и не такъ худъ. Слѣдопытъ прицѣлился съ быстротою мысли, и когда послѣ выстрѣла надъ головою его разсѣялся дымъ, онъ стоялъ уже опершись рукою на дуло ружья, и честное лицо его готово было къ веселому, тихому и добродушному смѣху.

— Ну, Слѣдопытъ, я почти могъ бы утверждать, что вы также не попали въ доску, сказалъ маіоръ Дунканъ.

— Маіоръ, это было бы очень рискованно съ вашей стороны, отвѣчалъ съ увѣренностію Слѣдопытъ: я, конечно, не заряжалъ ружья и не могу сказать, что въ немъ заключалось; но если оно было заряжено, то вы найдете, что моя пуля вдвинула глубже пули Гаспара и квартирмейстера, или пусть меня не зовутъ болѣе Слѣдопытомъ.

Восклицаніе со стороны бывшихъ у мишени подтвердило справедливость его словъ.

— Но это еще не все, дѣти, далеко не все, сказалъ Слѣдопытъ, тихо приближаясь къ дамамъ. Я проигралъ, если вы найдете, что доска тронута хотя на волосъ. Пуля квартирмейстера зацѣпила дерево, моя же не задѣла его нисколько.

— Правда, Слѣдопытъ, очень справедливо, сказалъ Муиксъ: — моя пуля такъ расширила отверстіе, что ваша легко могла пройти въ него. Это важная штука, пріятель!

— Ладно, ладно, квартирмейстеръ; но теперь дѣло касается гвоздя, и посмотримъ, кто изъ насъ глубже вдвинетъ его въ дерево. Если и гвоздь не удовлетворитъ васъ, то предоставимъ это картофелю.

— Не важничайте чрезмѣру, Слѣдопытъ! вы скоро сами убѣдитесь, что имѣете дѣло не съ мальчишкомъ или рекрутомъ, — могу васъ увѣрить въ этомъ.

— Я это очень хорошо знаю, и вовсе не хочу оспаривать вашу опытность. Вы уже много лѣтъ прожили на границѣ, умѣете владѣть ружьемъ и можете назваться уважаемымъ, быстроглазымъ стрѣлкомъ. Но тѣмъ не менѣе, вы не настоящій ружейный стрѣлокъ, Я не хочу хвастаться; но у всякаго человѣка свои дарованія, и это значило бы противиться Провидѣнью, еслибъ измѣнить имъ. Вотъ, пусть дочь сержанта постановитъ рѣшеніе насчетъ нашей ловкости, если вы имѣете охоту подчиниться такому любезному судѣ.

— Хорошо, Слѣдопытъ, пусть будетъ по-вашему: возьмите дочь сержанта за посредницу, и оба предоставимъ ей призь, кто бы изъ насъ его ни выигралъ.

Призывъ адъютанта прервалъ этотъ разговоръ, и какъ Слѣдопытъ, такъ и квартирмейстеръ снова пошли на стрѣльбище, гдѣ, спустя нѣсколько минутъ, началось второе испытаніе. Обыкновенный желѣзный гвоздь съ выкрашенной головкой, слегка воткнутъ былъ въ доску, и стрѣлки должны были попасть въ него, если не хотѣли потерять право на дальнѣйшее участіе въ стрѣльбѣ, причемъ никто изъ непопавшихъ

предъ этимъ въ цѣль не былъ допущенъ ко вторичному испытанію.

Нашлось не болѣе шести охотниковъ на это испытаніе, и первые трое не попали въ гвоздь, хотя пули ихъ пролетѣли очень близко. Тогда выступилъ квартирмейстеръ, который, послѣ своихъ обыкновенныхъ тѣлодвиженій, былъ такъ счастливъ, что его пуля сорвала кусочекъ головки съ гвоздя, и потомъ ударилась около него. Это нельзя было назвать удачнымъ выстрѣломъ, хотя онъ все-таки сохранилъ за стрѣлкомъ право на дальнѣйшее испытаніе.

— Ну, квартирмейстеръ, вы салютовали вашей кожѣ, какъ имѣютъ обыкновеніе говорить въ колоніяхъ, сказалъ смѣясь Слѣдопытъ. Но все-таки много было бы нужно времени, чтобы построить домъ молоткомъ, который не лучше вашего. Если Гаспаръ не утратилъ нисколько твердости своей руки и вѣрности глаза, то онъ покажетъ вамъ, какъ надо попадать въ гвоздь, — а потому будьте внимательны. Впрочемъ, если хотите послѣдовать моему совѣту, то принимайте при стрѣльбѣ менѣе солдатскій видъ! Стрѣлять мѣтко — это природный даръ, который слѣдуетъ употреблять обыкновеннымъ и непринужденнымъ образомъ.

Пока Слѣдопытъ еще говорилъ, Гаспаръ выстрѣлилъ и пуля его попала въ головку гвоздя, который и вошелъ въ доску почти на дюймъ.

— Выньте его снова, закричалъ Слѣдопытъ, становясь въ позицію. Не нужно брать новый гвоздь; я вижу и этотъ, хотя съ него и сошла краска, а

въ то, что я вижу, попадаю на разстояніи ста локтей, хотя бы это былъ только глазъ комара. Укрѣпили ли вы его снова?

Раздался выстрѣлъ, пуля просвистѣла, и головка гвоздя, покрытая плоскимъ кускомъ свинца, исчезла въ деревѣ.

— Ну, Гаспаръ, другъ мой, я вижу, что вы съ каждымъ днемъ дѣлаете успѣхи! продолжалъ Слѣдопытъ, какъ бы не думая о результатѣ своего выстрѣла. Если вы еще совершите по странѣ нѣсколько путешествій въ моемъ обществѣ, то скоро на всей границѣ трудно будетъ отыскать стрѣлка, который бы могъ помѣряться съ вами. Квартирмейстеръ стрѣляетъ хорошо, но онъ никогда не пойдетъ далѣе; вы же, напротивъ, обладаете дарованіемъ и смѣло можете состязаться съ любымъ стрѣлкомъ.

— Ого! вскричалъ Мунксъ:— вы называете попасть въ головку гвоздя только хорошимъ выстрѣломъ, когда это доказываетъ совершенство искусства. Если при стрѣльбѣ важно разстояніе на одинъ волосъ, то тѣмъ больше имѣетъ оно значенія при ударѣ въ цѣль. Таково мое мнѣніе.

— Успокойтесь, Мунксъ, сказалъ маіоръ Лунди: вы еще разъ можете показать вашу ловкость при испытаніи съ картофелемъ.

Мунксъ замолчалъ и сталъ приготовляться къ новому опыту, который тотчасъ и послѣдовалъ, и квартирмейстеръ сталъ въ позицію. Опытъ былъ труденъ. Именно, большая картофелина была выбрана и передана

одному, который находился отъ позиціи на разстояніи двадцати локтей. По командѣ стрѣлка, картофель бросали вверхъ, и задача цѣлившаго заключалась въ томъ, чтобъ прострѣлить ее прежде, чѣмъ она упадетъ на землю.

Изо ста разъ квартирмейстеру только однажды удалось счастливо исполнить этотъ фокусъ, и потому онъ теперь выступилъ на испытаніе только съ нѣкотораго рода слѣпой надеждой на успѣхъ. Картофелина брошена была вверхъ, раздался выстрѣлъ, но надежда стрѣлка не оправдалась и цѣль осталась нетронутою.

— Направо кругомъ! провалился квартирмейстеръ, воскликнулъ маіоръ съ задушевымъ смѣхомъ. — Теперь споръ о славѣ только между Гаспаромъ и Слѣдопытомъ.

— А чѣмъ долженъ кончиться опытъ? спросилъ послѣдній: — послѣдуетъ ли за нимъ проба съ двумя картофелинами или же рѣшится центромъ и кожей?

— Центромъ и кожей, если видна будетъ замѣтная разница, возразилъ маіоръ, — если нѣтъ, то потребуется двойной выстрѣлъ.

— Слѣдопытъ, это для меня страшная минута! прошепталъ Гаспаръ, медленно приближаясь къ стрѣльбищу.

Съ удивленіемъ взглянулъ Слѣдопытъ на своего молодого друга, попросилъ маіора имѣть минуту терпѣнія и отвелъ Гаспара немного въ сторону, такъ, чтобы разговоръ ихъ не былъ никѣмъ слышанъ.

— Гаспаръ, вы, кажется, очень принимаете къ сердцу

это дѣло, сказалъ честный охотникъ, пристально смотря молодому человѣку прямо въ глаза.

— Да, Слѣдопытъ, возразилъ молодой человѣкъ: сознаюсь, что никогда еще чувства мои не были въ такомъ напряженномъ состояніи.

— Такъ вы требуете, чтобъ я былъ побѣжденъ, я, старый, испытанный и вѣрный другъ вашъ? И это на моемъ же полѣ? Видишь, мой другъ, умѣть стрѣлять — это мой талантъ, и никакая обыкновенная рука не можетъ со мной помѣряться.

— Я это знаю, Слѣдопытъ, очень хорошо знаю, но...

— Ну, что же, но? говори прямо, какъ съ другомъ!

— Ну, чтобъ сказать правду... я бы хотѣлъ... я бы хотѣлъ имѣть возможность поднести Маріи шляпку.

Слѣдопытъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ сперва на молодаго человѣка, а потомъ задумчиво опустилъ глаза къ землѣ.

— Такъ къ этому вы стремитесь, наконецъ, сказалъ онъ:— но, Гаспаръ, это никогда не удастся вамъ при двойномъ выстрѣлѣ.

— Да, я знаю, и это—то меня и мучаетъ.

— Что за странное, однако, созданіе человѣкъ! воскликнулъ честный охотникъ:— мучится такими предметами, которые не касаются его дарованій, и легкомысленно обращается съ благодѣяніями Провидѣнія! Но ничего! Становитесь на позицію, и слушайте: я долженъ по крайней мѣрѣ задѣть кожу, ибо иначе мнѣ нельзя будетъ показать здѣсь глазъ. Поэтому, соберитесь съ духомъ.

— Я приложу столько старавія, какъ будто дѣло идетъ о моей жизни.

Гаспаръ выступилъ, а Слѣдопытъ повторилъ:—Что за чудное созданіе человѣкъ! Онъ пренебрегаетъ собственными дарованіями и жаждетъ чужихъ.

Между тѣмъ картофелина полетѣла кверху; Гаспаръ выстрѣлилъ, и послѣдовавшее затѣмъ восклицаніе обнаружило, что пуля его такъ близко прошла отъ центра, что выстрѣлъ долженъ быть срединнымъ.

— Это достойный васъ сопскатель, Слѣдопытъ, съ удовольствіемъ сказалъ маіоръ Дунканъ, когда охотникъ занялъ позицію: — я надѣюсь, что мы еще увидимъ пару блестящихъ выстрѣловъ при вторичномъ испытаніи.

— Что за странное созданіе человѣкъ! пробормоталъ про себя Слѣдопытъ, не обращая вниманія на слова маіора.

Картофелина полетѣла, и выстрѣлъ раздался въ ту самую минуту, когда маленькая цѣль, казалось, остановилась въ воздухѣ. Слѣдопытъ, повидимому, цѣлился очень старательно, и тѣмъ сильнѣе было удивленіе тѣхъ, которые подняли картофель.

— Два отверстія на одной сторонѣ? спросилъ маіоръ.

— Кожа! кожа! прозвучалъ отвѣтъ: только кожа задѣта.

— Это что значитъ? спросилъ Дунканъ. Такъ честь всего дня принадлежитъ Гаспару?

— Шляпа его! покачивая головой, возразилъ Слѣдопытъ, и спокойно удалился со стрѣльбища. — Что за созданіе смертный человѣкъ! онъ никогда не доволенъ своими дарованіями, и постоянно стремится къ тому, въ чемъ отказало ему Провидѣніе.

Такъ какъ Слѣдопытъ не прострѣлилъ картофелины, а только задѣлъ кожу ея, то призь присужденъ былъ Гаспару, который, съ сіявшимъ отъ удовольствія лицомъ, поднесъ его Маріи.

— Благодарю васъ за подарокъ, Гаспаръ, краснѣя сказала она: — онъ будетъ служить мнѣ воспоминаніемъ о той опасности, которой я избѣгла, благодаря вамъ и Слѣдопыту.

— Довольно объ этомъ, милое дитя, сказалъ послѣдній. — Пойдемте, Гаспаръ, и посмотримъ, чѣмъ-то отличаются другіе.

Оба пріятеля отошли, но дальнѣйшее состязаніе доставило мало удовольствія. Были, правда, хорошіе выстрѣлы, но ни въ какомъ случаѣ не могли сравниться съ только-что описанными подвигами, и скоро стрѣлки предоставлены были самимъ себѣ. Дамы вернулись въ крѣпость, и Марія также направлялась туда, когда къ ней подошелъ Слѣдопытъ. Онъ держалъ въ рукахъ ружье, которымъ стрѣлялъ въ этотъ день. Глаза его были не такъ дружественны, какъ прежде, и имѣли непостоянное и мрачное выраженіе. Вдругъ послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ словъ, онъ устремилъ рѣзкій взглядъ свой на дѣвушку и сказалъ:

— Гаспаръ выигралъ для васъ эту шляпку, не слишкомъ напрягая свои природныя дарованія.

— Но все-таки онъ хорошо держался.

— Да, безъ сомнѣнія. Пуля славно пронизала картофелину, и никто не могъ сдѣлать больше, хотя и другіе способны были исполнить то же самое.

— Но никто не исполнилъ! возразила Марія съ нѣкоторой живостью, въ которой тотчасъ раскаялась, когда увидѣла болѣзненный взглядъ честнаго охотника, не мало огорченнаго ея словами.

— Да, Марія, это правда, никто этого не исполнилъ; но я не вижу причины измѣнять моимъ дарованіямъ — тѣмъ не менѣе вы должны видѣть, что здѣсь можетъ быть исполнено. Видите этихъ птицъ, которыя летаютъ надъ нашими головами?

— Конечно, Слѣдопытъ, ихъ слишкомъ много, чтобъ не замѣтить.

— Ну, хорошо! здѣсь, гдѣ онѣ летятъ наискосокъ другъ другу, поспѣшно сказалъ онъ, взводя курокъ и подымая ружье: — эти двѣ, эти двѣ, — смотрите, Марія!

Съ быстротою мысли онъ приложился въ ту самую минуту, когда двѣ птицы пришли на одну ливію, имѣя между собою разстоянія нѣсколько локтей; раздался выстрѣлъ и пуля прострѣлила обѣ жертвы. Только-что птицы упали въ озеро, какъ Слѣдопытъ опустил ружье на землю и захохоталъ своимъ обыкновеннымъ задушевымъ смѣхомъ. На лицѣ его ис-

чезли всякій слѣдъ неудовольствіи или оскорбленной гордости.

— Видите, милое дитя, это то, что я называю выстрѣломъ, сказалъ онъ. И теперь, когда вы видѣли, какъ я могу стрѣлять, я охотно предоставляю честь этого дня Гаспару. Онъ не сдѣлаетъ подобнаго выстрѣла.

Затѣмъ, дружески поклонившись Маріи, онъ удалился, и быстрыми шагами исчезъ за валами укрѣпленія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Нѣсколько часовъ спустя послѣ рассказаннаго событія, Марія, Капъ и Слѣдопытъ стояли на одномъ изъ бастіоновъ, съ котораго представлялся восхитительный видъ на блестящую зеркальную поверхность озера, и разговаривали о великолѣпнн чудной водной плоскости, которую одинъ Капъ не хотѣлъ признать, по своему обыкновенію.

— Ну, вы иначе заговорите, сказалъ, наконецъ, Слѣдопытъ, нѣсколько разгорячившись, и иначе будете думать, если хоть разъ примете участіе въ плаваніи по этому чудному озеру. Мы отправляемся на куттеръ Гаспара, и тогда вамъ во всей полнотѣ представится понятіе о величійи и великолѣпнн озера.

— Ваше внутреннее море не имѣетъ никакого значенія, и я ничего не ожидаю отъ него, отвѣчалъ Капъ, — но все-таки сознаю, что хотѣлъ бы узнать что-нибудь о цѣли предпринимаемой поѣздки.

— Ну, это небольшая тайна, хотя и не слѣдуетъ говорить объ этомъ въ гарнизонѣ, возразилъ Слѣдопытъ. Впрочемъ мы скоро отчалимъ, и такъ какъ мы оба принадлежимъ къ эспедиціи, то я могу сказать вамъ, куда она направляется. Я предполагаю, что вы знаете, что мы называемъ тысячью острововъ?

— Да, я знаю, что здѣсь подъ этимъ понимаютъ, хотя и убѣжденъ, что это не настоящіе острова, и что подъ тысячью надо разумѣть два или три.

— Нѣтъ, нѣтъ, Капъ! хотя у меня и хорошіе глаза, но мнѣ еще ни разу не удалось сосчитать эти дѣйствительные и настоящіе острова.

— Да, я зналъ людей, которые не умѣли счесть далѣе извѣстнаго числа, сказалъ Капъ. Я весьма сомнѣваюсь, чтобы прѣсная вода могла образовать настоящій и правильный островъ. Что вы собственно понимаете подъ островомъ?

— Ну, землю, окруженную со всѣхъ сторонъ водою.

— Хорошо; но какая земля и какая вода? въ этомъ вопросъ. Но все равно, какая собственно дѣль поѣздки.

— Такъ какъ вы зять сержанта, то я дамъ вамъ объ этомъ нѣкоторое понятіе. Большія озера, какъ извѣстно вамъ, образуютъ дѣль, и вода течетъ изъ одного въ другое, пока достигаетъ озера Эріо, лежащаго отсюда на западъ и столь же обширнаго, какъ Онтарио. Вода, достигнувъ его, течетъ по рѣкѣ въ море, и въ узкомъ мѣстѣ, гдѣ воды могутъ быть признаны не то рѣкой, не то озеромъ, находится ты-

сяча острововъ. Теперь надъ этими островами французы владѣютъ гаванью по имени Фронтенакъ, — и еще ниже у нихъ устроенъ фортъ. Такимъ образомъ они могутъ доставлять въ гавань припасы свои вверхъ по теченію, и затѣмъ тянуть ихъ вдоль берега и по другимъ озерамъ далѣе, чтобы дать неприятелю возможность исполнить свои дьявольскія штуки между дикими и овладѣвать англійскими скальпами.

— А наше присутствіе воспрепятствуетъ такимъ ужасамъ? спросила Марія.

— Смотри по обстоятельствамъ и волѣ Провидѣнія. Маіоръ Лунди выслалъ отрядъ, чтобы укрѣпиться на одномъ изъ острововъ и отрѣзать нѣкоторые изъ французскихъ транспортовъ. Наша экспедиція служитъ второй смѣной. Прежній гарнизонъ до сихъ поръ еще мало сдѣлалъ, хотя и овладѣлъ двумя челноками съ индѣйскимъ имуществомъ. На прошлой недѣлѣ прибылъ посланный и принесъ извѣстіе, побудившее маіора испытать послѣднія усилія, чтобы перехитрить негодяевъ. Гаспаръ знаетъ дорогу и мы будемъ въ хорошихъ рукахъ, потому что сержантъ благоразуменъ даже въ засадѣ,—благоразуменъ и быстръ.

Капъ терпѣливо выслушалъ это объясненіе, потомъ презрительно пожалъ плечами, какъ бы придавая всей экспедиціи не много значенія, и затѣмъ обернулъ глаза къ озеру, на которомъ, прямо подъ ногами, лежалъ куттеръ «Туча».

— Гаспаръ готовится куттеръ, сказалъ Слѣдопытъ.

— Вѣроятно, скоро отправимся?

— Ну, вѣрно вы покажете намъ ваше искусство плавать, сказалъ Капъ съ насмѣшливою улыбкою. Уже по тому, какъ ставятъ судно подъ паруса, опытный глазъ можетъ различить искуснаго моряка.

— Корабль миѣ очень нравится, дядя, сказала Марія.

— Да, онъ не дурень, но въ немъ пропасть ошибокъ, возразилъ Капъ.

— Но, сказалъ Слѣдопытъ: — я слышалъ своими ушами, какъ старые и опытные моряки утверждали, что «Туча» весьма красивое и хорошее судно. Я лично мало понимаю въ подобныхъ вещахъ, но все-таки вамъ трудно будетъ увѣрить меня, что Гаспаръ держитъ судно свое не въ порядкѣ.

— Я и не говорю этого; но тѣмъ не менѣе у куттера есть свои недостатки и немаловажные.

— А какіе именно? спросила Марія.

— Какіе именно? Ихъ пятьдесятъ, сто, и все очень существенные и бросающіеся въ глаза.

— Назовите ихъ, пріятель, и я сообщу о нихъ Гаспару! горячо воскликнулъ Слѣдопытъ.

— Назовите ихъ? это не такъ легко, ибо ихъ такое множество. Я не хочу и начинать, а то не кончивъ въ теченіе цѣлаго часа.

Съ неудовольствіемъ отвернулся Слѣдопытъ, видя, что Капъ только поддразнивалъ его, чтобъ выставить впередъ преимущества настоящаго морскаго образованія и унизить суда, плавающія по прѣснымъ водамъ. Между тѣмъ Гаспаръ укрѣпилъ парусъ и такъ

красиво поплылъ при слабомъ вѣтрѣ, что даже Капъ невольно выразилъ одобреніе. Затѣмъ, около самаго мѣста причала у форта, Гаспаръ бросилъ якорь, чтобъ дожидаться прибытія своихъ спутниковъ и принять ихъ на свой куттеръ.

— Да, Гаспаръ ловкій малый, внезапно замѣтилъ сержантъ Дунгамъ, незамѣтно приблизившійся къ остальнымъ. Но пойдете; мы имѣемъ только полчаса времени, чтобы приготовиться, и должны быть каждую минуту готовы къ отплытію.

При такомъ извѣстіи маленькое общество разсталось, и каждый занялся приготовленіемъ тѣхъ мелочей, которыя еще надо было нагрузить на судно. Барабанъ ударилъ сборъ, вслѣдъ за которымъ собрались солдаты, и чрезъ нѣсколько минутъ все пришло въ движеніе

Посадка на корабль небольшого отряда шла быстро и безъ замѣшательства. Вся находившаяся подъ начальствомъ сержанта сила состояла только изъ десяти солдатъ и двухъ унтеръ-офицеровъ. Къ нимъ присоединились еще квартирмейстеръ Муиксъ, какъ волонтеръ, Капъ, Слѣдопытъ и наконецъ Гаспаръ съ своими подчиненными, въ томъ числѣ одинъ мальчикъ. — Изъ женскаго пола сѣли на корабль только Марія и жена одного солдата.

Когда всѣ перешли на куттеръ, то сержантъ еще разъ вернулся въ фортъ, чтобы принять послѣднія приказанія маіора Лунди.

— Равцы у солдатъ осмтрѣны? спросилъ маіоръ почтительно остановившагося предъ нимъ сержанта.

— Да, маіоръ, и всѣ въ порядкѣ.

— А оружіе и боевые припасы?

— Все исправно и готово для службы.

— Вы выбрали тѣхъ людей, которыхъ я указалъ?

— Точно такъ, сударь. Это лучшіе люди изъ всего полка.

— И они будутъ вамъ полезны, сержантъ, потому что это только третья попытка, и должна во всякомъ случаѣ быть послѣднею. Успѣхъ преимущественно будетъ зависѣть отъ васъ и Слѣдопыта.

— Вы можете положиться на насъ обоихъ.

— А какъ же съ Гаспаромъ Вестерномъ? Вы, значитъ, не сомнѣваетесь въ ловкости этого молодаго человѣка?

— Нѣтъ; онъ испытанъ и исполняетъ все, чего отъ него можно требовать.

— Но я слышалъ, что онъ провелъ свою молодость во французскихъ колоніяхъ. Не французская ли кровь въ его жилахъ?

— Ни одной капли, маіоръ. Отецъ Гаспара былъ старинный мой товарищъ, а мать его изъ благороднаго американскаго семейства.

— Но какъ же онъ попалъ къ французамъ, и понимаетъ, какъ я слышалъ, ихъ языкъ?

— Очень просто, маіоръ. Когда родители его умерли, то мальчикъ переданъ былъ въ опеку одному изъ нашихъ моряковъ, и такимъ образомъ выросъ на водѣ

какъ утка. Такъ какъ мы не имѣемъ настоящей гавани на Онтарио, то онъ проводилъ большую часть времени на другой сторонѣ озера, гдѣ у французовъ есть много кораблей уже около пятидесяти лѣтъ. Тамъ онъ выучился французскому языку и мореплаванію.

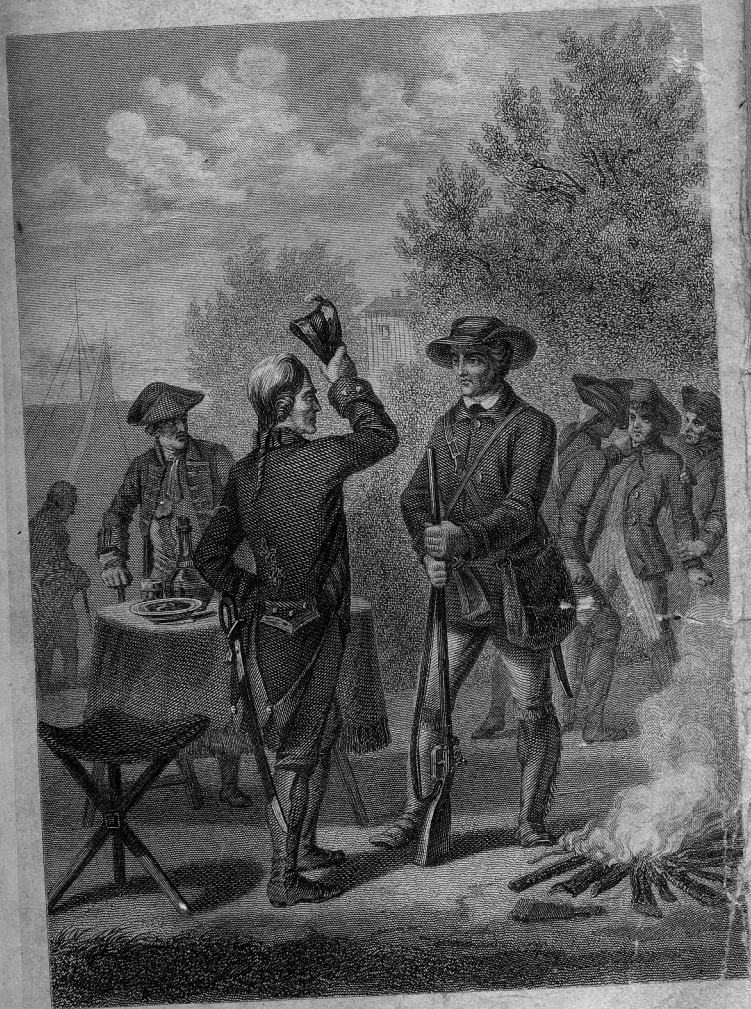
— Я однако полагаю, что французскій учитель не можетъ быть хорошимъ наставникомъ для британскаго моряка.

— Тѣмъ не менѣе Гаспаръ очень доволенъ въ своемъ дѣлѣ.

— Но вопросъ въ томъ, такъ же ли онъ вѣренъ? Надо вамъ сказать, сержантъ, что я получилъ анонимное письмо, которое совѣтуетъ мнѣ быть насторожѣ въ отношеніи къ Гаспару. Въ письмѣ этомъ утверждаютъ, что онъ подкупленъ врагами, и даютъ мнѣ надежду, что я скоро получу дальнѣйшія и болѣе подробныя свѣдѣнія.

— Анонимныя письма въ военное время едва ли заслуживаютъ вниманія.

— Это правда, сержантъ, — но мнѣ поименовали нѣсколько подозрительныхъ случаевъ. Такъ, напри- мѣръ, говорятъ, что Ирокезы для того только дали возможность дочери вашей и спутникамъ ея счастись, чтобы Гаспаръ приобрѣлъ мое расположеніе; изъ этого и выводится заключеніе, что владѣтели Фронтенака болѣе стремятся къ тому, чтобы захватить куттеръ съ сержантомъ Дунгамомъ и его отрядомъ,

и этимъ разрушить нашъ планъ, чѣмъ пріобрѣсти скальпъ дѣвушки и ея стараго дяди.

— Довольно хитро придумано; но я не вѣрю этому. Если Слѣдопытъ фальшивъ, то, конечно, Гаспаръ не можетъ быть вѣренъ; но честному охотнику я довѣряю столько же, какъ и вамъ, маіоръ.

— Да, да, въ немъ я не сомнѣваюсь; но Гаспаръ все-таки не Слѣдопытъ, и сознаюсь, я больше бы имѣлъ къ нему довѣрія, еслибъ онъ не говорилъ по-французски. Это письмо совершенно разстроило меня. Во всякомъ случаѣ, будьте осторожны, сержантъ, и въ случаѣ надобности, арестуйте его, передавъ управление куттеромъ вашему зятю.

— Хорошо, сударь, я такъ и сдѣлаю.

— А теперь, сержантъ, вы не забыли взять гаубицу?

— Гаспаръ сегодня принялъ ее на бортъ.

— Хорошо. Вы подумали также о томъ, чтобъ взять запасныхъ кремней?

— Все это сдѣлано, маіоръ.

— Ну, такъ дайте мнѣ вашу руку, мой другъ, и прощайте. Да благословитъ васъ Богъ и да поможетъ вамъ достигнуть успѣха. Не выпускайте Гаспара изъ глазъ, и посовѣтуйтесь съ Муиксомъ въ случаѣ какихъ-либо затрудненій. Надѣюсь, что чрезъ четыре недѣли вы вернетесь побѣдителемъ.

— Да благословитъ васъ Богъ, маіоръ. Если мнѣ что-нибудь приключится, то надѣюсь, что вы примете на себя защиту чести стараго солдата.

— Положитесь въ этомъ на меня, какъ на друга, и затѣмъ прощайте, Дунгамъ, прощайте!

Сержантъ отъ души пожалъ протянутую ему руку начальника и удалился отъ него, чтобъ отправиться на берегъ и сѣсть на куттеръ. Сердце его обременено было тяжелыми заботами, и хотя онъ имѣлъ весьма высокое мнѣніе о Гаспарѣ, но тѣмъ не менѣе послѣ словъ маіора въ душу его запала искра подозрѣнія, которое онъ не могъ пересилить, не смотря на всѣ свои старанія. Между тѣмъ якорь былъ поднятъ и куттеръ быстро поплылъ подъ парусомъ въ темнотѣ. Сержантъ отозвалъ въ сторону Слѣдопыта, отправился съ нимъ въ каюту, и удостовѣрившись, что никто не можетъ услышать ихъ, заперъ осторожно дверь, и сказалъ:

— Я для того привелъ васъ сюда, чтобы поговорить съ вами откровенно на счетъ Гаспара. Маіоръ Дунгамъ получилъ извѣстіе, возбуждающее въ немъ подозрѣніе, что Гаспаръ измѣнникъ и состоитъ на жалованьѣ у непріятеля. Какое ваше объ этомъ мнѣніе?

— Что такое? спросилъ Слѣдопытъ.

— Да, да, повторилъ сержантъ: маіоръ опасается, что Гаспаръ измѣнникъ и шпіонъ, который хочетъ предать насъ въ руки враговъ.

— Это сказалъ маіоръ Дунгамъ Лунди?

— Онъ самый.

— И вы вѣрите ему?

— Не совсѣмъ, въ чемъ я сознался: но все-таки дѣло не даетъ мнѣ покоя, и я боюсь, точно пред-

чувствую, что наконецъ это подозрѣніе, пожалуй, и не такъ безосновательно.

— Сержантъ, твердо отвѣчалъ Слѣдопытъ:—я ничего не понимаю въ предчувствіяхъ, но знаю Гаспара съ давнихъ поръ, и довѣряю его честности, какъ своей собственной. Я не подумаю о немъ ничего дурнаго, пока не увижу своими глазами. Позовите вашего зятя, и спросимъ также его мнѣнія.

Капъ былъ позванъ, чтобъ принять участіе въ совѣщаніи, и Слѣдопытъ предложилъ ему вопросъ: замѣтилъ ли онъ въ этотъ вечеръ въ Гаспарѣ что-либо необыкновенное?

Капъ объявилъ, что нѣтъ, и тогда Слѣдопытъ объяснилъ ему, какое подозрѣніе падаетъ на молодаго человѣка.

— Такъ онъ говоритъ по-французски? спросилъ Капъ, выслушавъ въ чемъ дѣло.

— Да, но это не можетъ быть поставлено ему въ вину, ибо онъ долженъ же знать этотъ языкъ, чтобъ объясняться съ тамошними жителями, отвѣчалъ Слѣдопытъ. Я и самъ говорю на языкѣ Мингосовъ, и все-таки никто поэтому не скажетъ, что я также Мингосъ.

— Ну, пусть будетъ, какъ угодно, сказалъ Капъ:— Гаспаръ говоритъ по-французски и это важный фактъ! Одинъ такой фактъ равносильнъ, по моему, пятидесяти доказательствамъ, и я того мнѣнія, что необходимо имѣть за малымъ бдительное наблюденіе.

— Объ этомъ уже я позабочусь, возразилъ сержантъ. Впрочемъ, Капъ, я рассчитываю на ваше со-

дѣйствіе касательно управленія судномъ, еслибъ случилась мнѣ необходимость арестовать Гаспара.

— Я не оставлю тебя на чеку, и въ этомъ случаѣ ты, вѣроятно, убѣдишься на самомъ дѣлѣ, какія услуги можетъ оказать куттеръ; до сихъ же поръ, кажется, это только можно угадывать.

— Я же, съ своей стороны, сказалъ Слѣдопытъ съ глубокимъ вздохомъ,—продолжаю настаивать на невинности Гаспара и предлагаю откровенно спросить его, измѣнникъ онъ или нѣтъ.

— Этого нельзя, пріятель, никакъ нельзя, объявилъ сержантъ. На мнѣ лежитъ вся отвѣтственность, и я убѣдительно прошу никому не говорить объ этомъ предметѣ. Мы будемъ смотрѣть во всѣ глаза и въ должное время примемъ во вниманіе всѣ обстоятельства.

Съ этимъ мнѣніемъ согласился Капъ, и тѣмъ окончилось совѣщаніе. Всѣ вернулись на палубу съ намѣреніемъ имѣть наблюденіе за подозрѣваемой личностью и дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами.

Между тѣмъ все на кораблѣ шло своимъ обыкновеннымъ порядкомъ, и въ ту самую минуту, когда всѣ трое снова показались на палубѣ, Гаспаръ командовалъ держать куттеръ около берега.

— Такъ вы хотите плыть ближе къ французамъ, сосѣдямъ нашимъ? спросилъ Мунксъ, услышавъ такое приказаніе.

— Нѣтъ, нѣтъ, спокойно возразилъ Гаспаръ. Я только держусь этого направленія по случаю вѣтра, который всегда дуетъ сильнѣе по близости земли.

— У васъ есть на борту такъ называемые рифы? спросилъ Капъ, подходя къ молодому моряку. Я почти боюсь, что нѣтъ, потому что, вѣроятно, вамъ не представлялось случая употребить ихъ.

Гаспаръ улыбнулся и отвѣчалъ: — У насъ есть и рифы, и довольно случаевъ для ихъ употребленія. Прежде чѣмъ мы пристанемъ къ берегу, мнѣ представится возможность показать вамъ ихъ употребленіе, потому что на востокѣ шумитъ буря, и вѣтеръ на Онтарио весьма часто мѣняется.

— Увидимъ, увидимъ, сказалъ Капъ, бросая насмѣшливый взглядъ на такелажъ куттера.

— Гаспаръ! спросилъ Слѣдопытъ: думаете ли вы, что французы имѣютъ здѣсь на озерѣ шпионовъ?

— Да, мы знаемъ это. Еще въ ночь на прошлый понедѣльникъ одинъ изъ нихъ былъ около форта. Челнокъ изъ коры подплылъ къ восточной оконечности и высадилъ на берегъ индѣйца и офицера.

— Эге! это удивительно какъ похоже на фактъ, воскликнулъ Капъ: — а не можете ли вы сказать намъ, какъ узнали объ этомъ шпионѣ?

— Да чрезъ Чингахгока, который замѣтилъ слѣдъ солдатскаго сапога и нашелъ мокасинъ. Кромѣ того, одинъ изъ нашихъ охотниковъ видѣлъ на другое утро челнокъ, плывшій по направленію къ Фронтенаку.

— Зачѣмъ же вы не пустились за нимъ въ погоню, Гаспаръ? спросилъ Капъ.

— Это, можетъ быть, дѣлается на океанѣ, отвѣчалъ Слѣдопытъ за своего друга: — здѣсь это нейдетъ; вода не оставляетъ слѣдовъ, и только дьяволъ можетъ преслѣдовать француза и индѣйца.

— Да для чего же и слѣдъ, когда можно видѣть предметъ преслѣдованія? закричалъ Капъ. — Это имѣетъ видъ обвинительнаго факта.

— Мистеръ Капъ! вы забываете, что погоня за челнокомъ изъ коры долгое и безнадежное дѣло.

— Вамъ только нужно было крѣпко напирать на него и прижимать къ берегу.

— Къ берегу? Вы на дѣлѣ мало знаете способъ плаванія по нашему озеру, если думаете, что бездѣлица погнать челнокъ къ берегу.

Капъ мало слышалъ изъ этихъ словъ; онъ отвелъ своего зятя и Слѣдопыта въ сторону, и сталъ увѣрять ихъ, что упоминаніе Гаспаромъ о шпионахъ служитъ важнымъ обстоятельствомъ, которое требуетъ дальнѣйшаго обсужденія и разслѣдованія. Слѣдопытъ, напротивъ, смотрѣлъ на это дѣло съ другой точки зрѣнія и не находилъ ничего особеннаго въ сообщенныхъ свѣдѣніяхъ. Поэтому скоро завязался споръ за и противъ вѣроятности и виновности Гаспара, который, однако, повелъ лишь къ тому, что всякій уперся на своемъ мнѣніи. Случай послужилъ къ тому, чтобы разрѣшить всѣ эти обстоятельства, и весьма въ невыгодную для Гаспара сторону.

Именно, когда Слѣдопытъ приблизился къ молодому моряку, то этотъ обратилъ вниманіе его на плывшій по водѣ недалеко отъ куттера челнокъ, и высказалъ предположеніе, что въ немъ сидятъ непріатели. Хотя ночь уже наступила, Слѣдопытъ посовѣтовалъ ему направиться на челнокъ, и Гаспаръ послѣдовалъ этому совѣту. Черезъ нѣсколько минутъ догнали челнокъ, который и не пытался скрыться, и оказалось, что въ немъ находятся двое. По отданному приказанію, они взошли на куттеръ, и тогда въ нихъ узнали Стрѣлу и жену его.

Слѣдопытъ вспомнилъ свое подозрѣніе на Тускарору, который еще недавно оставилъ ихъ общество, какъ казалось, съ предательскими видами, отвелъ его въ сторону и завелъ съ нимъ рѣчь, какъ о причинахъ его тогдашняго бѣгства, такъ и о родѣ занятій его съ того времени.

Тускарора на всѣ сдѣланные ему вопросы отвѣчалъ съ полнымъ спокойствіемъ индѣйца. Относительно своего бѣгства онъ объяснилъ, что скрылся лишь въ видахъ собственной безопасности, и далъ тягу, чтобы спасти свою жизнь.

— Хорошо! отвѣчалъ Слѣдопытъ на такое объясненіе, представляясь, что вѣрить оному: — хорошо, братъ мой поступилъ весьма благоразумно, но зачѣмъ жена его слѣдовала за нимъ?

— Развѣ у бѣлыхъ жены не слѣдуютъ за мужьями?

— Хорошо, пусть и это будетъ такъ; я нахожу это дѣломъ очень обыкновеннымъ. Слова ваши, Тус-

карора кажутся мнѣ благородными, удобопринимаемыми и вѣрными. Но зачѣмъ братъ ~~онъ~~ такъ долго оставался вдали отъ гарнизона? Друзья думали часто о немъ, но не видали его.

— Жена потеряла слѣдъ и должна была варить пищу въ чужой хижинѣ. Поэтому и Стрѣла послѣдовалъ за ней.

— Понимаю, Тускарора: жена ваша попала въ руки Мингосовъ и вы послѣдовали за ней.

— Слѣдопытъ такъ основательно находитъ всему поводъ. Такъ оно и было.

— Сколько времени тому, какъ вы освободили жену свою, и какимъ образомъ это случилось?

— Два дня. Юнита не заставила себя долго ждать, когда мужъ повелъ ее на слѣдъ.

— Хорошо; все это кажется мнѣ весьма натуральнымъ. Но, Тускарора, откуда взяли вы этотъ челнокъ и почему вы гребли по направленію къ рѣкѣ Лоренцо, а не къ гарнизону?

— Стрѣла умѣетъ отличить свою собственность отъ чужой. Челнокъ принадлежитъ мнѣ, я нашелъ его на берегу около форта.

— И это основательно. Но зачѣмъ же вы намъ не показали?

— Слѣдопытъ знаетъ, что и воинъ имѣетъ нѣжныя чувства. Отецъ спросилъ бы меня о своей дочери, и я не могъ передать ему ее. Потому я послалъ Юниту за челнокомъ и никто не заговорилъ

съ ней: — женщина Тускарора не рискуетъ говорить съ чужими мужчинами.

Все это такъ соотвѣтствовало характеру индѣйца, что Слѣдопытъ не замѣтилъ въ наружности его ничего подозрительнаго. Тѣмъ не менѣе онъ снова спросилъ его: зачѣмъ онъ плылъ не по направленію къ гарнизону?

— Стрѣла увидѣлъ большое судно, отвѣчалъ тотъ, — а онъ любитъ встрѣчаться съ молодымъ морякомъ; къ вечеру оно шло противъ солнца, но когда морякъ перемѣнилъ направленіе, то и онъ поворотилъ въ ту же сторону.

Тогда Слѣдопытъ вернулся къ остальнымъ, чтобъ сообщить имъ о результатахъ своихъ разспросовъ. Какъ онъ, такъ и Гаспаръ, казалось, считали рассказъ Стрѣлы за правду, хотя и сознавали необходимость оградить себя нѣкоторыми мѣрами предосторожности противъ возможныхъ предательскихъ замысловъ индѣйца. — Капъ хотѣлъ тотчасъ заковать его въ кандалы, но сержантъ рѣшилъ дѣло тѣмъ, что его надо было арестовать, но не заковывать. Это рѣшеніе сообщено было Тускарорѣ, который и подчинился съ обычнымъ ему спокойнымъ достоинствомъ. Онъ спокойно отошелъ въ сторону и остался внимательнымъ наблюдателемъ всего происходившаго на куттерѣ.

Между тѣмъ, большая часть отряда пошла на отдыхъ, и, кромѣ индѣйца, на палубѣ остались только Капъ, сержантъ, Гаспаръ и два матроса.

— Стрѣла, сказалъ сержантъ: — вы внизу найдете

мѣстечко, гдѣ можетъ лечь жена ваша, а на этомъ парусѣ можете и сами отдохнуть.

— Благодарю отца моего, съ достоинствомъ отвѣчалъ индѣецъ: — Тускароры не бѣдны и жена достанетъ изъ челнока мое одѣяло.

— Ну, какъ знаете! Я хотѣлъ сдѣлать вамъ лучше, сказалъ сержантъ. — Пошлите жену за одѣяломъ, сойдите сами въ челнокъ, чтобы привести сюда весла.

Индѣецъ и жена его послушно сошли въ челнокъ. Пока оба тамъ были заняты, слышно было, какъ мужъ упрекалъ жену свою за то, что она взяла не то одѣяло. Перебраниваясь, Юнита, стала искать другое, чтобы удовлетворить своего строгаго супруга.

— Выходите опять наверхъ, между тѣмъ закричалъ съ нетерпѣніемъ сержантъ: — уже становится поздно и намъ нужно идти на отдыхъ.

— Стрѣла идетъ, прозвучалъ отвѣтъ, и Тускарора выступилъ на носъ своего челнока.

Но вмѣсто того, чтобъ подняться на бортъ, онъ острымъ ножомъ перерѣзалъ канатъ, которымъ прикрѣпленъ былъ челнокъ, и куттеръ, быстро двигаясь впередъ, оставилъ легкое судно за собою почти неподвижнымъ. Все это было исполнено такъ быстро и съ такою ловкостью, что челнокъ былъ уже далеко, когда сержантъ сообщилъ объ этомъ случаѣ Гаспару. Тѣмъ не менѣе поспѣшно попытался онъ снова нагнать бѣглеца, но Тускарора былъ уже слишкомъ далеко, и не боялся никакого преслѣдованія.

Пока Гаспаръ снова принялъ прежнее направленіе,

Капъ отвелъ сержанта въ сторону, и съ горячностью высказалъ ему свои мысли.

— Братъ Дунгамъ, сказалъ онъ: — это важные факты, какъ плѣнъ Стрѣлы, такъ и бѣгство его. Пусть Гаспаръ бережется.

— Да, да, братъ, и то и другое важно, но одно выкупаетъ другое. Противъ Гаспара говорить то, что Тускарора бѣжалъ, а въ пользу его, что онъ захватилъ его въ плѣнъ.

— Это все равно, сержантъ, и по моему мнѣнію, слѣдовало бы Гаспара арестовать немедленно. Если ты не хочешь завтрашній день видѣть себя въ плѣну у французовъ, то прикажи отвести его въ каюту, поставь у ней часового, и передай командованіе куттеромъ мнѣ. Ты имѣешь на это полномочіе и твоя обязанность поступить такимъ образомъ.

Сержантъ болѣе часа обдумывалъ этотъ совѣтъ своего зятя, и не могъ рѣшиться ни послѣдовать ему, ни оставить его безъ вниманія. Въ такомъ затруднительномъ положеніи онъ призвалъ къ совѣту квартирмейстера, и рѣшился послѣдовать его рѣшенію. Капъ объяснилъ этому положеніе дѣла, и Муиксъ вполне согласился съ его мнѣніемъ. Теперь устранилось всякое сомнѣніе, и сержантъ немедленно принялъ надлежащія мѣры.

Не входя въ подробныя объясненія, онъ просто объявилъ Гаспару, что считаетъ нужнымъ отнять у него командованіе куттеромъ и передать его въ руки своего зятя.

При такой мѣрѣ, Гаспаръ пришелъ въ величайшее изумленіе, такъ какъ сержантъ Дунгамъ не считалъ удобнымъ объяснить ему основанія своего строгаго рѣшенія. Тѣмъ не менѣе онъ спокойно повиновался, даже приказалъ своимъ матросамъ на будущее время слушаться приказаній Капа, и затѣмъ сошелъ внизъ вмѣстѣ съ своимъ главнымъ помощникомъ, который долженъ былъ раздѣлить съ нимъ заключеніе.

Когда оба удалились, то Капъ сказалъ:

— Ну, сержантъ, будь такъ добръ, сообщите мнѣ курсы и дистанціи, чтобы я могъ убѣдиться въ вѣрности направленія носа нашего куттера.

— Братъ Капъ, возразилъ сержантъ: — я объ этомъ не имѣю ни малѣйшаго понятія. Моя инструкция гласитъ, чтобы мы какъ возможно скорѣе достигли тысячи острововъ для смѣны тамошняго караула. Вотъ и все.

— Но развѣ у тебя нѣтъ карты, которою бы можно было руководствоваться?

— Нѣтъ, и я даже сомнѣваюсь, чтобы у Гаспара было чтонибудь подобное. Наши моряки плаваютъ по этому озеру, никогда не употребляя карты.

— Но, помилуй, сержантъ, какъ же мнѣ найти одинъ островъ изъ тысячи, когда я не знаю ни имени его, ни положенія?

— Ну, въ этомъ, братъ, ты долженъ понимать больше, чѣмъ я. Сколько я знаю, то ни у одного острова нѣтъ имени, а что касается ихъ положенія, то мнѣ рѣшительно ничего неизвѣстно, такъ какъ я никогда и

не бывалъ тамъ. Но, можетъ быть, кто либо изъ матросовъ сообщить тебѣ эти свѣдѣнія.

— Ну, я попытаю счастья и попробую распросить рулевого.

Капъ и сержантъ подошли къ рулевому, но ничего отъ него больше не узнали, какъ то, что только Гаспаръ и помощникъ его, называвшійся лоцманомъ, могли указать положеніе станціи.

— Мы же съ своей стороны, добавилъ рулевой, такъ мало знаемъ дорогу, какъ будто никогда и не видали ея, потому что Гаспаръ посылаетъ насъ всегда подъ палубу, когда мы достигаемъ извѣстнаго разстоянія отъ острововъ.

Капъ съ неудовольствіемъ покачалъ головой и попалъ такимъ образомъ въ немало затруднительное положеніе.

— Это опять фактъ, говорящій противъ Гаспара, сказалъ онъ, отзывая въ сторону сержанта. Такъ какъ я вижу, что у этого малаго мы ничего не добьемся, поэтому часа два буду держаться настоящаго направленія, а потомъ остановлюсь и кину лотъ. Намъ необходимо, такъ или сякъ, подчиниться силѣ обстоятельствъ.

Сержантъ не имѣлъ ничего сказать противъ этого, и, считая себя вполне безопаснымъ подъ управленіемъ своего зятя, улегся на палубѣ и вскорѣ крѣпко заснулъ. Напротивъ того, Капъ спокойно сталъ ходить по палубѣ взадъ и впередъ, такъ какъ это былъ человекъ, котораго крѣпкое тѣло могло сопротив-

ляться всякой усталости. Во всю ночь онъ не закрылъ глазъ.

Когда сержантъ Дунгамъ проснулся, то уже разсвѣтало. Лишь только поднялся онъ и осмотрѣлся вокругъ, какъ у него вырвалось восклицаніе удивленія. Погода совершенно измѣнилась. Густой туманъ покрывалъ всю окрестность и озеро шумѣло пѣнящимися волнами. Отъ зятя онъ узналъ, что въ полночь вѣтеръ стихъ было, а около часа ночи обратился въ бурю съ сѣверо-запада.

Сержантъ, хорошо сознававшій опасность ихъ теперешняго положенія, тотчасъ предложилъ своему зятю послать за Гаспаромъ и спросить совѣта этого опытнаго молодого моряка; но Капъ упорно уклонился отъ этого, и сержантъ вынужденъ былъ покориться его непреодолимой рѣшимости.

Цѣлый день и послѣдовавшую затѣмъ ночь куттеръ плавалъ по озеру наугадъ, и гонимый силою бури, бралъ всевозможныя направленія. Капъ старался всѣми силами держать его довольно далеко отъ берега, и рассчитывалъ, что вѣтеръ успокоится, и ему все-таки удастся достигнуть станціи безъ помощи Гаспара. Буря, однако, не уменьшалась, а усиливалась, и снова наступившая ночная тьма поставила судно въ столь крайнюю опасность, что Слѣдопытъ, который до того былъ молчаливъ, нашелъ себя вынужденнымъ положить дѣлу конецъ. По его сильному настоянію, на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, Гаспаръ и его помощникъ позваны были изъ ихъ

заключенія и снова вступили въ управленіе куттеромъ, который далеко уклонился отъ настоящаго пути. Однако Гаспаръ далъ ему надлежащее направленіе и хотя все еще подвергался подозрительнымъ наблюденіямъ Капа и сержанта, однакожь повелъ куттеръ прямо къ его мѣсту назначенія. Достигнувъ тысячи острововъ, онъ, въѣхавъ въ каналъ, съ увѣренностію плылъ между безчисленнымъ множествомъ большихъ и малыхъ острововъ, и наконецъ бросилъ якорь у одного берега, густо поросшаго кустарникомъ. Станція достигли благополучно; солдаты на куттерѣ привѣтствованы были жаждавшими ихъ прибытія товарищами съ тою радостію, которая всегда имѣетъ мѣсто при смѣнѣ.

Марія съ восторгомъ вступила на берегъ, а отецъ ея отдалъ своимъ людямъ приказаніе послѣдовать ея примѣру съ такимъ удовольствіемъ, которое доказывало, какъ сильно усталъ онъ отъ плаванія на куттерѣ. И въ самомъ дѣлѣ, станція имѣла видъ, способный возбудить пріятныя надежды въ людяхъ, заключенныхъ столь долгое время въ тѣсномъ пространствѣ куттера. Островъ, на которомъ она находилась, былъ впрочемъ очень малъ, но такъ пріятенъ для взора, что казался весьма уютнымъ убѣжищемъ. Берега его окружены были кустами, подъ защитою которыхъ построено было нѣсколько шалашей, служившихъ жилищами офицеру и его отряду и кладовыми для храненія различныхъ припасовъ.

На восточной оконечности маленькаго острова находился покрытый густымъ лѣсомъ полуостровъ, а

вблизи его блокгаузъ, который въ нѣкоторой степени приведенъ былъ въ оборонительное положеніе. Балки были такъ плотно и старательно соединены, что ни одинъ пунктъ не оставался беззащитнымъ. Окна подходили на бойницы, дверь была маленькая и тяжелая, а крыша составлена изъ древесныхъ стволовъ, покрытыхъ корой для защиты внутренности зданія отъ дождя. Нижняя часть строенія служила для храненія боевыхъ и жизненныхъ припасовъ, второй этажъ былъ жильемъ и, въ то же время, крѣпостью, а пространство подъ крышей раздѣлено было на три отдѣленія, въ которыхъ можно было раскинуть кровати для десяти или двѣнадцати человѣкъ. Все это распределеніе было весьма просто, но вполне достаточно для защиты солдатъ отъ неожиданнаго нападенія. Такъ какъ строеніе было вышиною менѣе 40 футовъ, то оно совершенно скрывалось за вершинами деревьевъ и не было видимо съ внутренности острова.

Подъ блокгаузомъ находилась цистерна, изъ которой можно было получать воду въ случаѣ осады. Чтобы облегчить это дѣло, верхній этажъ былъ вытянутъ надъ нижнимъ на нѣсколько футовъ, и въ выступавшихъ балкахъ прорѣзаны были отверстія, могущія служить бойницами и опускаемыми дверями, но обыкновенно, закрытыя досками. Внутреннее соединеніе различныхъ этажей устроено было посредствомъ лѣстницъ.

Часть, который слѣдовалъ за прибытіемъ куттера, чолонъ былъ волненія. Отрядъ, занимавшій до того

этотъ постъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія въ фортъ, и тотчасъ сталъ садиться на судно, какъ только окончилась, съ обыкновенными формальностями, передача караула смѣненнымъ офицеромъ сержанту, Гаспаръ получилъ приказаніе снова поставить паруса; но передъ отъѣздомъ, Капъ, Муиксъ и сержантъ имѣли тайное совѣщаніе съ смѣненнымъ прапорщикомъ, которому и сообщили подозрѣніе на счетъ вѣрности молодаго моряка. Офицеръ обѣщалъ имѣть надлежащую осмотрительность, взшелъ на судно, и менѣе чѣмъ черезъ три часа послѣ своего прибытія куттеръ снова пришелъ въ движеніе.

Затѣмъ, когда Марія приняла нужныя мѣры для всеобщаго удобства, вся компанія собралась къ скромному ужину, и сержантъ объявилъ своей дочери, что въ теченіе ночи онъ оставитъ островъ и предоставитъ ее попеченію капрала Мнаба и солдатъ, а равно лейтенанта Муикса и Капа. Затѣмъ отъѣзжавшіе, имѣвшіе намѣреніе, произвести на французовъ неожиданное нападеніе, простились съ оставшимися и всѣ безъ исключенія отправились на отдыхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Когда Марія проснулась, солнце уже стояло высоко: она вскочила съ своего ложа, быстро накинута платье и вышла на открытое мѣсто, чтобы вдохнуть пріятный и освѣжающій воздухъ чуднаго утра.

Островъ казался совершенно покинутымъ, и только когда Марія окинула глазами всю окрестность, то замѣтила оставшихся у ярко горѣвшаго огня. Кромѣ Бапа и квартирмейстера находились тамъ капралъ Мнабъ и его солдаты, а равно солдатка, приготавлившая завтракъ. Шалаши стояли спокойно, солнце обливало своими золотыми лучами всѣ открытыя мѣста между деревьями, и небесный сводъ надъ головою Маріи блисталъ нѣжною синевою. Не видно было ни одного облачка и все какъ бы выражало глубокій миръ и невозмутимую безопасность.

Когда Марія замѣтила, что бывшіе у огня усердно

заняты были своимъ завтракомъ, то, никѣмъ незамѣченная, направилась она къ концу острова, гдѣ деревья и кусты скрывали ее отъ всѣхъ глазъ. Здѣсь она прислушивалась къ тихому шуму быстро бѣгущихъ волнъ, и восхищалась разнообразными прелестными видами, которые представлялись ей взорамъ сквозь отдѣльныя отверстія въ кустахъ. Вдругъ она подскочила, потому что ей показалась человѣческая личность посреди кустовъ, окаймлявшихъ близлежащій островъ. Такъ какъ разстояніе было не болѣе ста локтей, то она и полагала, что ей это такъ показалось, и поэтому быстро отступила нѣсколько, заботясь о томъ, чтобъ скрыть свой корпусъ за листовою кустарника. Только-что хотѣла она совершенно покинуть кусты и вернуться къ своему дядѣ, чтобы сообщить ему родившееся подозрѣніе, какъ увидѣла на ближнемъ островѣ поднятую кверху ольховую вѣтку, которою махали ей въ знакъ дружбы. Послѣ недолгаго размышленія, она также сломала такую же вѣтку и отвѣчала на привѣтствіе, стараясь дѣлать совершенно схожія движенія.

Тогда противозежавшіе кусты осторожно раздвинулись, и изъ-за нихъ показалось человѣческое лицо, въ которомъ Марія, къ немалому своему удивленію, узнала Юниту, жену Тускароры.

Тутъ уже она болѣе не медлила выйти изъ своего убѣжища, зная, что Юнита дружески расположена къ ней. Тогда подошла ближе и индіанка, обѣ женщины обмѣнялись знаками дружбы, и наконецъ Ма-

рія пригласила Юниту переправиться къ ней. Индіянка исчезла, но скоро снова явилась съ челнокомъ, въ которомъ хотѣла переплыть воду, какъ вдругъ Марія услышала голосъ дяди, звавшаго ее къ себѣ. Она тотчасъ дала индіянкѣ знакъ спрятаться, а сама поспѣшила изъ кустовъ на открытое мѣсто, гдѣ, по приглашенію дяди, должна была принять участіе въ завтракѣ. Однако она отказалась, вернулась въ кусты и снова вошла въ сношеніе съ своею подругою, пригласивъ ее переправиться.

Юнита не замедлила послѣдовать этому приглашенію, и въ нѣсколько ударовъ веслами челнокъ скрылся въ кустахъ станціоннаго острова. Она выскочила на берегъ, и Марія, взявъ ее за руку, повела къ собственному шалашу, который не могъ быть видимъ со стороны расположившихся у огня. Обѣ дошли туда никѣмъ незамѣченныя, и Марія тотчасъ заперла за собою дверь.

— Теперь, Юнита, мы въ безопасности, дружески сказала Марія съ пріятной улыбкой. Какъ я рада видѣть тебя! Что привело тебя сюда и какъ открыла ты этотъ островъ?

— Говорите тише, возразила индіянка, отъ души пожимая руку Маріи:—тише говорите, не такъ скоро, не понимаю.

Марія повторила свои вопросы и притомъ такъ явственно, что Юнита могла понять ее.

— Я другъ, отвѣчала она.

— Да, я вѣрю тебѣ, Юнита, вѣрю тебѣ отъ всего

сердца, но что это имѣеть общаго съ твоимъ посѣщеніемъ?

— Другъ пришелъ, чтобы видѣть своего друга, возразила Юнита съ открытою улыбкою.

— Но у тебя должна быть и другая причина, иначе ты не стала бы подвергаться такой опасности. Такъ ты одна?

— Юнита у тебя, болѣе никого. Юнита пріѣхала одна въ челнокѣ.

— Да, я вѣрю этому и не сомнѣваюсь въ томъ, что ты не могла бы предать меня!

— Какъ предать?

— Я хочу сказать, что ты не обманешь меня, не выдашь французамъ, ирокезамъ или твоему мужу, не захочешь продать мой скальпъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда! возразила индіянка, нѣжно обнявъ Марію и прижимая ее къ сердцу. Марія отвѣчала на это выраженіе любви и стала смотрѣть своей подругѣ прямо въ глаза.

— Если Юнита имѣеть сообщить мнѣ что нибудь, сказала она,—то можетъ смѣло говорить, я слушаю.

— Юнита боится, что Стрѣла убьетъ ее, если она что нибудь скажетъ.

— О, нѣтъ! Стрѣла никогда этого не узнаетъ: Марія ничего не скажетъ ему.

— Онъ убьетъ Юниту томагавкомъ.

— Нѣтъ, этого не будетъ. Лучше не говори мнѣ ничего, Юнита.

— Марія, блокгаузъ хорошее мѣсто для ночлега, хорошее и для жилья.

— Ты хочешь сказать, что я могу спасти свою жизнь, если останусь въ блокгаузѣ. Навѣрно; по крайней мѣрѣ, это ты можешь сказать мнѣ.

— Да, блокгаузъ очень хорошъ для женщинъ; тамъ скальпъ въ безопасности.

— Да, я понимаю тебя, Юнита; желаешь видѣть моего отца?

— Его нѣтъ здѣсь.

— Какъ ты это знаешь? Видишь, весь островъ наполненъ солдатами.

— Не полонъ, всѣ уѣхали, только четыре мундира тутъ.

— А Слѣдопытъ? Не хочешь ли съ нимъ переговорить? Онъ понимаетъ по-ирокезски.

— Его также нѣтъ здѣсь, вмѣстѣ уѣхалъ, — съ улыбкой отвѣчала Юнита.

— Эге, ты, кажется, все знаешь, съ удивленіемъ сказала Марія. Но скажи мнѣ, пожалуйста, что намъ нужно знать. Дядя Капъ здѣсь на островѣ, и какъ онъ, такъ и я не забудемъ твоей дружбы, когда снова вернемся въ фортъ.

— Можетъ, вы и не вернетесь, — кто знаетъ!

— Да, конечно, только Богъ знаетъ, что можетъ случиться. Жизнь наша въ Его рукахъ. Но я думаю, Онъ послалъ тебя какъ средство къ нашему спасенію.

Юнита не поняла этихъ словъ, но, очевидно, она желала быть полезной Маріи.

— Блокгаузъ очень хорошъ! повторила она съ особеннымъ удареніемъ.

— Хорошо, я понимаю тебя, Юнита, и проведу сегодняшнюю ночь въ блокгаузѣ. Но, конечно, я могу сообщить моему дядѣ то, что ты сказала.

— Нѣтъ, нѣтъ! внезапно пораженная и стремительно отвѣчала индіянка. — Не хорошо сказать ему. Онъ скажетъ Стрѣлѣ, и Юнита умретъ.

— Нѣтъ, Юнита, ты не права въ отношеніи къ моему дядѣ; онъ никогда не предастъ тебя.

— Нѣтъ, я этого не понимаю. У моряковъ есть языкъ, а нѣтъ глазъ, ушей, носа! Морякъ только языкъ, языкъ, языкъ!

Хотя Марія и имѣла о своемъ дядѣ другое мнѣніе, тѣмъ не менѣе она сознала, что напрасна ея надежда привлечь его къ настоящему совѣщанію.

— Ты, кажется, довольно вѣрно знаешь наше положеніе, сказала она. Ты прежде уже бывала на этомъ островѣ?

— Только-что прибыла.

— Но какъ же ты можешь знать все? Отецъ мой, Гаспаръ, Слѣдопытъ, всѣ вблизи, явятся когда я позову ихъ.

— Нѣтъ, всѣ уѣхали, съ увѣренностію, но съ добродушной улыбкой возразила индіянка. У меня хорошіе глаза; видѣли челнокъ съ мужчинами, и большое судно, плывущее съ Гаспаромъ.

— Такъ ты ужь давно за нами наблюдала? Я не

думаю однако, чтобы ты сосчитала, сколько человекъ осталось.

Юнита разсмѣялась, подняла четыре пальца и потомъ еще два и сказала: четыре красные мундира, Капъ и квартирмейстеръ.

Все это было совершенно вѣрно, и Марія уже не могла долѣе пытаться обмануть Юниту.

— Такъ ты думаешь, что для меня лучше будетъ оставаться въ блокгаузѣ? сказала она.

— Да! хорошее мѣсто для дѣвушекъ. Балки очень толсты, изъ блокгауза нельзя достать скальпъ.

— Ты съ такой увѣренностью говоришь объ этомъ строеніи, какъ будто была въ немъ и измѣряла его стѣны.

Юнита разсмѣялась, не распространяясь однако объ этомъ пунктѣ.

— Говори, продолжала Марія, — кромѣ тебя, можетъ ли еще ктонибудь найти этотъ островъ? Ужь не открыли ли его ирокезы?

Лицо Юниты помрачилось, и она осторожно осмотрѣлась, какъ будто опасаясь, что ктонибудь подслушиваетъ.

— Тускарора вездѣ. Если увидитъ Юниту, то убьетъ ее.

— А мы думали, что никто и не знаетъ ничего объ этомъ островѣ, такъ какъ онъ не легко бросается въ глаза, и даже изъ нашихъ немногіе сумѣютъ отыскать его.

— Мужчина умѣетъ говорить, возразила Юнита:— есть Янгезы, говорящіе по-французски.

Марія испугалась, ибо ей пришло на память подозрѣніе на Гаспара, которое какъ бы подтверждалось этими словами индіянки.

— Понимаю, что ты хочешь сказать, отвѣчала она: ты хочешь дать мнѣ понять, что одинъ изъ нашихъ предательскимъ образомъ объяснилъ врагамъ, гдѣ и какъ отыскать этотъ островъ.

Юнита засмѣялась, въ ея глазахъ военная хитрость была скорѣе заслугой, чѣмъ преступленіемъ. Но она слишкомъ привязана была къ своему племени, и не рѣшилась сказать болѣе того, чѣмъ требовали крайнія обстоятельства. Во всякомъ случаѣ, намѣреніе ея было спасти Марію, но только ее одну.

— Блѣднолицая теперь знаетъ, что блокаузь хорошъ для дѣвушекъ. Мужчины и воины до меня не касаются.

— Но меня касаются, Юнита. Одинъ изъ нихъ мой дядя, котораго я люблю, а другіе друзья мои и соотечественники. Я скажу имъ все.

— Тогда Юнита будетъ убита, возразила эта безъ рѣзкости, но видимо огорченная.

— Нѣтъ, нѣтъ! Они не узнаютъ, что ты была здѣсь; я только предупрежу ихъ и попытаюсь уговорить, чтобъ все скрылись въ блокаузь.

— Стрѣла увидитъ, узнаетъ все, и убьетъ Юниту, отвѣчала индіянка, вставая и приготовляясь уйти.

Марія не смѣла ее удерживать, но все-таки обняла рукою и сказала:

— Юнита, мы друзья и тебѣ нечего бояться отъ меня. Никто не узнаетъ объ этомъ посѣщеніи. Но не можешь ли ты подать знакъ, когда опасность будетъ близка, чтобъ я могла знать, когда мнѣ для своей безопасности отправиться въ блокаузь?

— Принеси Юнитѣ голубя.

— Гдѣ же я найду его? спросила Марія.

— Въ ближайшемъ шалашѣ. Тамъ возьми голубя и принеси Юнитѣ въ челнокъ. Когда голубь полетитъ, Стрѣла придетъ убивать.

Послѣ этихъ словъ Марія встала, пошла въ ближайшій шалашъ, гдѣ дѣйствительно нашла голубей, и безъ особеннаго труда поймала одного. Она отнесла его на берегъ, гдѣ Юнита уже сидѣла въ челнокѣ. Эта взяла его, посадила въ сдѣланную ею самую корзину, еще разъ повторила свое: блокаузь хорошъ для дѣвушекъ,—и затѣмъ удалилась отъ острова такъ же тихо, какъ и приблизилась къ нему. Марія смотрѣла ей въ слѣдъ и ожидала еще знака прощанія или вниманія, но напрасно. Все оставалось тихо и спокойно, и нигдѣ не видно было и слѣда опасности, о которой извѣщала Юнита.

Когда, наконецъ, Марія снова обернулась къ берегу спиной, то ей представилось повидимому незначительное обстоятельство, которое въ обыкновенное время не обратило бы вовсе ея вниманія, но теперь привлекло его. Именно, кусокъ красной матеріи, обыкновенно

употребляемой для корабельныхъ флаговъ, развѣвался на нижнемъ сучкѣ небольшого дерева, и съ перваго взгляда Марія замѣтила, что знакъ этотъ легко могъ быть замѣченъ съ близлежащаго острова. Сильно возбужденное въ ней подозрѣніе навело ее на мысль, что этотъ флагъ служить сигналомъ, который долженъ сообщить непріятелю какое либо важное событіе, и потому она не замедлила снять его съ сучка и тотчасъ поспѣшно удалиться съ нимъ. Имѣя намѣрѣніе безотлагательно отправиться въ блокгаузъ, вмѣстѣ съ солдатскою женою, она быстро направилась къ ея палашу, какъ вдругъ путь ея прерванъ былъ восклицаніемъ Мункса:

— Куда вы такъ торопитесь, любезная Марія, и для чего въ такомъ одиночествѣ? спросилъ онъ. — Что это у васъ такое въ рукѣ?

— Ничего, какъ только кусокъ матеріи, родъ флага, который не стоилъ бы вниманія, если бы...

— Бездѣлица, Марія? Нѣтъ, это вовсе не такъ малозначительно, какъ вы думаете, отвѣчалъ Мунксъ, взявъ изъ рукъ Маріи лоскутокъ и внимательно разсматривая его. — Гдѣ вы это нашли?

Марія объяснила это квартирмейстеру, который во время разсказа ея спокойно осматривался во всѣ стороны.

— Марія, наконецъ сказалъ онъ: дѣло это кажется мнѣ подозрительнымъ. Мы здѣсь вовсе не на такомъ мѣстѣ, гдѣ могли бы во всѣ направленія распускать свои флаги.

— Я именно это и думала, и поэтому сняла этот вымпелъ, чтобъ онъ не послужилъ къ обнаруженію нашего убѣжища. Не надо ли извѣстить объ этомъ обстоятельствѣ моего дядю?

— О, нѣтъ; для чего беспокоить его безъ нужды, съ нѣкоторою поспѣшностію отвѣчалъ Муиксъ. — Я бы только хотѣлъ знать, какъ попалъ сюда этотъ вымпелъ! Какъ кажется, онъ принадлежитъ къ числу корабельныхъ сигналовъ, и на самомъ дѣлѣ имѣетъ точно ту самую длину какъ флагъ, развѣвавшійся на мачтѣ нашего куттера.— Да, Гаспаръ измѣнникъ, я припоминаю теперь, что именно отъ этого флага былъ отрѣзанъ кусокъ.

Марія испугалась, еще охотно считая Гаспара невиннымъ; тѣмъ не менѣе она не отвѣтила на предположеніе Муикса.

— Когда я хорошенько обдумаю это дѣло, продолжалъ онъ послѣ нѣ котораго размышленія, — то собственно было бы хорошо посоветоваться по этому предмету съ Капомъ. Это вѣрный подданный короля, и поможетъ намъ своимъ совѣтомъ.

— Сдѣлайте такъ, возразила Марія: — я, съ своей стороны, принимаю это дѣло столь серьезно, что немедленно вмѣстѣ съ солдаткою отправлюсь въ блокгаузъ.

— Этого я не совѣтую, съ горячностію сказалъ Муиксъ. Если въ виду есть нападеніе, то прежде всего оно устремится на блокгаузъ и при этомъ будетъ большая опасность. Я скорѣе совѣтовалъ бы вамъ бѣжать къ

челноку и направиться въ ближайшій проливъ, гдѣ вы чрезъ нѣсколько минутъ скроетесь между островами.

— Нѣтъ, Муиксъ, я предпочитаю блокгаузъ и не покину острова, пока не вернется мой отецъ. Его бы очень огорчило, если бы онъ, вернувшись побѣдителемъ, нашелъ насъ всѣхъ бѣжавшими.

— Вы не такъ поняли меня, Марія, возразилъ Муиксъ.—Я далекъ отъ того, чтобъ кому либо, кромѣ женщинъ, посовѣтовать бѣгство. Мы, мужчины, конечно, останемся, чтобъ отстоять блокгаузъ или умереть.

Марія сдѣлала только отрицательное движеніе, не слушая болѣе квартирмейстера, и простившись хотѣла торопливо удалиться, какъ снова была удержана Муиксомъ.

—Еще одно слово, Марія, сказалъ онъ. — Если этотъ флагъ имѣетъ какое либо особенное значеніе, то его было бы лучше снова повѣсить и внимательно наблюдать, не послѣдуетъ ли на него какого отвѣта, который бы помогъ намъ къ открытію измѣны; въ противномъ случаѣ, если онъ не имѣетъ никакого значенія, то не можетъ имѣть и никакихъ послѣдствій.

— Дѣлайте, Муиксъ, все, что хотите и какъ по вашему лучше, возразила Марія: — я только обращаю вниманіе ваше на то, что выпелъ этотъ легко можетъ способствовать открытію нашей станціи.

Послѣ этихъ словъ она успѣшно удалилась и скоро исчезла изъ виду смотрѣвшаго ей въ слѣдъ квартирмейстера. Онъ оставался около минуты неподвижнымъ

на своемъ мѣстѣ, потомъ сталъ смотрѣть на находившійся въ рукѣ его лоскутокъ и, казалось, обдумывалъ, что ему съ нимъ начать. Однако, нерѣшительность его продолжалась недолго; онъ быстро направился къ дереву, гдѣ передъ тѣмъ висѣлъ вымпелъ, и снова прикрѣпилъ его къ такому мѣсту, что онъ былъ болѣе видѣнъ со стороны рѣки, чѣмъ съ самаго острова.

Пока происходило на берегу это крайне двусмысленное дѣйствіе, Марія съ тяжелымъ сердцемъ отыскала солдатку и дала ей наставленіе перенести въ блокгаузъ нѣкоторыя необходимыя вещи и во весь день не отходить отъ него на далекое разстояніе. — Потомъ она пошла къ капралу Мнабу, чтобъ, не выдавая своей пріятельницы Юниты, дать ему понять необходимость удалиться въ блокгаузъ вмѣстѣ съ оставшимися солдатами.

— Отецъ мой возложилъ на васъ большую отвѣтственность, капраль Мнабъ, сказала она старому воину, который беззаботно прогуливался по зеленому лугу острова.

— Да, дитя мое, возразилъ онъ; — но я очень хорошо знаю, какъ мнѣ при этомъ вести себя.

— Въ этомъ я и не сомнѣваюсь; но боюсь, что ваши старые солдаты, быть можетъ, упустятъ изъ виду предосторожность, необходимую въ нашемъ исключительномъ положеніи.

— О, нѣтъ! дитя мое, мы не колпаки, чтобы дать себя застигнуть врасплохъ тамъ, гдѣ менѣе всего можно этого ожидать.

✕

— Откровенно говоря, капралъ, я должна сказать вамъ, что имѣю основаніе бояться близкой опасности и поэтому весьма желала бы, чтобъ вы удалились въ блокаузъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно, возразилъ Мнабъ гордо и съ полнымъ пренебреженіемъ къ сдѣланному ему предложенію. Я — шотландецъ, и въ нашемъ народѣ не существуетъ обычая отступать съ поля, не выдержавъ нападенія. Мечи у насъ широки и любятъ смотрѣть въ глаза врагу.

— Но ни одинъ настоящій солдатъ не пренебрегаетъ осторожностью. Даже маіоръ Лунди, котораго никто не превышаетъ храбростью, извѣстенъ заботливостію о своихъ людяхъ.

— У маіора свои слабости; широкій мечъ и обыкновенныя шотландскія преданія забываются тамъ въ американскихъ ружейныхъ битвахъ посреди кустовъ. Но, повѣрьте старому солдату, миссъ Дунгамъ, которому уже 60 лѣтъ, что нѣтъ лучшаго средства возбудить мужество врага, какъ показать, что боишься его, и въ этой индѣйской военной жизни не существуетъ ни одной опасности, которая бы не усилена была и не распространена фантазіею вашихъ американцевъ; это дошло до того, наконецъ, что они стали видѣть дикихъ за каждымъ кустомъ. Мы, шотландцы, родомъ изъ открытой мѣстности, не нуждаемся въ этихъ засадахъ и онѣ не могутъ приходиться намъ по вкусу; и такимъ образомъ вы увидите....

Въ эту самую минуту Мнабъ подскочилъ на воз-

духъ, упалъ лицомъ на землю и затѣмъ повернулся на спину. Это произошло такъ внезапно, что Марія едва успѣла услышать ружейный выстрѣлъ, поразившій Мнаба пулею. Ни одно восклицаніе ужаса не вырвалось у нея; она даже не вздрогнула; такъ быстро, страшно и неожиданно случилось несчастье, что она не успѣла и собраться съ мыслями. Поспѣшно наклонилась она надъ умирающимъ, чтобы оказать ему возможную помощь. Онъ еще былъ живъ, но лицо его имѣло дикій видъ человѣка, внезапно и неожиданно пораженнаго смертію.

— Бѣгите какъ можно скорѣе въ блокгаузъ, прошепталъ онъ Маріи, когда она наклонилась, чтобы прислушаться къ его послѣднимъ словамъ.

Марія, хотя и поняла мысль несчастнаго, но разсталась съ нимъ лишь спустя нѣсколько секундъ послѣ того, какъ онъ испустилъ духъ. Тогда только пустилась она бѣжать, когда ею овладѣло полное сознаніе ея положенія и необходимость дѣйствовать. Черезъ двѣ минуты она достигла блокгауза; но въ тотъ самый моментъ, когда она хотѣла войти въ дверь, послѣдняя была прямо передъ ней сильно захлопнута солдаткой Женни, которая въ слѣпомъ страхѣ думала только о собственной безопасности. Пока Марія просила впустить ее, послышался трескъ пяти или шести ружей, и этотъ новый страхъ препятствовалъ находившейся внутри женщины быстро отодвинуть запоръ, который она только-что успѣшно задвинула. Только спустя минуту Марія почувствовала, что дверь уступаетъ ей на-

пору, и проскользнула своимъ гибкимъ станомъ въ отверстие, какъ только оно было для этого достаточно велико.

Между тѣмъ, сильное бѣненіе ея сердца нѣсколько успокоилось, и Марія получила столько силы воли, что могла дѣйствовать сознательно. вмѣсто того, чтобъ помочь солдаткѣ, старавшейся съ судорожными усиліями снова запереть дверь, она оставила ее открытою до тѣхъ поръ, пока удостовѣрилась, что никто изъ своихъ не ищетъ убѣжища въ блокгаузѣ. Потомъ, положивъ только одинъ запоръ, приказала Женни отодвинуть его тотчасъ, какъ только потребуетъ этого спасеніе друга, а сама отправилась въ верхній этажъ, откуда могла осмотрѣть въ бойницу мѣстность острова, на сколько это дозволяли вокругъ лежащіе кустарники.

Къ немалому изумленію, Марія не увидѣла на островѣ ни одной живой души; незамѣтно было ни своихъ, ни непріятелей. Только небольшое подымавшееся облачко дыма показывало ей, въ какой сторонѣ надо искать непріятеля. Выстрѣлы послѣдовали съ того направленія, гдѣ впервые показалась Юнита; но Марія не имѣла возможности опредѣлить, находятся ли враги на сосѣднемъ островѣ или уже переправились на этотъ. Она перешла къ другой бойницѣ, открывавшей видъ по тому направленію, гдѣ упалъ Мнабъ, — и кровь ея застыла, когда она увидѣла лежавшихъ съ нимъ рядомъ бездыханными трехъ солдатъ. — Они при первомъ шумѣ сбѣжались къ одному пункту и въ тотъ

же моментъ поражены были невидимыми страшными врагами.

Не было видно также слѣдовъ ни Капа, ни лейтенанта Муикса, хотя Марія изслѣдовала глазами каждый кустъ; она уже надѣялась, что они оба воспользовались челнокомъ и бѣжали; но когда посмотрѣла на мѣсто его причала, то увидѣла, что тотъ спокойно стоитъ у берега, и она осталась на счетъ судьбы своихъ друзей въ той же неизвѣстности, какъ и прежде.

— Миссъ Марія! услышала она тогда снизу голосъ солдатки: — ради Бога, скажите мнѣ, остался ли ктонибудь изъ нашихъ въ живыхъ? Мнѣ кажется, я слышу стоны, которые становятся все слабѣе и слабѣе, и заставляютъ меня опасаться, что всѣ убиты.

Марія теперь вспомнила, что одинъ изъ солдатъ былъ мужъ Женни, и содрогнулась при мысли о послѣдствіяхъ, если эта узнаетъ такъ внезапно о его смерти.

— Мы подъ защитой Бога, отвѣчала она дрожащимъ голосомъ. — Надо намъ положиться на Провидѣніе и не упускать изъ виду ни одного средства, какое оно намъ добровольно представляетъ для нашей защиты. Наблюдай только за дверью и не отпирай ее ни въ какомъ случаѣ безъ моего приказа.

— Скажите мнѣ только, миссъ Марія, не видите ли гдѣнибудь Санди? Я очень хотѣла бы извѣстить его, что я въ безопасности.

Санди былъ мужъ Женни и лежалъ, замертво распростертый на землѣ.

— Вы ничего не говорите, видите ли Санди? повторила бѣдная женщина, полная вѣтерпѣнія отъ молчанія Маріи.

— Нѣкоторые изъ нашихъ собрались около трупа капрала, возразила Марія, не хотѣвшая прямо солгать.

— Санди между ними? почти крича спросила Женни.

— Да, онъ навѣрно въ томъ числѣ, потому что я вижу четверыхъ и всѣ въ красныхъ мундирахъ нашего полка.

— Санди! воскликнула Женни въ полупомѣшательствѣ: — Санди! зачѣмъ ты не думаешь о себѣ? Иди сюда! Сюда, въ блокгаузъ! Санди! Санди!

Марія услышала, какъ отодвинулся запоръ и скрипнула дверь, и тотчасъ увидѣла Женни, спѣшившую черезъ кусты и направлявшуюся къ группѣ убитыхъ солдатъ. Одной минуты было достаточно, чтобы достигнуть этого мѣста. Ударъ, поразившій здѣсь ея сердце, былъ такъ внезапенъ и неожиданъ, что несчастная, казалось, отъ ужаса не могла сознать всю тяжесть его. Дикая, почти безумная мысль, что она обманывается, блеснула въ ея разстроенной головѣ, и она въ самомъ дѣлѣ вообразила, что солдатъ хотѣлъ только подшутить надъ ея страхомъ. Она схватила руку своего мужа, увидѣла, что она еще была тепла, и на губахъ его ей показалось, будто играетъ сдержанная улыбка.

— Санди, зачѣмъ ты неблаго разумно рискуешь своей жизнью? воскликнула она. — Индѣйцы умертвятъ васъ всѣхъ, если вы немедленно не поспѣшите къ

блокгаузу! Идите скорѣй! Не теряйте дорогихъ минутъ въ такихъ безумныхъ шуткахъ.

Съ судорожнымъ напряженіемъ старалась она поднять своего мужа съ земли, повернула голову его, и тогда увидѣла близъ самага виска отверстіе, изъ котораго просачивались капли крови. Тутъ все стало ей ясно; съ ужасомъ всплеснула она руками, издала раздирающій вопль отчаянія, раздавшійся по всему острову, и затѣмъ во всю длину распростерлась надъ убитымъ.

Какъ ни страшень, ни громокъ и раздирателенъ былъ крикъ, но все-таки онъ казался сладкимъ пѣніемъ въ сравненіи съ тѣми ужасными криками, которые немедленно за нимъ послѣдовали. Изъ всѣхъ угловъ острова раздался страшный боевой кликъ индѣйцевъ, и человѣкъ двадцать дикихъ, въ боевыхъ украшеніяхъ воскочили въ полномъ вооруженіи, чтобъ приобрѣсть скальпы умерщвленныхъ. Стрѣла былъ впереди; его томагавкъ раздробилъ черепъ потерявшей всякое сознаніе Женни, и черезъ двѣ минуты кровавый скальпъ ея висѣлъ какъ знакъ побѣды у пояса безжалостнаго и безчеловѣчнаго индѣйца. Его товарищи были такъ же дѣятельны какъ и онъ, и капралъ съ своими солдатами не походили болѣе на спокойно дремлющихъ людей. Ихъ оставили плавающими въ крови, наругавшись надъ ихъ трупами.

Марія смотрѣла на это съ разстроенными и путавшимися мыслями, не думая ни одной минуты о собственной опасности. Только когда она увидѣла, что

весь островъ покрытъ былъ дикими, которые радовались успѣху своего нападенія, то вспомнила, что Женни оставила дверь блокауза открытою. Сердце ея сильно забилося, потому что дверь эта была единственною преградю между ею и неизбѣжною смертью, и Марія поспѣшно направилась къ лѣстницѣ, чтобъ сойти внизъ и снова припереть дверь; но не успѣла она сдѣлать и нѣсколько шаговъ, какъ услышала скрипъ двери, и сочла себя погибшею. Въ страхѣ пала она на колѣни, сложила руки, вознесла мысли свои къ Богу и старалась мужественно приготовиться къ смерти. Но любовь къ жизни была сильнѣе, чѣмъ потребность молиться, и пока губы ея шевелились безсознательно, напряженное страхомъ ухо ея прислушивалось ко всякому шуму. Когда она услышала, что запоры снова задвигаются, то опять вскочила на ноги, и въ ней проснулась слабая надежда, что въ блокаузъ вошелъ другъ, быть можетъ, ея дядя. Уже она хотѣла спуститься по лѣстницѣ, чтобъ стать подъ защиту его, какъ ее остановила мысль, что это можетъ быть и индѣецъ, который, чтобъ имѣть возможность грабить безпрепятственно, заперъ дверь для прегражденія входа другимъ своимъ товарищамъ. Глубокое спокойствіе внизу не имѣло ничего схожаго съ смѣлыми и безбоязненными движеніями Капа и скорѣе означало уловку непріятеля. Эти соображенія удержали Марію неподвижною, и около двухъ минутъ во всемъ строеніи царствовало невозмутимое молчаніе. Въ это время Марія стояла на верху первой ступени,

между тѣмъ какъ опускающаяся дверь, которая вела въ нижній этажъ, находилась почти на противоположномъ концѣ комнаты.

Марія какъ бы сверхестественною силою пригвождена была къ своему мѣсту, ежеминутно опасаясь увидѣть страшное лицо дикаря. Ея страхъ скоро достигъ такой силы, что она уже стала искать уголка, гдѣ бы могла спрятаться, — и каждая отсрочка рѣшительнаго момента казалась ей утѣшеніемъ и выигрышемъ. Въ комнатѣ находилось нѣсколько кадокъ, в Марію спряталась за двумя изъ нихъ, причемъ прильнула глазомъ къ отверстію, изъ котораго могла видѣть по направленію къ опускающейся двери. Еще разъ пыталась она молиться, но ожиданіе было такъ страшно, что она не могла собраться съ мыслями. Ей даже показалось, что она слышитъ тихій шорохъ, какъ будто кто старается съ крайнею осторожностью подняться по лѣстницѣ; затѣмъ послѣдовалъ трескъ, который какъ она положительно знала, происходилъ отъ одной изъ ступеней, издававшей уже такой звукъ подъ ея ногами; сердце ея забилося сильнѣе, лицо стало блѣднѣе мраморной статуи. Еще въ двери ничего не показывалось, но Марія, которой слухъ необыкновенно былъ настроенъ страхомъ и волненіемъ, ясно услышала, что кто-то находится лишь на нѣсколько дюймовъ подъ дверью. Скоро сдѣлалось яснымъ и для глазъ; черные волосы индѣйца медленно, подобно часовой стрѣлкѣ, показали надъ дверью, и постепенно обнаружилась темная кожа и мрачныя черты,

наконецъ, вся темная фигура поднялась надъ поломъ.

Марія отскочила почти не дыша. Но вслѣдъ затѣмъ она радостно вскочила, узнавъ при второмъ, внимательномъ взглядѣ предъ собой нѣжное, боязливое и все-таки располагающее лицо Юниты.

Быстро встала она на ноги и бросилась въ объятія индѣянки, которая немало обрадовалась, увидя, что послѣдовали ея совѣту, и что ея молодая подруга защищена блокгаузомъ отъ томагавковъ дикарей.— Она сладкозвучно засмѣялась, радостно ударила въ ладоши и сказала:

— Блокгаузъ хорошъ! не достанутъ они скальпа отсюда.

— Да, Юнита, хорошъ, возразила Марія, и она содрогнулась, но ей снова представились всѣ испытанные ею ужасы. Скажи мнѣ только, ради Бога: не знаешь ли, что случилось съ моимъ бѣднымъ дядей? Во всѣ стороны глядѣла я его, но не могла найти ни малѣйшаго слѣда!

— Развѣ не здѣсь въ блокгаузѣ? спросила Юнита, не скрывая своего любопытства.

— Нѣтъ, къ сожалѣнію. Я здѣсь одна, ибо Женни поплатилась жизнью за свое безразсудство. Ты, право, не знаешь, живъ ли онъ?

— Не знаю. У него есть лодка; можетъ быть онъ на водѣ.

— Нѣтъ, этого не можетъ быть; челнокъ стоитъ еще у берега.

— Онъ не убитъ, ибо Юнита видѣла бы это; вѣрно спрятался.

— Это могло случиться, еслибъ онъ и Муиксъ нашли бы къ тому возможность. Нападеніе ваше произведено было съ страшною быстротою, Юнита.

— Тускарора! воскликнула индіянка въ восхищеніи отъ быстроты своего мужа. — Стрѣла великій воинъ!

— Но, что же мнѣ начать? Не пройдетъ много времени, какъ твои соплеменники нападутъ на блокгаузъ!

— Блокгаузъ хорошъ, не достанутъ скальпъ.

— Но они скоро узнаютъ, что здѣсь нѣтъ никакого гарнизона.

— Да, Стрѣла знаетъ и всѣ краснокожіе знаютъ: четыре блѣднолицыя потеряютъ скальпы, если еще имѣютъ ихъ.

— Молчи, Юнита, одна мысль объ этомъ волнуетъ кровь въ моихъ жилахъ. Впрочемъ, твои не могутъ знать, что я одна въ блокгаузѣ; скорѣе они будутъ считать здѣсь дядю и Муикса и подложить подъ строеніе огонь, чтобы заставить ихъ выйти. Я всегда слышала, что огонь самое опасное орудіе противъ блокгауза.

— Блокгаузъ не сожгутъ, спокойно отвѣчала Юнита.

— Почему же нѣтъ? Я не имѣю средствъ воспрепятствовать этому.

— Не сожгутъ блокгаузъ, повторила индіянка; блокгаузъ хорошъ; скальпъ не выдастъ.

— Но скажи же мнѣ почему, Юнита, я боюсь, что они все-таки зажгутъ его.

— Нѣтъ, блокгаузъ сыръ; — много дожда, — зеленое дерево, — трудно горитъ. Краснокожій это знаетъ; зажечь блокгаузъ значитъ дать знать Янгезамъ, что Ирокезы здѣсь. Отецъ вернется, не найдетъ блокгауза, будетъ имѣть подозрѣніе. — Нѣтъ, индѣйцы слишкомъ хитры, — ничего не тронуть.

— Такъ ты думаешь, что до возвращеніи отца моего я въ безопасности?

— Не знаю, когда вернется отецъ. Пусть Марія это сперва скажетъ, тогда отвѣчу.

Марія испугалась: стала опасаться, что ея подруга имѣетъ намѣреніе выпытать у ней правду, чтобъ имѣть возможность указать лучшее средство и дорогу къ умерщвленію или плѣну отца ея и его спутниковъ. — Она поэтому хотѣла уже дать уклончивый отвѣтъ, какъ вдругъ сильный стукъ въ наружную дверь далъ мыслямъ другое направленіе.

— Они идутъ, съ испугомъ вскричала она. — Но Юнита, можетъ быть, это мой дядя и квартирмейстеръ. Въ этомъ случаѣ я должна впустить ихъ.

— Почему же не посмотрѣть, вѣдь есть для этого бойницы.

Марія тотчасъ послѣдовала этому совѣту и направилась къ бойницамъ, устроеннымъ въ выдававшихся бревнахъ верхняго этажа. Осторожно подняла она деревянную заслонку, которая закрывала узкое отверстіе, взглянула внизъ и поблѣднѣвъ, отскочила съ испугомъ назадъ.

— Краснокожій! спросила Юнита, осторожно и предупредительно поднявъ палець.

— Да, ихъ четверо, и они страшно выглядятъ въ своихъ ужасныхъ украшеніяхъ и съ кровавыми скальпами. Стрѣла между ними.

Юнита быстро пошла къ углу, гдѣ стояло нѣсколько ружей, и уже схватила одно изъ нихъ, какъ имя ея мужа, казалось, остановило ея намѣренія. Однако, она съ минуту подумала, пошла къ бойницѣ и только-что хотѣла просунуть въ нее оружіе, какъ была удержана Марією.

— Нѣтъ, Юнита! ты не можешь цѣлиться въ своего мужа, даже для того, чтобъ спасти мою жизнь.

— Я не попаду въ Стрѣлу и вообще ни въ одного краснокожаго, смѣясь возразила индѣянка.— Не буду стрѣлять, а только пугать.

Марія поняла намѣреніе своей подруги и болѣе не сопротивлялась ей. Юнита просунула дуло ружья въ бойницу, заботливо старалась сдѣлать это съ возможно продолжительнымъ шумомъ, дабы возбудить вниманіе дикихъ, прицѣлилась и выстрѣлила на воздухъ.

— Вотъ, всѣ бѣгутъ прочь, когда я выстрѣлила, воскликнула Юнита, разразившись сердечнымъ смѣхомъ, и направляясь къ другой бойницѣ, чтобъ наблюдать за дальнѣйшими движеніями своихъ друзей. — Всѣ ищутъ убѣжища. Воины думаютъ, что Капъ и Муиксъ въ блокгаузѣ.

— Слава Богу, воскликнула Марія, совершенно

пзвуренная непрерывными волненіями и присѣвъ на сундукъ. Теперь мы въ безопасности?

— Пойду и посмотрю, возразила Юнита.

— Можешь ли это и хочешь ли? Развѣ воинамъ извѣстно твое здѣсь присутствіе?

— Да, возразила индѣянка. Стрѣла никогда не выходитъ безъ жены. Ирокезы это знаютъ. Потому я пойду изъ блокгауза и посмотрю, гдѣ Капъ.

Но еще прежде, чѣмъ Юнита покинула блокгаузъ, обѣ женщины чрезъ различныя бойницы изслѣдовали весь островъ и удостовѣрились, что непріатели приготавлились сдѣлать привалъ. Трупы убитыхъ были отнесены въ сторону, и Марія увидѣла, что оружіе ихъ свалено было по близости мѣста, назначеннаго для лагеря. Кромѣ этого не видно было на островѣ никакой перемѣны, такъ какъ побѣдители имѣли намѣреніе обмануть сержанта и привлечь его въ западню. Юнита обратила вниманіе Маріи на сидящаго на деревѣ челоуѣка, который, какъ она сказала, служить соглядатаемъ, чтобы во-время извѣстить о приближеніи челнока. Казалось, непосредственнаго нападенія на блокгаузъ въ виду не имѣлось, но тѣмъ не менѣе Юнита говорила, что по нѣкоторымъ признакамъ, ей извѣстно намѣреніе индѣйцевъ имѣть до возвращенія сержанта за блокгаузомъ наблюденіе, дабы скрыть слѣды нападенія, и не возбудить подозрѣнія въ бдительномъ глазѣ Слѣдопыта. — Челнокъ дикіе взяли въ свое владѣніе и помѣстили въ кустарникъ, гдѣ спрятана была и ихъ лодка.

Разузнавъ все это, обѣ сошли въ нижній этажъ, и Марія отодвинула отъ двери тяжелые запоры, чтобы выпустить индѣянку на свободу. Юнита быстро проскользнула въ открытую дверь, и Марія съ большою поспѣшностью снова заложила спасительные запоры. Заперевъ такимъ образомъ дверь, она опять вернулась въ верхній этажъ, гдѣ могла окинуть болѣе свободнымъ взоромъ все окружающее.

Прошло нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ Марія узнала что нибудь отъ своей подруги. Она услышала пронзительные крики дикихъ, которые черезъ мѣру попользовались найденнымъ боченкомъ водки, и бросая по временамъ взглядъ черезъ бойницы, удостовѣрилась, что торжество индѣйцевъ продолжается безпрепятственно. — Около полудня увидѣла она одного бѣлаго, которому одежда и дикій видъ почти придавали образъ индѣйца. Это обстоятельство возбудило ея надежды, впрочемъ совершенно напрасныя. Марія не знала, какъ незначительно было вліяніе бѣлыхъ на ихъ дикихъ союзниковъ, когда эти уже разъ попробовали крови и завоевали скальпы.

День прошелъ тихо, и показался Маріи цѣлымъ мѣсяцемъ. Отъ времени до времени она искала убожища въ молитвѣ, и каждый разъ чувствовала себя крѣпче, спокойнѣе и готовою на все. Она стала надѣяться, что индѣйцы въ самомъ дѣлѣ не произведутъ нападенія на блокгаузъ до возвращенія отца ея изъ его экспедиціи, — и только забота о немъ наполняла ее невыразимымъ страхомъ. Тѣмъ не менѣе положе-

віе ея было еще сносно, пока было свѣтло, но сдѣ-
лалось дѣйствительно ужаснымъ, когда первыя тѣни ве-
чера стали спускаться надъ островомъ. — Попойка ин-
дѣйцевъ постепенно доходила до ожесточенія, крики
и шумъ ихъ придавали имъ видъ, какъ будто въ
нихъ сидѣли злые духи. Всѣ старанія бѣлаго, ихъ
французскаго предводителя, удержать ихъ нѣсколько въ
границахъ, были безплодны, и онъ, наконецъ, долженъ
былъ удовольствоваться тѣмъ, что потушилъ огонь и
удалилъ въ сторону всѣ средства въ возобновенію
его. Онъ принялъ эту мѣру предосторожности для
воспрепятствованія индѣйцамъ сжечь блокгаузъ, со-
храненіе котораго въ цѣлости было необходимо для
успѣха ихъ дальнѣйшихъ плановъ. Затѣмъ, послѣ не-
удавшейся попытки отобрать у индѣйцевъ ихъ ору-
жіе, онъ пошелъ отъ нихъ и предоставилъ пьяную
толпу самой себѣ.

Едва офицеръ удалился, какъ одинъ изъ воиновъ
сдѣлалъ предложеніе зажечь блокгаузъ, принятое съ
громкими криками одобренія, такъ какъ и Стрѣла
удалился отъ нихъ.

Это была для Маріи ужасная минута. Индѣйцы,
опьянѣвшіе, менѣе заботились о ружьяхъ, которыя
могли быть спрятанными въ блокгаузѣ, и стали
приближаться къ строенію съ воємъ и прыжками
дьяволовъ, спущенныхъ съ цѣпи. Сперва пытались
они сломать дверь, и когда, по причинѣ ея крѣ-
пости, этого имъ не удалось, то нѣкоторые стали ко-
паться въ потухшемъ кострѣ, чтобы найти нѣсколько

красныхъ угольевъ, которые могли бы содѣйствовать ихъ намѣреніямъ. Они достигли цѣли и, съ помощью сухихъ листьевъ и прутьевъ, имъ удалось, вопреки стараніямъ офицера, развести огонь, который они и поддержали нѣсколькими небольшими полѣньями дровъ. Когда Марія нагнулась изъ бойницы, чтобы наблюдать за дальнѣйшими дѣйствіями индѣйцевъ, возбуждавшими въ ней непреодолимый страхъ, то замѣтила, что воины натаскали къ двери кучу хвороста, положили огонь, хворостъ загорѣлся и наконецъ вся куча треща запылала яркимъ пламенемъ. Тогда индѣйцы подняли торжествующіе крики и воротились къ своимъ товарищамъ съ убѣжденіемъ, что ихъ дѣло разрушенія будетъ имѣть надлежащія послѣдствія.

Между тѣмъ, Марія, едва способная двинуться съ мѣста, смотрѣла внизъ на огонь, за успѣхами котораго, конечно, наблюдала съ сильнѣйшимъ волненіемъ. Но когда груда дерева была вся объята пламенемъ, то огонь достигалъ такъ высоко, что почти опалилъ ея брови и заставилъ ее отойти. Едва успѣла она достигнуть противоположнаго конца комнаты, какъ сквозь оставленную ею бойницу прорвался огненный языкъ, ярко освѣтилъ всю комнату и доставилъ Маріи горестное убѣжденіе, что теперь насталъ ея послѣдній часъ.

Въ послѣдній, по ея мнѣнію, разъ вознесла она мысли свои къ Богу въ горячей молитвѣ. Глаза ея были закрыты и, казалось, душа ея отлетѣла изъ тѣла. Только спустя нѣсколько минутъ бездыханнаго страха она снова открыла глаза и дико посмотрѣла вокругъ.

Но, къ удивленію своему, она болѣе не была ослѣпляема пламенемъ, хотя дерево около бойницы тлѣло и по временамъ блестѣло яркими огоньками. Бочка съ водой стояла въ углу комнаты; Марія наполнила ея кувшинъ и, выливъ воду на тлѣвшее мѣсто, къ радости своей замѣтила, что огонь тутъ совершенно потухъ. Теперь она рискнула тоже бросить взглядъ внизъ на дверь, и съ изумленіемъ увидѣла, что горѣвшій костеръ былъ разбросанъ по сторонамъ. Полѣнья были залиты водой и болѣе не горѣли, а только дымились.

— Кто внизу? спросила Марія черезъ отверстіе. Чья дружеская рука помогла мнѣ въ нуждѣ? Это вы, любезный дядюшка?

— Нѣтъ, нѣтъ, Капа тутъ нѣтъ, отвѣчалъ тихій, нѣжный голосъ.—Отвори скорѣй, Юнита нужно войти.

Немедленно Марія сошла по лѣстницѣ и впустила свою подругу, которую приняла съ восторгомъ.

— Да благословить тебя Богъ, Юнита! воскликнула Марія, страстно обнявъ молодую индіанку: Мудрое Провидѣніе избрало тебя моимъ ангеломъ-хранителемъ.

— Не жми такъ вѣрѣтко, улыбаясь возразила индіанка. Пусти меня, я запру дверь.

Марія старалась умѣрить свои возбужденныя чувства, и нѣсколько минутъ спустя обѣ женщины снова находились въ верхнемъ покоѣ и сидѣли рядомъ, держа другъ друга за руку.

— Ну, Юнита, начала Марія: — скажи же мнѣ, не можешь ли сообщить мнѣ что нибудь о моемъ дядѣ?

— Нѣтъ, ничего не знаю; никто не видѣлъ его и не слышалъ.

— Ну, такъ, слава Богу! вѣроятно онъ бѣжалъ, хотя я не понимаю, какимъ образомъ. Нѣтъ ли французъ на островѣ?

— Да, французскій капитанъ здѣсь и много индѣйцевъ.

— Скажи мнѣ, дражайшій другъ мой, нѣтъ ли какогонибудь средства защитить моего любезнаго отца отъ рукъ его враговъ.

— Нѣтъ, ничего не знаю. Воины ожидаютъ въ засадѣ, и онъ долженъ потерять скальпъ.

— Но, Юнита, навѣрно ты можешь помочь моему отцу, если захочешь.

— Не знаю отца, не люблю его. Юнита помогаетъ Стрѣлѣ, а Стрѣла любитъ скальпъ.

— Нѣтъ, я не могу подумать, что ты предашь нашихъ погибели.

— Юнита не Янгеза, а Тускарора, — мужъ мой Тускарора, — такое же у меня и сердце и чувства, — все, все Тускарора.

— Но для чего же тогда ты старалась спасти меня? спросила въ недоумѣніи Марія.

— Потому что я тебя люблю и ты добра, просто отвѣчала Юнита.

— Хорошо, такъ по крайней мѣрѣ скажи мнѣ, чего я еще должна опасаться. Сегодня ночью твои пируютъ, а что они будутъ дѣлать завтра?

— Не знаю; я боюсь спросить Стрѣлу. Я думаю, они спрячутся пока вернутся Янгезы.

— Не сдѣлаютъ они на блокгаузъ новаго нападенія?

— О, нѣтъ, слишкомъ много пили рому. Всѣ пошли теперь спать.

— Такъ ты думаешь, что я по крайней мѣрѣ на ночь въ безопасности?

— Да, слишкомъ много рому. Если бы ты была какъ Юнита, то много могла бы сдѣлать для твоего народа.

— А что бы я могла сдѣлать? Я готова на все, что въ моихъ силахъ.

— Нѣтъ, у тебя нѣтъ сердца, а если бы и было, то я не допустила бы тебя. Мать Юниты однажды попала въ плѣнъ, и воины напились пьяные; она тихо подкралась и умертвила всѣхъ томагавкомъ. Индѣйскія женщины поступаютъ такимъ образомъ въ опасности.

— Нѣтъ, этого я не могу, съ ужасомъ воскликнула Марія. — Я не имѣю ни силы, ни мужества, ни даже воли исполнить своими руками такое кровавое дѣло.

— Да, я такъ и думаю. Останься въ блокгаузѣ. Блокгаузъ хорошъ, скальпа не выдастъ.

— Еслибъ я только могла предупредить отца моего или Слѣдопыта объ опасности.

— Ты любишь Слѣдопыта?

— Да, каждый любитъ его. И ты бы любила его, еслибъ узнала ближе.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не люблю его. Онъ слишкомъ хорошій стрѣлокъ, слишкомъ вѣрный глазъ, слишкомъ

много убиваетъ Ирокезовъ и Тускароровъ. Нѣтъ, я вовсе его не люблю.

— А все-таки, Юнита, я должна спасти его, если могу. Выпусти меня отсюда; я сяду въ челнокъ и покину островъ, чтобъ предупредить моихъ друзей.

— Нѣтъ, нельзя. Юнита позоветъ Стрѣлу, если ты пойдешь.

— О, ты мнѣ не измѣнишь, когда такъ долго помогала мнѣ. Пусти меня, Юнита!

— Нѣтъ, нѣтъ! Я сейчасъ громкимъ голосомъ позову Стрѣлу и разбуджу воинновъ. Я люблю Марію и хочу спасти ее, но не допущу ее помогать врагамъ убивать индѣйцевъ.

— Ну, хорошо, любезный другъ, я понимаю твои чувства; но скажи мнѣ только одно: если мой дядя ночью придетъ и будетъ просить впустить его, то позволишь ли ты мнѣ открыть ему дверь блокгауза?

— Да, конечно; я больше люблю плѣннаго, чѣмъ скальпъ. Но Капъ такъ хорошо спрятанъ, что и самъ не знаетъ гдѣ.

Изъ дальнѣйшаго разговора съ индіянкой, Марія узнала, что Стрѣла уже давно состоялъ въ связи съ французами, хотя это былъ еще первый случай, когда онъ явно обнаружилъ свое предательство. Онъ руководилъ всѣмъ нападеніемъ на островъ, впрочемъ подъ наблюденіемъ французскаго капитана, о которомъ мы поминали выше. Юнита не хотѣла объяснить, былъ ли онъ и средствомъ къ узнавію станціоннаго острова, но дала понять, что французы только въ по-

слѣднее время получили вѣрныя свѣдѣнія о положеніи острова и притомъ отъ блѣднолицаго, состоящаго подъ начальствомъ маіора Лунди. Марія тотчасъ подумала о Гаспарѣ, и была весьма огорчена, что ей приходилось узнавать полныя доказательства измѣны молодаго человѣка, который полюбился ей.

Наконецъ, природа вступила въ свои права, и обѣ женщины склонились къ тому, чтобы уснуть спокойно нѣсколько часовъ. Онѣ устроили себѣ простое ложе, улеглись, и вскорѣ погрузились въ глубокую дремоту.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Когда Марія проснулась на другое утро, то дневной свѣтъ уже ярко пробивался черезъ бойницы во внутренность блокгауза. Она разбудила свою подругу, подошла съ ней къ одному изъ отверстій и съ особеннымъ любопытствомъ посмотрѣла на все окружающее. Еще нигдѣ не замѣтно было живаго существа, и вездѣ кругомъ царствовало глубочайшее спокойствіе. Но на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно варили пищу Мнабъ и его подчиненные, слабо догоралъ огонь, котораго дымъ, казалось, долженъ былъ служить къ тому, чтобы привлечь отсутствующихъ, не возбуждая ихъ подозрѣнія. Шалаши снова приведены были въ прежнее обыкновенное состояніе, и внезапно Марія вскрикнула отъ радости, когда глазъ ея упалъ на группу грехъ мужчинъ въ мундирахъ, сидѣвшихъ въ беззаботныхъ позахъ на травѣ, и, казалось, болтавшихъ

между собою въ совершенной безопасности. Но вслѣдъ затѣмъ — кровь застыла въ жилахъ бѣдной дѣвушки, при второмъ взглядѣ, когда она узнала безцвѣтные лица и стеклянные глаза своихъ убитыхъ товарищей! Они сидѣли совершенно вблизи блокгауза, и, такъ какъ ихъ окаменѣвшимъ членамъ даны были различныя, наподобіе живыхъ, положенія, то во всей наружности ихъ было столько легкомыслія, что всѣ чувства молодой дѣвушки должны были возстать противъ этого. Впрочемъ, обманъ этотъ былъ выполненъ такъ искусно, что легко могъ привести въ заблужденіе поверхностнаго наблюдателя на разстояніи ста локтей.

Послѣ старательнаго изслѣдованія берега, Юнита обратила вниманіе своей подруги на четвертаго солдата, который прислоненный къ дереву сидѣлъ, свѣсивъ ноги къ водѣ, и держалъ въ рукахъ удочку. — Скальпированныя головы покрыты были шапками, и лица заботливо обмыты отъ всякихъ кровавыхъ слѣдовъ.

При видѣ этого, Марія почти лишилась чувствъ, и ея ужасъ еще усилился, когда она увидѣла тѣло Женни, поставленное у шалаша въ наклоненной позѣ. Она, казалось, смотрѣла на группу мужчинъ, чепчикъ ея развѣвался вѣтромъ, и рука ея держала метлу. Хотя разстояніе было слишкомъ велико, чтобы рассмотреть ея черты, но Маріи все-таки показалось, что подбородокъ несчастной женщины придавленъ и ротъ ея скривленъ ужасною улыбкою.

— Юнита! воскликнула она, когда, наконецъ, снова получила способность говорить: — это превосходить

все, что я когда либо слыхала о предательствѣ и хитрости вашего народа. Это, въ самомъ дѣлѣ, ужасно и вызываетъ содроганіе!

— О, Тускарора очень хитеръ, возразила индіянка съ улыбкою, выражавшею удивленіе хитрости своихъ соплеменниковъ.—Солдаты уже мертвы и помогутъ умертвить другихъ, — потомъ всѣхъ сожгутъ.

Марія дрожа отвернулась, и изъ этихъ словъ ей стало ясно, какъ много отличается образъ мыслей спутницы ея отъ ея собственнаго. Между тѣмъ Ювита хладнокровно приготовила завтракъ, и уничтожила его такъ спокойно, какъ будто не произошло ничего особеннаго. Марія же ѣла очень мало: она предавалась своимъ мыслямъ, или же продолжала наблюденія чрезъ бойницы.

Каждый разъ пугалась она и пятилась назадъ, когда взоръ ея падалъ на убитыхъ; но всякій разъ подходила она снова къ бойницамъ, когда слышала слабый шумъ, хотя бы то былъ только шелестъ листьевъ или дуновеніе вѣтра. Впрочемъ, день прошелъ, и не показался ни одинъ дикій или французъ, и Марія эту ночь спала спокойнѣе, чѣмъ предшествовавшую. Какъ только она проснулась, первымъ дѣломъ ея было подойти къ бойницамъ, такъ какъ въ этотъ день она могла ожидать возвращенія своего отца. Выглянувъ, она опять увидѣла страшную группу на травѣ и совершенно въ тѣхъ же положеніяхъ, какъ наканунѣ. Рыболовъ все еще наклонялся надъ водой, какъ будто пригвожденъ былъ къ своему дѣлу; изрытое лицо

Женни выглядывало изъ двери, а сидѣвшіе солдаты казались занятыми беззаботною болтовней. Погода однако за ночь перемѣнилась, вѣтеръ дулъ съ юга, в облака, казалось, предсказывали бурю.

— Юнита! сказала Марія, отходя снова отъ бойницы: — этотъ видъ становится все болѣе невыносимымъ. Я бы лучше хотѣла имѣть передъ глазами непріателя, чѣмъ это вѣчное царство смерти.

— Тихе, тихе, возразила индѣянка: они идутъ; я слышу крикъ воиновъ, берущихъ скальпъ. Смотри, смотри, вотъ Капъ, Стрѣла ведетъ его.

— Дорогой дядя; слава Богу, онъ живъ! воскрикнула Марія, снова приблизившись къ бойницѣ и взглянувъ въ нее.

Она увидѣла Капа и квартирмейстера въ рукахъ индѣйцевъ, которые безбоязненно вели ихъ къ блокаузу, ибо знали, что въ немъ не могло уже быть никакой мужской защиты. Марія едва успѣла вздохнуть, какъ вся толпа стояла уже у самой двери, причемъ она, къ нѣкоторому успокоенію, замѣтила, что между индѣйцами находился и французскій офицеръ. Послѣ краткаго совѣщанія съ Стрѣлою и французомъ, раздался голосъ квартирмейстера, который закричалъ Маріи:

— Миссъ Дунгамъ, взгляните, пожалуйста, внизъ на насъ чрезъ одну изъ бойницъ, и имѣйте состраданіе къ нашему положенію. Намъ угрожаетъ немедленная смерть, если вы не отворите двери побѣдителямъ и не сдадите имъ блокауза. Дайте же смягчить себя,

если желаете, чтобы мы еще нѣкоторое время сохранили наши скальпы.

Маріи показалось, что квартирмейстеръ слишкомъ легкомысленно судить о такомъ важномъ предметѣ, какъ сдача блокгауза, и она вовсе не чувствовала склонности исполнить его желаніе.

— Дядя Капъ! закричала она: — скажите мнѣ, какъ должна я поступить?

— Слава Богу, милая Марія, что я снова слышу твой голосъ; я уже думалъ, что ты раздѣлила участь бѣдной Женни, и страхъ этотъ тяжело лежалъ на сердцѣ. Что тебѣ дѣлать, мое дитя? Если хочешь послѣдовать моему откровенному совѣту, то ни подъ какимъ условіемъ не отпирай двери. Квартирмейстеръ и я старики, и нѣтъ никакой важности въ томъ, проживемъ ли мы нѣсколько лѣтъ больше или меньше; ты же, Марія, должна остерегаться, чтобы не попасть въ руки этого кровожаднаго отряда дьяволовъ. Еслибъ я былъ въ блокгаузѣ, то ни одинъ индѣецъ не выманилъ бы меня оттуда.

— Миссъ Марія, прервалъ квартирмейстеръ: — надѣюсь, вы не будете слушать вашего дяди, котораго мысли, повидимому, перепутались со страха. Увѣряю васъ, что намъ всѣмъ не сдѣлаютъ никакого вреда, если вы сдадите блокгаузъ, — и, напротивъ того, дядя вашъ и я видимъ предъ глазами вѣрную смерть, если вы упорно будете держаться на своемъ постѣ.

— Господинъ квартирмейстеръ, я послѣдую совѣту моего дяди, твердо отвѣчала Марія. Прежде чѣмъ не

рѣшится судьба всего острова, я не оставлю блокгауза ни въ какомъ случаѣ.

— Но, миссъ Марія, я обѣщаль нашимъ врагамъ сдать блокгаузъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ они хорошо обходились съ нами. Подумайте, что я королевскій офицеръ и долженъ держать свое слово. Поэтому отприте дверь и впустите насъ.

— Не отворяйте! прошептала Юнита Маріи: не оставляйте блокгауза; онъ очень хорошъ для скальна.

Эта поддержка утвердила Марію въ ея рѣшимости.

— Я знаю, Муиксъ, отвѣчала она, что вы, какъ волонтеръ, не имѣете права сдать блокгаузъ непріателямъ, и потому не считаю себя обязанною принимать условія вашей капитуляціи. Я останусь тамъ, гдѣ нахожусь, пока вернется мой отецъ, котораго я ожидаю въ теченіе этихъ десяти дней.

— Ахъ, Марія! напрасно стараетесь вы обмануть непріателей. Индѣйцы навѣрно знаютъ, вѣроятно чрезъ молодого измѣнника Гаспара, что отецъ вашъ долженъ вернуться еще сегодня до заката солнца. Поэтому сдайтесь и покоритесь терпѣливо волѣ Провидѣнія.

— Нѣтъ, нѣтъ, Муиксъ, я сумѣю удержаться въ блокгаузѣ и даже, въ случаѣ надобности, защитить его. Посмотрите на бойницу въ верхнемъ этажѣ.

Всѣ глаза поднялись кверху и увидѣли дуло ружья, осторожно выдвинутое сквозь отверстіе. Юнита именно снова прибѣгла къ той хитрости, которая уже од-

нажды оказала хорошую услугу. И теперь ожиданіе ея не было обмануто, ибо какъ только индѣйцы увидали угрожающее оружіе, то поспѣшно отступили и старались съ необыкновеннымъ проворствомъ найти себѣ убѣжище. Одинъ французскій офицеръ не отступилъ, и удостовѣрившись быстрымъ взглядомъ, что дуло ружья направлено не на него, онъ хладнокровно понюхалъ табаку и остался спокойно возлѣ Капа и Мункса.

— Ради Бога, Марія, кто тамъ сидитъ съ вами? спросилъ озадаченный квартирмейстеръ.

— Ну, какъ вы думаете, еслибъ это былъ Слѣдопытъ, отвѣчала Марія: — я думаю, это былъ бы хорошій гарнизонъ для крѣпкаго поста.

— Что вы говорите, миссъ Марія! Если онъ дѣйствительно въ блокгаузѣ, то пусть онъ заговоритъ, и мы поведемъ наши переговоры непосредственно съ нимъ самимъ. Мы друзья его, и намъ по крайней мѣрѣ онъ не сдѣлаетъ никакого зла.

— Тутъ нечего разговаривать, Мунксъ, и потому Слѣдопытъ вовсе не покажется, отвѣчала Марія, отходя отъ бойницы въ знакъ того, что желаетъ прервать разговоръ.

Французскій офицеръ, немало озабоченный однимъ услышаннымъ имъ именемъ Слѣдопыта, также удалился, настаивая на томъ, чтобъ плѣнные слѣдовали за нимъ, и Марія такимъ образомъ освободилась на нѣкоторое время отъ своихъ враговъ. Всѣ попытки овладѣть блокгаузомъ были на время оставлены, и

Юнита извѣстила съ верхняго этажа, что вся толпа индѣйцевъ усѣлась за обѣдъ въ отдаленной части острова, и что Капъ и Муиксъ принимали въ этомъ участіе такъ спокойно, какъ будто имъ рѣшительно нечего было опасаться. Такое извѣстіе окончательно успокоило Марію, и она стала обдумывать средства или спастись бѣгствомъ, или же предупредить отца о грозившей ему опасности. Она ожидала его возвращенія въ этотъ день послѣ полудня, и очень хорошо знала, что всякая выигранная или упущенная минута могла рѣшить судьбу его.

Между тѣмъ летѣли часы, и день склонялся къ вечеру, а Марія все-таки не пришла ни къ какому рѣшенію. Юнита въ нижнемъ покоѣ приготовляла простое кушанье, пока Марія взлѣзла на крышу строения, снабженнаго опускною дверью. Отсюда ей открывался болѣе пространный видъ на островъ, хотя видъ этотъ все-таки заграждался деревьями и кустами.

Солнце закатилось, наступили сумерки, и Марія, не открывъ ничего о своихъ друзьяхъ, хотѣла совсѣмъ удалиться, какъ вдругъ въ скрытомъ каналѣ, почти совершенно за кустами, замѣтила она челнокъ, въ которомъ находилось человѣческое существо. Убѣжденная, что сигналъ повредить не можетъ, если даже въ челнокѣ находятся враги, Марія взяла небольшой флагъ, сдѣланный ею для своего отца, и стала махать имъ, стараясь, чтобъ это не было видно съ самаго острова.

Восемь или десять разъ Марія напрасно повторяла

этотъ знакъ и уже теряла всякую надежду быть замѣченною неизвѣстнымъ, какъ вдругъ пловець быстро отвѣтилъ знаку своимъ весломъ, и подошелъ такъ близко, что Марія тотчасъ узнала въ немъ Чингахгока. Значить, наконецъ явился другъ и притомъ такой, который былъ способенъ и расположенъ оказать ей всю необходимую поддержку. Все мужество ея возросло. Могиканъ увидалъ и, по всей вѣроятности, узналъ ее и теперь, безъ сомнѣнія, когда стемнѣло, займется мѣрами къ ея освобожденію. Что ему не безызвѣстно присутствіе непріятели, заключила она изъ соблюдаемой имъ крайней осторожности, и знала, что можетъ положиться на его благоразуміе и ловкость. Единственная забота у ней оставалась о Юнитѣ: она едва смѣла надѣяться, что послѣдняя дозволить входъ въ блокгаузъ враждебному для нея индѣйцу. Такимъ образомъ, полчаса, которые протекли послѣ того, какъ Марія увидѣла Чингахгока, были для нея столь тяжелыми, какъ только можно было вообразить. Средства къ исполненію ея желаній были очень близки, но она не могла употребить ихъ, вполнѣ зная рѣшимость и обдуманность Юниты. Хотя ей и казалось труднымъ, но наконецъ должна она была рѣшиться обмануть свою подругу и спасительницу, когда дѣло касалось жизни ея отца, индѣянкѣ же не грозила никакая непосредственная опасность. Она приблизилась къ ней, и сказала:

— Юнита, ты не боишься, что твои снова под-

ложать огонь къ блокаузу, такъ какъ они думаютъ, что Слѣдопытъ здѣсь?

— Нѣтъ, не думай, чтобъ они это сдѣлали. Блокаузь не сгоритъ.

— Но, Юнита, у меня вовсе не спокойно на душѣ; я бы очень хотѣла, чтобы ты снова сходила на крышу и посмотрѣла, не дѣлается ли какихъ приготовленій.

— Я пойду, если желаешь, но индѣецъ хитеръ, ждетъ отца.

— Дай Богъ, чтобъ ты была права. Но подымись и посмотри вокругъ, милая Юнита. Опасность можетъ приблизиться тогда, когда ее меньше всего ожидаешь.

Юнита тотчасъ встала и намѣревалась подняться на крышу, но на первой же ступенькѣ лѣстницы опять остановилась. Марія такъ сильно испугалась этого, что почти слышно было сильное бѣненіе ея сердца; она опасалась, что душа подруги ея озабочена была подозрѣніемъ настоящихъ ея намѣреній. Тѣмъ не менѣе, осторожная индѣянка только сообразила, не дѣлаетъ ли она неблагоразумнаго поступка, и такъ какъ ей не представилось ничего, что могло бы возбудить ея подозрѣнія, то послѣ краткаго размышленія она снова стала подыматься по лѣстницѣ.

Когда она достигла верха, то у Маріи блеснула счастливая мысль, которая, казалось, обѣщала ей большія выгоды для осуществленія ея плана.

— Юнита! закричала она своей подругѣ:— пока ты на крышѣ, я пойду къ двери и буду прислушиваться.

Такимъ образомъ мы наверху и внизу будемъ насторожѣ.

Юнита не имѣла ничего возразить противъ этого предложенія, хотя и считала его бесполезнымъ, и такимъ образомъ Марія получила возможность, не возбуждая подозрѣнія, направиться къ двери, пока пріятельница ея всходила на крышу.

Юнита въ темнотѣ ничего не замѣтила съ своей высокой стоянки, между тѣмъ Маріи, казалось, слышался слабый и осторожный стукъ въ дверь. Опасаясь, что не все можетъ быть такъ, какъ она желала, и въ боязливой заботѣ извѣстить Чингахгока о своемъ присутствіи, она начала пѣть тихимъ, дрожащимъ голосомъ. При царствовавшей кругомъ глубокой тишинѣ, пѣніе ея проникло, однако, до крыши, и спустя минуту Юнита снова начала спускаться внизъ. Непосредственно затѣмъ послышался у дверей легкій стукъ, и Марія поняла, что уже нельзя терять времени. Полная надежды, но невѣрными отъ торопливости руками, начала она отодвигать запоръ; она слышала надъ своей головой шаги Юниты, и только еще одинъ запоръ былъ снятъ, какъ другой отодвинула она въ ту самую минуту, когда личность индіанки наполовину показалась на нижней лѣстницѣ.

— Что ты тамъ дѣлаешь? стремительно воскликнула Юнита. Ты хочешь бѣжать? Не годится. Блокгаузъ хорошъ, останься тутъ.

Обѣ схватились руками за послѣдній запоръ, который, вѣроятно, выскочилъ бы пзъ тисковъ, еслибъ

сильный толчокъ снаружи не сжалъ дерево. Тогда послѣдовала короткая борьба, хотя обѣ одинаково не склонны были къ употребленію силы. Вѣроятно, побѣда осталась бы на сторонѣ Юниты, еслибъ второй, еще сильнѣйшій ударъ снаружи не преодолѣлъ легкой преграды, которая еще удерживала заперъ, и не открылъ такимъ образомъ двери. Тогда обѣ дѣвушки увидѣли входящаго мужчину, и поспѣшно направились къ лѣстницѣ, какъ будто опасаясь за послѣдствія. Вошедшій заперъ дверь и, внимательно осмотрѣвшись, медленно поднялся по лѣстницѣ.

Какъ только стемнѣло, Юнита заперла бойницу верхняго этажа и зажгла огонь. При свѣтѣ его дѣвушки ожидали своего новаго гостя, слыша его осторожные и обдуманые шаги. Обѣ были сильно изумлены, когда неизвѣстный вошелъ въ опускающую дверь и глазамъ ихъ представилось лицо Слѣдопыта.

— Слава Богу! воскликнула Марія, которая при такой защитѣ считала блокгаузъ неприступнымъ. — Слѣдопытъ, что случилось съ моимъ отцомъ?

— До сихъ поръ сержантъ невредимъ и побѣдитель, хотя еще нельзя судить, чѣмъ все это дѣло кончится, возразилъ Слѣдопытъ. — Но это не жена ли Стрѣлы, которая прижалась тамъ въ углу?

— Да, эта она, отвѣчала Марія: — но вы не должны дѣлать ей никакихъ упрековъ, потому что ей одной обязана я какъ своею жизнью, такъ и безопасностью, въ которой нахожусь до сего времени. — Расскажите же мнѣ прежде, что случилось съ отцомъ и его людьми, и

какъ вы сюда попали; потомъ и я вамъ сообщу подробности о моихъ собственныхъ приключеніяхъ.

— Разсказать это недолго. Наша экспедиція шла удачно, ибо Чингахгокъ былъ на-сторожѣ и сообщилъ намъ все, чего мы могли желать. Мы отыскали въ западнѣ три лодки, прогнали оттуда французовъ, овладѣли судами и потопили ихъ въ каналѣ на самой глубинѣ. Мы приобрѣли много пороху, свинцу и индѣйскаго имущества, не потерявъ при этомъ ни одного человѣка, такъ что непріятель не особенно будетъ нами доволенъ. Однимъ словомъ, это была именно такая вылазка, какія любитъ маіоръ Лунди: мало вреда для насъ, и много для врага.

— При всемъ томъ, маіоръ едва ли доволенъ будетъ исходомъ экспедиціи, сказала Марія со вздохомъ.

— Да, я уже знаю, что вы хотите сказать, Марія. Но дайте мнѣ разсказать дальше. Какъ сержантъ съ честью окончилъ свою экспедицію, то послалъ меня и Чингахгока въ челнокахъ впередъ, чтобъ извѣстить васъ, что съ тяжело нагруженными лодками онъ ранѣе завтрашняго дня не прибудетъ. Я сегодня утромъ разстался съ Чингахгокомъ, условившись, что онъ объѣдетъ одни, а я другіе каналы, чтобы узнать, свободенъ ли путь. Съ тѣхъ поръ я его больше не видѣлъ.

Марія прервала этотъ разсказъ, чтобы сообщить ему, какъ она открыла Могикана, и что она ожидала его въ блокгаузѣ.

— Нѣтъ, вы напрасно ждете его, Марія, потому что

настоящій лазутчикъ не пойдётъ за стѣны строенія, пока можетъ найти полезное занятіе на свободномъ воздухѣ. Я бы тоже не пришелъ, дитя мое, еслибъ не далъ сержанту обѣщанія поддержать ваше мужество и оберегать ваше спокойствіе. Съ грустью въ сердцѣ изслѣдовалъ я сегодня утромъ островъ, и горько было мнѣ, когда я считалъ васъ между убитыми.

— Но какой счастливый случай воспрепятствовалъ вамъ смѣло приблизиться къ острову и далъ вамъ этимъ возможность избѣгнуть непріятельскихъ рукъ?

— Случай, Марія? ну да, пожалуй, такой случай, какой создаетъ Провидѣніе, чтобъ указать собакѣ, гдѣ она найдетъ оленя, или оленю, какъ онъ долженъ избѣгнуть собаки. — Нѣтъ, нѣтъ! Эти дьявольскія штуки съ трупами не способны обмануть человѣка, который провелъ всю жизнь свою въ лѣсахъ. Я подплылъ по каналу и увидѣлъ тамъ неудачнаго рыболова. Хотя индѣйцы довольно искусно посадили несчастнаго, но все это было сдѣлано не съ тѣмъ остроуміемъ, какое нужно, чтобы обмануть опытный глазъ. Онъ держалъ удочку слишкомъ высоко, и притомъ былъ слишкомъ спокоенъ для человѣка, у котораго рыба не хочетъ клевать. Кромѣ того, мы никогда не идемъ слѣпо на извѣстный постъ, и я однажды цѣлую ночь лежалъ въ виду форта потому собственно, что перемѣнены были мѣста часовыхъ. Да, ни Чингахгокъ, ни я не дадимъ перехитрить себя такими плоскими штуками, которыя скорѣе могли быть рассчитаны для шотландцевъ или ирландцевъ.

— Думаете ли вы, что отецъ и люди его еще могутъ быть обмануты? быстро спросила Марія.

— Нѣтъ, если я могу этому воспрепятствовать. При томъ же вы говорите, что Чингахгокъ на-сторожѣ, и надѣюсь, что намъ обоимъ удастся предупредить ихъ объ опасности; прежде чѣмъ будетъ поздно, — хотя мы навѣрно и не знаемъ, по какому каналу они придутъ.

— Слѣдопытъ, прошу васъ, не будемъ терять ни одной минуты. Не можемъ ли мы сѣсть въ вашъ челнокъ и поспѣшить отцу навстрѣчу?

— Нѣтъ, этого я не посоветую, потому что, какъ сказалъ уже, не знаю, по какому каналу онъ приплыветъ. Впрочемъ, вы можете положиться на то, что Делаваръ сумѣетъ проникнуть всюду. Мой совѣтъ остаться здѣсь. Стволы, изъ которыхъ построены блокгаузы, еще зелены, и потому трудно будетъ поджечь ихъ, а если намъ нечего опасаться огня, то эта крѣпость можетъ держаться противъ цѣлаго индѣйскаго племени. — Нѣтъ, никто не выгонитъ меня изъ этой позиціи, пока я буду имѣть возможность удерживать огонь. Сержантъ во всякомъ случаѣ находится теперь на одномъ изъ острововъ, и придетъ не ранѣе завтрашняго дня. Если мы удержимся въ блокгаузѣ, то можемъ по крайней мѣрѣ ружейными выстрѣлами предупредить его, и если затѣмъ, какъ и нельзя иначе ожидать отъ сержанта, дѣло дойдетъ до боя, то это строеніе имѣетъ неисчислимую важность. Нѣтъ, нѣтъ; я стою на томъ, чтобъ остаться здѣсь.

— Ну, такъ оставайтесь, если считаете это за лучшее. Но не надо ли намъ освободить Юниту?

— Я уже объ ней думалъ: неблагоразумно было бы закрыть глаза въ блокгаузѣ, пока ея открыты. Мы отведемъ ее въ верхній покой и отнимемъ лѣстницу, тогда она по крайней мѣрѣ въ нашихъ рукахъ.

— О, нѣтъ, Слѣдопытъ: она спасла мнѣ жизнь, и потому я не могу такъ жестоко поступить съ ней. Не лучше ли дать ей свободу? Она слишкомъ любитъ меня, чтобъ сдѣлать мнѣ вредъ.

— Милое дитя! вы не знаете индiянки. Юнита конечно не проказка, но она живетъ въ обществѣ этихъ бродягъ, и потому научилась чему нибудь изъ ихъ хитростей. Но тише: что это такое?

— Это звукъ ударовъ весель. Лодка вѣрно плыветъ по каналу.

Слѣдопытъ поспѣшно заперъ опускающую дверь, которая вела въ нижній этажъ, задулъ огонь и приблизился къ бойницѣ.

Прошло нѣсколько минутъ, пока глазъ его могъ проникнуть въ темноту. Наконецъ, онъ замѣтилъ приближенiе двухъ лодокъ, находившихся не болѣе пятидесяти локтей отъ берега. Темнота ночи препятствовала ближайшему разсмотрѣнiю предметовъ, и Слѣдопытъ процѣпталъ дрожавшей отъ ожиданiя Марин, что лодки могутъ заключать въ себѣ какъ враговъ, такъ и друзей. Но теперь было видно, какъ нѣсколько чело-вѣкъ выходятъ изъ одной лодки, и затѣмъ послѣдовали три радостныя по-англійски восклицанiя, устра-

нившія всякое дальнѣйшее сомнѣніе. — Слѣдопытъ тотчасъ снова поднялъ опускающую дверь, прыгнулъ по лѣстницѣ внизъ, и сталъ отодвигать запоры наружной двери съ такою поспѣшностью, которая сильно обнаруживала, какъ велика должна была быть для его друзей опасность. Марія послѣдовала за нимъ и старалась помочь ему, но болѣе мѣшала ему, чѣмъ помогала. — Едва только отодвинуть былъ первый запоръ, какъ раздался залпъ многихъ ружей, и вслѣдъ затѣмъ весь островъ наполнился боевыми криками индѣйцевъ.

Теперь дверь была отперта, и Слѣдопытъ съ Марією кинулись впередъ. Все снова стихло. Но когда Слѣдопытъ нѣсколько секундъ прислушался, то ему показалось, что онъ слышитъ полусдержанные стоны вблизи лодокъ; но вѣтеръ былъ такъ свѣжъ и шелестъ листьевъ дотого смѣшивался съ воемъ бури, что нельзя было удостовѣриться въ дѣйствительности этихъ звуковъ. Марія уже неспособна была перенести страшнаго напряженія; она прошла мимо своего товарища и побѣжала къ лодкамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Марія, этого нельзя! тихо, но серьезно сказалъ Слѣдопытъ, схвативъ ее за руку и остановивъ. — Этого нельзя ни въ какомъ случаѣ, не то послѣдствіемъ будетъ вѣрная и совершенно бесполезная смерть. Мы должны вернуться въ блокгаузъ.

— Но что же станетъ съ бѣднымъ отцомъ моимъ, съ дорогимъ, умерщвленнымъ отцомъ? Пойдемте къ нему, если питаете ко мнѣ хотя каплю любви.

— Нельзя, Марія! Впрочемъ, странно, что никто не говоритъ и не отвѣчаетъ съ лодокъ на выстрѣлы. Я и самъ оставилъ звѣробоя въ блокгаузѣ, такъ какъ не показывается ни одинъ непріятель.

Въ эту минуту зоркій глазъ Слѣдопыта, постоянно кидавшій взгляды во все стороны и старавшійся проникнуть темноту, замѣтилъ четыре или пять темныхъ личностей, которыя, согнувшись, старались прокрасться мимо его, чтобъ отрѣзать ему отступленіе въ блокгаузъ. Тотчасъ взялъ онъ Марію на руки, какъ дитя, и съ усиленнымъ напряженіемъ удалось ему вернуться въ строеніе, между тѣмъ какъ преслѣдователи его плотно шли по его пятамъ. Едва спустилъ онъ Марію, какъ обернулся, заперъ входъ, и только-что успѣлъ задвинуть одинъ запоръ, какъ дверь затряслась отъ страшнаго въ нее удара и грозила разрушеніемъ. Но опасность уже миновала, такъ какъ задвинуть другіе запоры было дѣломъ лишь одной минуты.

Марія взошла на верхній этажъ, между тѣмъ какъ Слѣдопытъ остался караулить внизу. По желанію своего товарища, бѣдная, напуганная дѣвушка зажгла свѣчу, и затѣмъ вернулась внизъ, гдѣ Слѣдопытъ ожидалъ ее, и тотчасъ изслѣдовалъ все пространство и верхніе этажи, чтобы удостовѣриться, что никто не спрятался въ укрѣпленіи. Результатъ этого розыска показалъ ему, что онъ въ блокгаузѣ одинъ съ Марією, такъ какъ Юнита скрылась. Удовольствившись въ этомъ, онъ вернулся въ главный покой,

поставилъ свѣчу на столъ, осмотрѣлъ курокъ своего длиннаго ружья и наконецъ присѣлъ.

— Ну, такъ значитъ для насъ наступили тяжелыя времена, вачала Марія дрожащимъ голосомъ. — Отецъ мой и его команда либо убиты, либо захвачены въ плѣнъ.

— Мы это завтра увидимъ, Марія; пока же я думаю, что дѣло не совсѣмъ чисто: я не слыхалъ еще побѣдныхъ криковъ этихъ дьяволовъ. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ съ увѣренностью положиться на то, что насъ пригласятъ къ сдачѣ, если непріятель дѣйствительно остался побѣдителемъ. Юнита не замедлитъ извѣстить своихъ о нашемъ положеніи, и тогда они, вѣроятно, попытаются выкурить насъ, пока еще ночь, и они могутъ совершить это подъ защитою темноты.

— Тихе, Слѣдопытъ: мнѣ какъ будто слышатся стоны.

Онъ прислушался, и тотчасъ удостовѣрился, что напряженный слухъ Маріи не обманулъ ее. Но все-таки онъ попросилъ ее умѣрить свои чувства, напомнивъ, что дикіе имѣютъ обыкновеніе прибѣгать къ разнымъ уловкамъ, чтобъ достигнуть своей цѣли, и что поэтому весьма вѣроятно, что этими стонами хотятъ лишь вызвать ихъ изъ блокауза или побудить къ тому, чтобъ отперли дверь.

— Нѣтъ, нѣтъ! горестно воскликнула Марія. Въ этихъ звукахъ нѣтъ обмана. Они происходятъ изъ страждущаго тѣла и страшно натуральны.

— Ну, хорошо, для успокоенія вашего, дитя мое,

я посмотрю, другъ ли тамъ или нѣтъ. Спрячьте свѣчу, Марія; я переговорю съ неизвѣстнымъ чрезъ бойницу.

Марія повиновалась, и Слѣдопытъ тихо спросилъ: кто тамъ внизу?

— Слѣдопытъ! отвѣчалъ голосъ, тотчасъ узанный за принадлежащій сержанту, — это вашъ старый другъ. Скажите мнѣ только, ради Бога, что стало съ моей дочерью?

— Я здѣсь, отецъ, тотчасъ вскрикнула Марія. Здѣсь, невредимая и въ безопасности. Если бы Богъ далъ, чтобъ и вы могли сказать то же самое.

Послѣдовало радостное восклицаніе сержанта, которое, однако, явно смѣшано было съ болѣзненнымъ стономъ.

— Слѣдопытъ! сказала Марія, съ притворнымъ спокойствіемъ: — надо во что бы то ни стало впустить отца въ блокаузь.

— Да, дитя мое, необходимо: этого требуютъ наши природныя чувства и божескій законъ. Но соберитесь съ силами, и когда почувствуете себя довольно сильною, тогда пойдемъ.

— Я чувствую себя сильною! никогда я не была такъ спокойна и рѣшительна, какъ теперь.

Тогда Слѣдопытъ немедленно сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ и отодвинулъ запоры. Когда же онъ осторожно сталъ отворять дверь, то почувствовалъ, что на нее напираютъ снаружи, что почти побудило его снова запретить ее. — Посмотрѣвъ въ щелку, онъ, однако, совсѣмъ открылъ дверь, и тѣло сержанта, прислоненное къ ней,

упало во внутрь блокауза. Слѣдопытъ протянулъ его совѣмъ за дверь, потомъ поспѣшно задвинулъ запоры и затѣмъ обратилъ все свои заботы на раненаго.

Марія принесла свѣчу, омочила водой сухія губы отца своего и поспѣшно приготовила покойное ложе изъ соломы, сдѣлавъ изъ своихъ платьевъ подушку для головы больнаго. Все это происходило при глубочайшемъ молчаніи, и даже Марія не пролила ни одной слезы, пока не услышалъ слова благословенія, которыми сержантъ награждалъ ея нѣжность и заботливость. Между тѣмъ Слѣдопытъ изслѣдовалъ рану своего друга и нашелъ, что онъ раненъ навывлетъ. При этомъ съ глубокимъ огорченіемъ замѣтилъ онъ, что можно было имѣть лишь слабую надежду на возстановленіе дорогаго раненаго.

— Благодареніе Богу, дитя мое, что хоть ты избѣгла убійственнаго оружія дикихъ, сказалъ между тѣмъ сержантъ утомленнымъ голосомъ, обращая полный любви взоръ на дочь свою. — Разскажіте мнѣ, Слѣдопытъ, все обстоятельства этой печальной исторіи.

— Ахъ, сержантъ! она довольно печальна. Намъ измѣнили и сообщили непріятелю о положеніи нашей станціи. Это такъ же вѣрно, какъ то, что мы находимся въ блокаузѣ.

— Значитъ, маіоръ былъ правъ! простоналъ Дунгамъ.

— Не такъ, какъ вы думаете, сержантъ! Нѣтъ; по всей границѣ нѣтъ сердца преданіе Гаспара! Послу-

шайте дальше. Вы знаете, что я и Чингахгокъ оставили, васъ и мнѣ не нужно напоминать вамъ объ этомъ. Миль на десять далѣе, внизъ по рѣкѣ, мы съ нимъ разстались, считая благоразумнымъ не приближаться безъ должной осторожности даже къ дружественному жилищу. Что стало съ Чингахгокомъ — мнѣ неизвѣстно, хотя Марія и утверждаетъ, что онъ отъ насъ недалеко. Во всякомъ случаѣ, храбрый Делаваръ исполнитъ свой долгъ, и вы можете быть увѣрены, что мы получимъ о немъ извѣстіе такого рода, какое будетъ соответствовать его благоразумію. Я, съ своей стороны, когда приблизился къ острову, то почувалъ сперва дымъ, и это побудило меня держаться на-сторожѣ. Вскорѣ послѣ того я замѣтилъ искусственнаго рыболова, о которомъ рассказалъ уже Маріи, и тогда всѣ адскія ухищренія индѣйцевъ стали для меня такъ ясны, какъ будто я имѣлъ ихъ предъ собой на бумагѣ. Первая мысль моя была о Маріи, и какъ только я узналъ, что она здѣсь въ блокаузѣ, то и явился сюда, чтобъ вмѣстѣ съ ней жить или умереть.

Еще Слѣдопытъ говорилъ, когда Марія услышала легкій стукъ въ дверь. Она подумала, что снаружи стоитъ Чингахгокъ, и встала, для того, чтобъ убѣдиться въ дѣйствительности этого. Отодвинувъ два запора, она спросила: кто тамъ, и по отвѣту тотчасъ узнала голосъ своего дяди. Немедленно отняла она и третій запоръ, и Капъ поспѣшно вошелъ, послѣ чего дверь тотчасъ снова была заперта.

Когда Капъ узналъ о несчастномъ положеніи своего зятя, то твердый морякъ тронуть былъ почти до слезъ. Свое собственное появленіе объяснилъ онъ тѣмъ, что за нимъ былъ весьма слабый надзоръ, считая его и квартирмейстера спящими. Муиксъ спалъ на самомъ дѣлѣ, а онъ, во время замѣшательства при атакѣ, спрятался въ кусты, гдѣ нашелъ челнокъ Слѣдопыта, и съ помощью его, не замѣченный, удачно достигъ блокгауза. Первоначально у него было намѣреніе увезти въ челнокѣ свою племянницу; но когда ему сдѣлалось извѣстно положеніе сержанта, то, конечно, пришлось оставить этотъ планъ.

— Если дѣло пойдетъ хуже, Слѣдопытъ, обратился онъ къ нему, — то намъ придется спустить флагъ и сдаться безусловно. Но мы обязаны передъ нашимъ отрядомъ — держаться столь долго, сколько возможно.

— Это само собою разумѣется, возразилъ храбрый охотникъ; но что же было съ вами до настоящаго времени?

— Когда дикіе напали на насъ и разстрѣляли капрала Мнаба и солдатъ его какъ зайцевъ, то мы съ квартирмейстеромъ побѣжали къ пещерамъ, которыхъ, кажется, множество на томъ островѣ. Тамъ мы оставались спрятанными, подобно осужденнымъ въ нижнемъ декѣ корабля, до тѣхъ поръ, пока не выгналъ насъ голодъ. Впрочемъ, дикіе обходились съ нами лучше, чѣмъ я могъ ожидать, хотя вообще это самая безжалостная толпа негодяевъ, какая только блуждаетъ по свѣту Божію. Тебѣ, кажется, хуже приключилось, чѣмъ мнѣ, Дунгамъ.

Оба родственника взаимно сообщили другъ другу свои впечатлѣнія, пока Марія и Слѣдопытъ взошли на верхъ, чтобъ произвести рекогносцировку. Но послѣдній скоро снова показался у опускной двери и подалъ Капу знакъ подняться на лѣстницу и уступить Маріи мѣсто свое около сержанта.

— Мы должны быть благоразумны и въ то же время смѣлы, прошепталъ онъ. — Негодяи серьезно имѣютъ намѣреніе поджечь блокгаузъ, такъ какъ знаютъ, что теперь не выиграютъ ничего, если оставятъ его въ цѣлости. Бродяга Стрѣла находится между ними и совѣтуетъ имъ исполнить это нынѣ же ночью. Поэтому мы должны быть наготовѣ. Къ счастью, въ блокгаузѣ есть пять полныхъ бочекъ воды, и это уже много при осадѣ. Пойдемте, пріятель.

Капъ не ожидалъ вторичнаго приглашенія и тихо пробрался въ верхній этажъ, между тѣмъ какъ Марія сѣла около своего раненаго отца. Слѣдопытъ, спрятавъ свѣчу, открылъ одну изъ бойницъ, и сталъ около нея, чтобы тотчасъ отвѣчать, если, какъ онъ предполагалъ, сдѣлано будетъ имъ приглашеніе сдаться. Послѣдовавшая затѣмъ тишина, дѣйствительно, вскорѣ прервана была голосомъ квартирмейстера.

— Слѣдопытъ, другъ вашъ приглашаетъ васъ на совѣщаніе, закричалъ Муиксъ: — подойдите къ одной изъ бойницъ безъ всякаго опасенія.

— Что вамъ отъ меня нужно, господинъ квартирмейстеръ? спросилъ Слѣдопытъ; — у васъ вѣрно неотложное порученіе, когда вы рискуете подходить ночью

подъ бойницы блокгауза, гдѣ, какъ знаете, находится извѣстное ружье звѣробой.

— О, вы другу своему не сдѣлаете никакого вреда, и въ этомъ я спокоенъ. Знайте, что я пришелъ только для того, чтобъ посовѣтовать вамъ сдать блокгаузъ подъ тѣмъ лишь условіемъ, что съ вами обойдутся какъ съ военно-плѣнными.

— Благодарю васъ за совѣтъ, но я нимало не думаю послѣдовать ему, такъ какъ не входитъ въ мое обыкновеніе — сдать такой постъ, пока еще не истощился запасъ провіанта и воды.

— Я, конечно, ничего не сказалъ бы противъ этого мужественнаго намѣренія, еслибъ видѣлъ возможность его осуществленія. Но вы, вѣроятно, знаете, что мистеръ Капъ убитъ?

— Боже избави! прозвучалъ чрезъ другую бойницу голосъ храбраго моряка. Я пока чувствую себя совершенно здоровымъ и не думаю оставить блокгаузъ, пока владѣю моими пятью чувствами.

— Если это голосъ живаго человѣка, то я очень радъ слышать его, отвѣчалъ Муиксъ: — мы всѣ думали, что вы пали при послѣднемъ страшномъ замѣшательствѣ. Но, Слѣдошгъ, хотя васъ облегчаетъ присутствіе вашего друга Капа, что доставляетъ, конечно, не мало удовольствія, какъ я знаю по собственному опыту, но все-таки нѣтъ болѣе сержанта Дунгама, который, со всѣми своими храбрецами, погибъ въ послѣднемъ дѣлѣ.

— Нѣтъ, вы опять ошибаетесь, Муиксъ, возразилъ Слѣдопытъ:— сержантъ также находится въ блокаузѣ.

— Хорошо, радуюсь, что слышу это; мы достоверно считали его въ числѣ погибшихъ. При всемъ томъ, если Марія еще въ блокаузѣ, то ради Бога не оставляйте ее тамъ долѣе, потому что врагъ имѣетъ намѣреніе подвергнуть строеніе испытанію огнемъ. Вы знаете силу этой страшной стихіи, и потому лучше сдѣлаете, если сдадите постъ, чѣмъ привлекать на себя и всѣхъ товарищей вашихъ несомнѣнную гибель.

— Квартирмейстеръ! я знаю силу огня, и мнѣ хорошо извѣстно, что онъ употребляется не только для того, чтобъ варить и жарить. Съ другой стороны, я не сомнѣваюсь, что вы уже слышали о силѣ ружья-звѣробоя, и могу увѣрить васъ, что человекъ, который осмѣлится подложить кучу хвороста къ этимъ бревнамъ, непременно отвѣдаетъ этого оружія. Горящія стрѣлы никогда не зажгутъ строенія, такъ какъ у насъ на крышѣ нѣтъ драницъ, а только смоленые чурбаны, зеленая кора и воды сколько угодно. При томъ же, крыша такъ плоска, что по ней можно ходить, и потому съ этой стороны нѣтъ опасности, пока достаточно будетъ воды. Я дружески настроенъ, пока меня оставляютъ въ покоѣ; но тотъ, кто попытается въ глазахъ моихъ зажечь этотъ блокаузъ, тому да будетъ извѣстно, что пламя остынетъ въ крови его.

— Слѣдопытъ! это безумныя и бесполезныя рѣчи, которыя вы сами осудите, если поразмыслите о вашемъ

дѣйствительномъ положеніи. Было бы безумною смѣлостью, если бы вы стали помышлять о защитѣ.

— Квартирмейстеръ, я высказалъ вамъ мой взглядъ, и всякій дальнѣйшій разговоръ бесполезенъ. Пусть негодяи Мингосы начинаютъ свою адскую работу. Ни слова болѣе. Пусть каждая сторона употребляетъ, какъ можетъ, свои средства и способности.

Во время всего этого разговора Слѣдопытъ держалъ свой корпусъ скрытымъ, чтобъ не могъ попасть въ него черезъ бойницу какой-нибудь предательскій выстрѣлъ, а теперь велѣлъ Капу взойти на крышу, чтобы быть готовымъ для встрѣчи перваго нападенія. Капъ тотчасъ повиновался, и, достигнувъ крыши, увидѣлъ отъ десяти до двѣнадцати горѣвшихъ стрѣлъ, вонзившихся въ кору, между тѣмъ какъ воздухъ наполнился звуками воинскихъ криковъ непріятелей. Затѣмъ послѣдовалъ бѣглый ружейный огонь, и пули такимъ градомъ посыпались на бревна, что не оставалось уже сомнѣнія въ дѣйствительномъ началіи боя.

Но Слѣдопытъ и Капъ слишкомъ привычны были къ такимъ звукамъ, чтобы могли испугаться ихъ, а Марія слишкомъ занята была своимъ горемъ, чтобы почувствовать безпокойство. Но въ сержантъ боевой шумъ возбудилъ новыя силы; его матовые глаза снова заблестѣли огнемъ, и кровь вернулась въ поблѣднѣвшія щеки. Его мысли однако бродили въ разныя стороны, и Марія впервые замѣтила, что отецъ ея начинаетъ путаться въ словахъ.

— Легкая рота впередъ! закричалъ онъ. — Грена-

деры, пали! Очень смѣлы, чтобъ напасть на нашъ фортъ! Зачѣмъ не стрѣляетъ артиллерія?

Въ эту самую минуту раздался густой, громоподобный выстрѣлъ тяжелаго орудія, и послышался трескъ отъ расщепленія дерева, когда большое ядро попало въ бревно верхняго этажа. Весь блокгаузъ задрожалъ отъ удара бомбы, проникшей во внутрь строевнїа. Слѣдопытъ едва избѣгнулъ этого страшнаго выстрѣла, а Марія вскрикнула отъ страха, когда бомба разорвалась, думая, что ею раздроблено надъ ея головою все живое и неодушевленное. Къ увеличенію ужаса ея, въ это самое время раненый отецъ ея безумно вскричалъ: на приступъ!

— Марія! закричалъ между тѣмъ Слѣдопытъ сверху чрезъ опускающую дверь: — не бойтесь: вся эта исторія только штуки Мингосовъ; какъ говорится, много шума изъ пустяковъ. Негодяи выстрѣлили изъ отнятой нами у французовъ гаубицы, и этимъ кончается вся шутка, такъ какъ у нихъ болѣе нѣтъ бомбъ. Выстрѣлъ этотъ произвелъ много замѣшательства, но никто не раненъ. Капъ бодро стоитъ на крышѣ, и я нимало не напуганъ.

Марія отъ души поблагодарила своего великодушнаго утѣшителя и снова обратила все свое вниманіе на отца, который все хотѣлъ вскочить, хотя слабость и не допускала его до этого. Она такъ занята была больнымъ, что едва слышала раздававшіеся кругомъ крики дикихъ, хотя это волненіе могло бы потрясти нервы болѣе сильныя, чѣмъ ея.

Между тѣмъ Капъ выказывалъ достойное удивленія благородствіе. На крышѣ строенія онъ былъ какъ на палубѣ корабля, и такъ какъ онъ зналъ, что тутъ нечего опасаться абордажа, то распорядился съ такимъ безстрашіемъ, которое близко было къ слѣпой смѣлости и навѣрно было бы осуждено Слѣдопытомъ, еслибъ этотъ увидѣлъ его дѣйствія. Въместо того, чтобъ заботливо прикрывать свой корпусъ, какъ это необходимо при пидѣйскихъ войнахъ, Капъ показывался беззаботно на всѣхъ пунктахъ крыши, и съ особенной настойчивостію и равнодушіемъ поливалъ водой направо и налево горѣвшія стрѣлы. Его появленіе было главною причиною криковъ непріятелей, такъ мало привыкшихъ видѣть своихъ противниковъ столь смѣлыми и беззаботными. Со всѣхъ сторонъ засвистали около него пули, но ни одна не попала въ него, хотя одежда его была неоднократно прострѣлена. Когда бомба ударила сквозь балки подъ крышей, морякъ уронилъ свое ведро, замахалъ шляпой, и когда бомба съ трескомъ лопнула, издавъ троекратно громкій крикъ радости. Такое необыкновенное дѣйствіе, вѣроятно, спасло жизнь его, потому что съ этого времени пидѣйцы перестали стрѣлять въ блокгаузъ калеными стрѣлами и цѣлить въ Капа, такъ какъ они одновременно и единодушно приобрѣли увѣренность, что онъ помѣшался. Какъ мы уже знаемъ, пидѣйцы никогда не подымали руки на того, котораго умственные способности считали ослабшими или спутанными.

Образъ дѣйствій Слѣдопыта былъ совершенно от-

личевъ отъ стараго моряка, и всё поступки его происходили на основаніи долголѣтней опытности и глубоко укоренившагося благоразумія. Онъ все-таки заботливо держался внѣ линіи бойницъ, п мѣсто, избранное имъ для своихъ наблюденій, было внѣ всякой опасности. Это происходило не отъ страха или заботы о собственной безопасности, но единственно изъ участія къ судьбѣ Маріи, которая погибла бы безвозвратно, еслибъ ему самому приключилось какое либо несчастіе.

Въ первыя минуты атаки, Слѣдопытъ думалъ только о томъ, чтобы доставить цѣль своему звѣробою; но когда шелестъ кустарниковъ у двери блокгауза обнаружилъ ему, что хотять повторить попытку подложить огонь, то онъ немедленно занялся приготовленіями, чтобы уничтожить опасность въ самомъ зародышѣ ея. Онъ позвалъ Капа съ крыши, гдѣ уже нечего было болѣе опасаться, и пригласилъ его быть съ водой наготовѣ у отверстія, лежавшаго непосредственно надъ угрожаемымъ пунктомъ.

Менѣе опытный человѣкъ легко поступилъ бы въ такой опасный моментъ съ слишкомъ большою поспѣшностью и торопливостію. Не такъ дѣлалъ другъ вашъ. Онъ не только заботился потушить огонь, который самъ по себѣ внушалъ ему мало заботы, но болѣе думалъ о томъ, чтобы дать непріятелю урокъ, который сдѣлалъ бы его болѣе осторожнымъ на остальную часть ночи. Потому онъ рѣшился терпѣливо ожидать, когда свѣтъ разгоравшагося пламени покажетъ

ему цѣль, зная очень хорошо, что небольшой образчикъ его ловкости удержитъ враговъ въ должномъ почтеніи. Поэтому онъ не мѣшалъ Ирокезамъ въ ихъ приготовленіяхъ, и предоставилъ имъ безпрепятственно собирать сухіе кусты, скучивать ихъ у стѣнъ строенія, поджигать ихъ и снова удалиться въ свои уѣжища. Капъ только долженъ былъ держать въ готовности полное ведро воды, чтобы въ данную минуту имѣть возможность вылить ее на огонь. Но эта минута, по мнѣнію Слѣдопыта, должна была наступить не прежде, чѣмъ пламя освѣтитъ сосѣдній кустарникъ и дастъ его быстрому и опытному глазу время увидать личности нѣсколькихъ дикихъ, ожидавшихъ съ холодною и безчувственною жестокостію послѣдствій пожара. Теперь только заговорилъ онъ.

— Другъ Капъ, вы готовы? спросилъ онъ. Смотрите, держите ведро въ прямой линіи надъ огнемъ, чтобы вода не пропала попусту.

— Все готово, возразилъ Капъ обдуманнѣмъ и спокойнѣмъ тономъ.

— Ну, ладно, такъ подождите, пока я подамъ вамъ сигналъ. Въ опасную минуту не слѣдуетъ быть слишкомъ торопливымъ, какъ не должно быть безумно смѣлымъ во время боя. Подождите, пока я скажу вамъ.

Давъ такое наставленіе, Слѣдопытъ занялся собственными приготовленіями, видя, что насталъ моментъ дѣйствовать. Осторожно поднялъ онъ ружье

свое, осмотрѣлъ зарядъ и курокъ, приложился и выстрѣлилъ. Потомъ онъ выглянулъ изъ бойницы.

— Хорошо! однимъ мерзавцемъ меньше, проворчалъ онъ себѣ подъ носъ. Я этого каналью видалъ уже прежде, и знаю его за самаго безжалостнаго дьявола. Ну, еще бы одного, и тогда мы будемъ спокойны на всю ночь.

Хладнокровно зарядилъ онъ снова свое ружье и не успѣлъ еще кончить своихъ словъ, какъ палъ и другой Ирокезъ. Этого было достаточно, чтобъ обратить въ бѣгство всю толпу, такъ какъ никому не было охоты выждать третье привѣтствіе такой мѣткой руки. Всѣ выскочили изъ своего убѣжища и разсѣялись въ разныя стороны, чтобъ избѣгнуть опасности.

— Теперь поливайте, Капъ, сказалъ Слѣдопытъ своему другу. Негодяи получили отъ меня подарокъ на память, и въ эту ночь не зажгутъ болѣе огня.

— Берегись! закричалъ Капъ по морскому обычаю, и вылилъ свое ведро съ такою внимательностью, что огонь внезапно и совершенно былъ потушенъ.

Этимъ кончился бой, и тишина ночи болѣе не прерывалась. Слѣдопытъ и Капъ пошли поочередно на отдыхъ, и каждый спалъ нѣкоторое время, пока другой караулилъ.

Когда снова стала заниматься заря, оба взшли на крышу, чтобы удостовѣриться въ положеніи дѣлъ на островѣ. Вѣтеръ еще дулъ довольно крѣпко съ юга и гналъ передъ собою пѣнившіяся и шумящія волны озера и каналовъ. Не было видно и слѣда дикихъ, и

неопытный подумалъ бы, что они совершенно покинули маленькій островъ. Вдругъ Капъ, устремившій глаза свои на каналы, закричалъ громкимъ голосомъ моряка:

— Парусъ! ого!

— Гдѣ? торопливо спросилъ Слѣдопытъ, слѣдуя по направленію глаза своего товарища.

— Тамъ! возразилъ Капъ, и охотникъ увидѣлъ блестящіе сквозь кусты бѣлые паруса корабля, который быстро плылъ по одному изъ каналовъ.

— Это не можетъ быть Гаспаръ, — сказалъ пораженный Слѣдопытъ: это французскій корабль, посланный на помощь друзьямъ своимъ, Мингосамъ, — и мы погибли.

— На этотъ разъ вы сильно ошиблись, весело возразилъ Капъ. У меня глазъ моряка, и я могу сказать вамъ, что этотъ корабль „Туча“. Я узнаю его по большому, необыкновенной формы парусу, и потому, что у гафеля его положена скорлупа.

— Я долженъ сознаться, что ничего этого не вижу. отвѣчалъ Слѣдопытъ, не понимая выраженій своего пріятеля.

— Не видишь, старый другъ! Ну, это меня удивляетъ, такъ какъ я думалъ, что глаза ваши могутъ все видѣть. Я же съ своей стороны вижу это очень ясно, и долженъ сказать, что я на вашемъ мѣстѣ не оставилъ бы этого безъ вниманія.

— Ну, если это дѣйствительно Гаспаръ, то я мнѣ боюсь, сказалъ Слѣдопытъ обрадовавшись. Те-

перь мы можем защищать блокгаузъ противъ дѣлаго племени Мингосовъ. Смотрите, вонъ куттеръ въ самомъ дѣлѣ выходитъ изъ-за острововъ, и черезъ нѣсколько минутъ все дѣло должно разъясниться.

Съ необыкновенною быстротою корабль плывъ по направленію къ острову и упорно продолжалъ путь свой, хотя на палубѣ не видно было ни души. Куттеръ, казалось, управлялся самъ собою, и съ боязливымъ удивленіемъ смотрѣлъ Капъ на столь рѣдкое зрѣлище. Только когда судно приблизилось, то онъ замѣтилъ, что рулемъ управлялъ искусно спрятанный матросъ, и что весь отрядъ помѣщался за щитами, устроенными вдоль борта, для защиты отъ неприятельскихъ пуль. Это обстоятельство дало однако понять, что на кораблѣ могло находиться лишь немного людей, и Слѣдопытъ покачалъ головой при такомъ сообщеніи своего товарища.

— Чингахгокъ вѣрно еще не достигъ форта, сказалъ онъ, и потому мы не можемъ ожидать помощи отъ маіора. Но, тѣмъ не менѣе, мы сразимся храбро и выдержимъ изъ-за Маріи мужественную борьбу.

— Да, это мы должны сдѣлать и сдѣлаемъ, подтвердилъ Капъ. Я смотрю на прибытіе «Тучи» какъ на важное обстоятельство, и начинаю питать надежду, что Гаспаръ дѣйствительно честный малый. Во всякомъ случаѣ, онъ, какъ видите, поступаетъ весьма разумно, потому что держится въ хорошей дистанціи отъ берега и, кажется, прежде нежели пристанетъ,

хочетъ произвести всему острову подробную рекогносцировку.

— Понимаю, понимаю! вдругъ воскликнулъ Слѣдопытъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Вонъ челнокъ Чингахгока лежитъ на палубѣ. Безъ сомнѣнія, и онъ самъ на куттерѣ и далъ вѣрныя свѣдѣнія о нашемъ положеніи. Увидя, что мы заперлись въ блокаузѣ, смѣлый малый поплылъ къ гарнизону, вѣроятно встрѣтилъ на дорогѣ «Тучу», и привелъ ее сюда, чтобъ посмотреть, чѣмъ можно помочь. Дай только Богъ, чтобы Гаспаръ былъ на кораблѣ, тогда нашей бѣдѣ предстоитъ скорый конецъ.

Капъ ничего не отвѣчалъ, такъ какъ все вниманіе его приковано было къ подплывавшему все ближе и ближе куттеру. Дикіе оставались совершенно спокойны и нигдѣ не замѣтно было ни одного изъ нихъ. Что они еще находились на островѣ, — доказывали ихъ челноки, лежавшіе въ маленькой гавани вмѣстѣ съ солдатскими лодками.

Проказы, впрочемъ, были сильнѣйшимъ образомъ озадачены внезапнымъ и совершенно неожиданнымъ возвращеніемъ «Тучи»; но дотога сильна и инстинктивна была ихъ обыкновенная осторожность, что по первому же знаку каждый старался спрятаться, какъ лиса въ своей норѣ. Спрятавшись, они наблюдали за приближеніемъ куттера, и ими овладѣлъ сильный ужасъ, такъ какъ они были свидѣтелями движеній его, невидимо управляемыхъ какъ бы нечеловѣческой рукой. Они начали опасаться за исходъ своего пред-

пріятія, и даже Стрѣла видѣлъ дурное предзнаменованіе въ появленіи этого безлюднаго судна и охотно желалъ бы находиться въ эту минуту на материкѣ.

Между тѣмъ куттеръ все подвигался впередъ; когда онъ находился совершенно напротивъ блокгауза, то Гаспаръ, давно уже замѣтившій своихъ друзей, подскочилъ на палубѣ кверху и издалъ троекратный дружескій крикъ, которому тотчасъ отвѣчалъ мощный голосъ Капа. Когда Слѣдопытъ увидѣлъ своего молодого друга, то дружески кивнулъ ему и закричалъ:

— Помоги намъ, пріятель, и день будетъ нашъ. Возьми немного на цѣль эти кусты. Негодяи сидятъ въ нихъ, какъ цѣлый полкъ тетеревовъ.

«Туча» находилась теперь отъ берега въ такомъ разстояніи, что оба наблюдателя изъ блокгауза опасались одну минуту, что Гаспаръ хочетъ причалить, а дикіе изъ своего убѣжища смотрѣли на куттеръ съ видомъ тигра, который видитъ жертву, приближающуюся беззащитною къ его логовищу. Между тѣмъ Гаспаръ приблизился лишь на столько, что, плывя чрезъ маленькую гавань, онъ могъ отдѣлится отъ каналовъ двѣ солдатскія лодки, втокнулъ ихъ въ каналъ и увлекъ за собою. Такъ какъ всѣ остальные челноки прикрѣплены были къ этимъ лодкамъ, то дикіе сразу лишены были всѣхъ средствъ оставить островъ иначе какъ вплавь, и они, казалось, тотчасъ поняли важность этого обстоятельства. Всѣ вдругъ выскочили, подняли ужасные крики и разразились безвредными ружейными выстрѣлами. Во время такого необдуманнаго при-

ступя раздались два выстрѣла ихъ противниковъ. Одна изъ пуль прилетѣла съ вершины блокгауза, и одинъ изъ Ирокезовъ, прострѣленный въ голову, упалъ мертвый на спину; другая же пущена была съ «Тучи» и шла изъ ружья Делавара; она не убила врага, но сдѣлала его неспособнымъ къ бою на всю остальную жизнь. Экипажъ «Тучи» издалъ радостныя восклицанія; двѣ же снова исчезли, какъ будто земля вдругъ поглотила ихъ.

Все это время «Туча» не оставалась спокойною. Гаспаръ отвелъ лодки индѣйцевъ къ другому концу острова, потомъ пустилъ ихъ на волю, пока онѣ находились внѣ возможности попасться въ руки непріятелей, иплыли на полмили далѣе къ берегу, наконецъ обернулся и остановился лишь тогда, когда подплылъ напротивъ того мѣста, гдѣ спрятаны были Мингосы. Тутъ демаскирована была гаубица, которою вооруженъ былъ куттеръ, и вслѣдъ затѣмъ градъ картечи полетѣлъ въ кусты. Не скорѣе могъ подняться полетъ перепеловъ, какъ выгналъ Ирокезовъ этотъ неожиданный свинцовый градъ. Тогда снова одинъ изъ дикихъ палъ отъ пули звѣробоя, а другой выбылъ изъ строя вслѣдствіе посѣщенія пули изъ ружья Чивгахгока. Остальные же немедленно нашли новыя убѣжища, и обѣ стороны, казалось, приготавлилась къ возобновленію борьбы. Но появленіе Юниты, которая несла бѣлый флагъ и сопровождается была французскимъ офицеромъ и Муиксомъ, остановившее бой, было началомъ дальнѣйшихъ пе-

реговоровъ, которые велсь такъ близко отъ блокгауза, что приблизившіеся находились совершенно подъ выстрѣлами недающаго промаха звѣробоя.

— Слѣдопытъ, вы побѣдили, и капитанъ Сангле самъ приближается, чтобъ сдѣлать мирныя предложенія, сказалъ квартирмейстеръ. Вы не воспрепятствуете храброму врагу отступить съ честію, особенно если я скажу вамъ, что я уполномоченъ непріателемъ предложить очищеніе острова, обмѣнъ плѣнныхъ и возвращеніе скальповъ.

— Что вы объ этомъ скажете, Гаспаръ? закричалъ Слѣдопытъ. Пустить ли намъ отсюда этихъ бродягъ, или оставить имъ по себѣ память на всю остальную жизнь ихъ?

— Это зависитъ отъ того, что случилось съ Марією Дунгамъ, возразилъ молодой морякъ. Если прикоснулись только къ одному волосу головы ея, то за это отвѣтнтъ все племя Прокезовъ.

— Я здѣсь и совершенно невредима, сказала Марія, взойдя сама на крышу, когда увидѣла благоприятный оборотъ дѣлъ. Пусть они идутъ съ миромъ, и не удерживайте никого изъ нихъ. Идите, французы и индѣйцы; мы болѣе не враги ваши и никому не сдѣлаемъ зла.

— Ну, тогда и я присоединюсь къ Маріи и не отниму жизни ни у одного Мингоса безъ полезной цѣли, сказалъ Слѣдопытъ.— Такъ говорите, квартирмейстеръ, что французы и индѣйцы имѣютъ предложить намъ?

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія дикіе собрались около блокгауза, и Слѣдопыть сошелъ къ нимъ, чтобы постановить условія, на которыхъ непріятель долженъ былъ окончательно очистить островъ. Индѣйцы должны были, въ видахъ предосторожности, выдать все свое оружіе, даже ножи и томагавки, а потомъ возвратить плѣнныхъ, которые до того времени заключены были въ пещерѣ. Когда эти люди появились, то четверо оказались невредимыми, а двое такъ легко ранены, что тотчасъ могли снова заняться своею службою. Они принесли съ собою свои мушкеты, заняли тотчасъ блокгаузъ и поставили правильный карауль у двери.

Послѣ того, какъ эти условія были приняты и исполнены, Гаспаръ вернулъ назадъ челноки дикихъ и предоставилъ имъ сѣсть на нихъ и отплыть отъ берега такъ быстро, какъ только было возможно. Только капитанъ Сангле и Стрѣла съ Юнитою остались, такъ какъ первый долженъ былъ привести въ порядокъ и подписать нѣкоторыя бумаги съ лейтенантомъ Муиксомъ, а послѣдній, по извѣстнымъ одному ему причинамъ, не могъ присоединиться къ друзьямъ своимъ, Ирокезамъ.

Послѣ того, какъ все дѣло разъяснилось, Гаспаръ, наконецъ, также вышелъ на берегъ, чтобы поздороваться съ своими друзьями, и все общество, кромѣ Маріи, которая, конечно, ухаживала за своимъ отцомъ, усѣлось на воздухѣ, чтобъ заняться завтракомъ. Но передъ этимъ Муиксъ имѣлъ длинное со-

въщаніе съ Слѣдопытомъ, причеиъ старался доказать ему, что кромѣ его, Мункса, никто не можетъ принять дальнѣйшую команду надъ экспедиціею, что призвалъ и Слѣдопытъ послѣ нѣкоторыхъ возраженій, ибо сержантъ былъ слишкомъ тяжело раненъ, чтобы сохранить за собою начальство.

Послѣ этого разговора оба вернулись къ завтраку, гдѣ квартирмейстеръ тотчасъ заявилъ притязаніе на почетъ, приличный его званію. — Онъ призвалъ къ себѣ оставшагося въ живыхъ капрала, и безъ дальнѣйшихъ разговоровъ объявилъ ему, что онъ долженъ впредь смотрѣть на него какъ на офицера въ дѣйствительной службѣ, и обязалъ его сообщить своимъ подчиненнымъ о такой перемѣнѣ въ положеніи дѣлъ. Капралъ исполнилъ это безъ возраженій, такъ какъ ему достаточно извѣстны были законныя права квартирмейстера на начальство.

Во все это время капитанъ Санглие былъ занятъ только своимъ завтракомъ, и при этомъ выказывалъ знаніе свѣта, спокойствіе стараго солдата, веселость француза и обжорство страуса. Уже тридцать лѣтъ находился онъ во французскихъ колоніяхъ и его вообще считали за столь жестокосердаго человѣка, что дикіе дали ему прозвище «Кремневое Сердце». Когда Слѣдопытъ встрѣтился съ нимъ у огня, то оба глядѣли нѣкоторое время молча другъ на друга. Каждый чувствовалъ, что имѣетъ предъ собой страшнаго врага и что въ то же время существуетъ значительная разница въ ихъ образѣ мыслей и дѣйствій. Слѣдопытъ считалъ,

впрочемъ, капитана храбрымъ воиномъ, но не могъ забыть и одобрить его самолюбіе и неоднократно доказанную жестокость.

Послѣ того, какъ оба лѣсные рыцаря молча осмотрѣли другъ друга, капитанъ Сангле вѣжливо поклонился, приподнявъ свою шапку, и сказалъ съ дружеской улыбкой: *Monsieur le Слѣдопытъ*, военный уважаетъ мужество и храбрость. Вы говорите по-прокезски?

— Да, я понимаю языкъ этихъ чертей, хотя не люблю ни его, ни всего племени. Гдѣ вы наткнетесь на мингосскую кровь, тамъ непремѣнно встрѣтите негодяя. Я уже часто видалъ васъ, впрочемъ, только въ сраженіи и всегда впереди. Большая часть нашихъ пуль должна быть знакома вамъ только по одному наружному виду ихъ.

— Только не ваши; пуля изъ вашей почтенной руки всегда несетъ вѣрную смерть. Вы всегда убиваете моихъ лучшихъ воиновъ.

— Это можетъ быть, я согласенъ съ этимъ; хотя и лучшіе Мингосы всегда величайшіе негодяи. Да, не сердитесь на меня, но вы держитесь безусловно дурнаго общества.

— Да, вы слишкомъ добры, отвѣчалъ французъ, не понявъ словъ честнаго охотника, и думая, что тотъ хотѣлъ сказать ему комплиментъ. Но — что это значитъ? что сдѣлалъ этотъ молодой человѣкъ?

Слѣдопытъ оглянулся и увидалъ, что два солдата

схватили Гаспара и, по приказанію квартирмейстера, связали ему руки.

— Что это значить? воскликнулъ онъ, подскочивъ и отталкивая солдатъ. — Кто смѣетъ такъ обращаться съ Гаспаромъ и притомъ въ моихъ глазахъ?

— Это дѣлается по моему приказанію, отвѣчалъ Муиксъ, и я буду самъ отвѣчать за это. Надѣюсь, что вы не воспротивитесь моему приказанію.

— Я даже воспротивлюсь повелѣніямъ короля, если они будутъ касаться такого обращенія съ Гаспаромъ. Развѣ не онъ только-что спасъ наши скальпы и помогъ нашей побѣдѣ? Нѣтъ, господинъ квартирмейстеръ, если вы не хотите сдѣлать лучшаго употребленія вашей власти, то я также всѣми силами буду сопротивляться ей.

— Слѣдопытъ, это похоже на неповиновеніе, отвѣчалъ Муиксъ:—но отъ васъ мы переносимъ многое. Вы, кажется, совершенно забыли прошедшее. Развѣ самъ майоръ Дунгамъ не указалъ на молодого человѣка, какъ на подозрительнаго? Развѣ мы не имѣемъ несомнѣнныя доказательства, что намъ измѣнили, и не должны развѣ считать Гаспара предателемъ? Оставьте, Слѣдопытъ, и пусть правосудіе идетъ своимъ путемъ.

Капитанъ Санглие пожалъ плечами, и попеременно смотрѣлъ то на квартирмейстера, то на Гаспара.

— Что мнѣ за дѣло до вашего правосудія! стремительно возразилъ Слѣдопытъ. — Гаспаръ другъ мой, онъ мужественный, честный и вѣрный малый, и ни

одинъ солдатъ не тронетъ его, пока я могу воспрепятствовать этому.

— Хорошо! съ большимъ удареніемъ сказалъ французъ.

— Слѣдопытъ, вы послушаетесь же благоразумія? снова началъ квартирмейстеръ. — Посмотрите на этотъ кусокъ флага; Марія Дунгамъ нашла его на одномъ сучкѣ здѣсь на островѣ, за часъ до нападенія непріятеля. Кусокъ этотъ имѣетъ ровно длину вымпела «Тучи» и вѣроятно отрѣзанъ отъ него. Я думаю, трудно представить болѣе очевидное доказательство виновности Гаспара.

— Право, это уже слишкомъ, проворчалъ французъ сквозь зубы.

— Квартирмейстеръ! сказалъ Слѣдопытъ, — что вы мнѣ болтаете о вымпелахъ и сигналахъ, когда я знаю сердце. Гаспаръ честенъ, и я не оставлю его въ нуждѣ. Руки долой! или мы увидимъ, кто лучше держится въ бою: вы съ вашими солдатами, или Чингахтокъ, звѣробой и Гаспаръ съ своими моряками. Не превышайте слишкомъ свою власть, когда такъ мало цѣните вѣрность Гаспара.

— Очень хорошо! проворчалъ капитанъ Санглие.

— Ну, Слѣдопытъ, сказалъ Муиксъ: я вижу, что долженъ высказать всю правду. Вотъ капитанъ и храбрый Тускарора сообщили мнѣ, что этотъ молодой человекъ дѣйствительно предатель. Что вы на это скажете?

— Ахъ, мошенникъ! проворчалъ французъ.

— Капитанъ Сангле храбрый солдатъ и потому не могъ сказать что-нибудь противъ моей вѣрности, сказалъ Гаспаръ. — Есть между нами измѣнникъ, капитанъ?

— Да, да, прибавилъ Мунксъ, капитанъ долженъ высказаться. Какъ дѣло, пріятель, видите ли между нами измѣнника или нѣтъ?

— Да, да, и очень большого измѣнника.

— Слишкомъ много лжешь! громовымъ голосомъ воскликнулъ Стрѣла, сильнымъ движеніемъ тронувъ грудь квартирмейстера. — Гдѣ мои воины? гдѣ скальпы? Слишкомъ много лжешь!

У квартирмейстера не было недостатка ни въ личномъ мужествѣ, ни въ нѣкоторомъ чувствѣ благородства. Ошибочно принявъ онъ случайное указаніе Тускароры за ударъ, и, отступивъ на шагъ, протянулъ руку за оружіемъ. Лицо его поблѣднѣло отъ злости и черты его слишкомъ ясно выражали его кровавыя намѣренія. Но Стрѣла предупредилъ его. Бросивъ вокругъ себя дикій взглядъ, онъ схватился за поясъ, вынулъ изъ-за него спрятанный ножъ и въ одну секунду погрузилъ его до рукоятки въ грудь квартирмейстера.

— Вотъ и всей шуткѣ конецъ! сказалъ капитанъ, когда Мунксъ упалъ къ ногамъ его и смотрѣлъ ему въ лицо нѣмымъ взоромъ внезапной смерти. — Шуткѣ конецъ, — но только однимъ негодяемъ на свѣтѣ меньше.

Это произошло такъ быстро, что нельзя было воспрепятствовать тому, и когда Стрѣла съ громкимъ

крикомъ исчезъ въ ближайшемъ кустарникѣ, то никто не послѣдовалъ за нимъ кромѣ Чингахгока, стремительно бросившагося по его слѣдамъ.

— Говорите же, господинъ капитанъ, снова обратился Гаспаръ къ французу, развѣ я измѣнникъ?

— Не вы, а этотъ! отвѣчалъ Санглие, показывая на трупъ Муикса: — этотъ нашъ шпионъ, нашъ агентъ, нашъ другъ. Честное слово, онъ былъ большимъ негодяемъ.

При этихъ словахъ капитанъ нагнулся надъ мертвецомъ, пошарилъ къ карманѣ его и, вытащивъ туго набитый кошелекъ, высыпалъ на землю то, что въ немъ было. Онъ заключалъ въ себѣ множество французскихъ золотыхъ монетъ. — Солдаты не замедлили собрать ихъ, а капитанъ, презрительно бросивъ кошелекъ, съ большимъ душевнымъ спокойствіемъ вернулся къ своему завтраку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Когда трупъ Мункса отнесенъ былъ солдатами въ сторону и прикрытъ шинелью, Чингахгокъ спокойно занялъ свое мѣсто у огня, и какъ Санглие, такъ и Слѣдопытъ, тотчасъ замѣтили, что на поясѣ его висѣлъ свѣжій еще кровавый скальпъ. Никто не спросилъ, откуда онъ, ибо всякій зналъ, что онъ принадлежитъ несчастному Тускарорѣ. — Слѣдопытъ поклонился своему индѣйскому другу тихимъ наклоненіемъ головы и потомъ обернулся къ капитану, чтобъ услышать отъ него подробности предательства Мункса. Французъ рассказалъ ему слѣдующее.

Квартирмейстеръ добровольно предложилъ непріятелю свои услуги, хвастаясь при этомъ предложеніемъ дружбой къ нему маіора Лунди, которая, быть можетъ, доставитъ ему неоднократные случаи сообщить необыкновенно вѣрныя и важныя извѣстія. — Условія его

были приняты; капитанъ нѣсколько разъ встрѣчался съ нимъ около форта, и даже одну ночь провелъ скрытно въ самомъ гарнизонѣ. Стрѣла служилъ передатчикомъ. Анонимное письмо къ маіору, возбуждавшее сомнѣніе въ вѣрности Гаспара, составлено было Муиксомъ, принесено во французскій фортъ Фронтенакъ, тамъ переписано и доставлено по назначенію Тускаророю, который именно возвращался съ этого порученія, когда захваченъ былъ «Тучею». Гаспаръ долженъ былъ быть принесенъ въ жертву, чтобъ скрыть измѣну Муикса и устранить всякое подозрѣніе, что черезъ послѣдняго дошли къ врагамъ извѣстія о положеніи острова. Значительная награда, найденная въ его кошелькѣ, склонила его къ тому, чтобъ сопровождать экспедицію сержанта Дунгама и имѣть возможность дать сигналъ къ атакѣ.

— Вотъ и все, господинъ Слѣдопытъ, заключилъ капитанъ свой рассказъ. — Мы принимаемъ шпиона какъ лекарство, но презираемъ его. Вотъ возьмите мою руку, вы благородный человѣкъ.

— Да, я беру вашу руку, капитанъ; вы злѣйшій, природный врагъ нашъ, но мужественный. Квартирмейстеръ же предатель, и тѣло его не должно осквернять англійской почвы. Онъ долженъ лежать здѣсь, на томъ мѣстѣ, гдѣ исполнилъ свою измѣну, и пусть предательство его будетъ его надгробнымъ камнемъ.

— Вы очень сердитесь на бѣднаго квартирмейстера, сказалъ Капъ, только-что подошедшій отъ ложа своего

зятя. Онъ уже мертвъ, а со смертію должна прекратиться всякая злоба. Я держу пари, что и вы не со-вѣмъ безъ упрека.

— Многие изъ лазутчиковъ и проводниковъ, возразилъ Слѣдопытъ, — совершенные негодяи и даже есть такіе, которые берутъ въ одно время плату отъ французовъ и англичанъ, какъ квартирмейстеръ; но я, слава Богу, не изъ числа такихъ, хотя каждое занятіе имѣетъ свои соблазны. Три раза въ жизни подвергался я испытаніямъ и однажды едва не поддался.— Первый разъ это было, когда я нашелъ въ лѣсахъ пачку мѣховъ, принадлежавшихъ, какъ мнѣ положительно было извѣстно, французу, охотившемуся на англійской почвѣ, гдѣ ему собственно нечего было дѣлать. Я насчиталъ въ пачкѣ двадцать шесть бобровыхъ шкуръ, всѣ онѣ были такъ прекрасны, что сердце радовалось. Ну, это было первое испытаніе; я думалъ, что почти имѣлъ право на нихъ, хотя въ то время и былъ миръ. Потомъ я, однако, подумалъ, что, быть можетъ, французъ возлагалъ большія надежды на свою добычу для будущей зимы, и тогда оставилъ эти мѣха тамъ, гдѣ нашелъ ихъ. Товарищи мои, впрочемъ, говорили мнѣ, что я поступилъ глупо; но то, какъ я спалъ слѣдующую ночь, убѣдило меня въ противномъ и напомнило мнѣ поговорку, что покойная совѣсть есть лучшая подушка.— Другое испытаніе касалось найденнаго мною ружья. Оно было единственное во всей Америкѣ, которое могло бы помѣряться съ моимъ звѣробоемъ, и ослибъ я оставилъ его у себя и

спряталъ, то могъ бы быть увѣренъ, что ни одинъ стрѣлокъ на всей границѣ не въ состояніи взять надо мною перевѣсъ. Въ то время я былъ молодъ и честолюбивъ, и поэтому испытаніе было весьма сильно. При всемъ томъ, благодаря Богу, я остался побѣдителемъ, и, что почти то же, я впоследствии превзошелъ своего соискателя въ столь чудномъ состязаніи въ стрѣльбѣ, какое было лишь однажды въ гарнизонѣ: онъ съ своимъ ружьемъ, а я съ звѣробоемъ, и вдобавокъ — еще въ присутствіи генерала.

Здѣсь Слѣдопытъ отъ души засмѣялся; въ глазахъ его блеснуло удовольствіе воспоминанія, и побѣдная краска выступила на загорѣлыхъ, темныхъ щекахъ его.

— Теперь, продолжалъ онъ, слѣдуетъ третья борьба съ дьяволомъ, и это была самая трудная изъ всѣхъ. Именно, случайно я наткнулся на лагерь шести Мингосовъ, спавшихъ въ лѣсу и сложившихъ свое оружіе и пороховницы въ кучу, такъ что я могъ овладѣть ими, не разбудивъ негодяевъ. Это былъ бы для Чингахгока такой удобный случай умертвить одного послѣ другаго, и чрезъ пять минутъ имѣть скальпы ихъ у своего пояса.

— А какъ же вы поступили, Слѣдопытъ? съ нетерпѣніемъ спросилъ Капъ, когда рассказчикъ на минуту остановился. — Совершили ли вы хорошій или дурной поступокъ?

— И хорошій, и дурной, какъ хотите: дурной потому, что испытаніе было пересилено; но, если

принять на видъ всѣ обстоятельства, то и хорошій. Я не тронулъ ни одного волоса на головахъ ихъ, и не овладѣлъ ни однимъ изъ ихъ ружей, такъ какъ не довѣрялъ самому себѣ и очень хорошо зналъ, что Мингосы не любимцы мои.

— Что касается скальповъ, то вы поступили хорошо, что не взяли ихъ, сказалъ Капъ. Но оружіе и боевые припасы вы, по совѣсти, могли взять.

— Да, но тогда Мингосы ушли бы невредимые, такъ какъ бѣлый никогда не нападаетъ на безоружнаго не-пріятеля, если дѣйствуетъ по своимъ понятіямъ. Нѣтъ, я противопоставилъ справедливость моимъ чувствамъ, моему цвѣту и даже моей религіи, и выждалъ, когда Мингосы выспались и снова вышли на военное поле. Но тогда я напалъ на нихъ спереди, и сзади, и съ боковъ, такъ что только одинъ, и то хромая, вернулся въ свое селеніе. Къ счастью, Делаваръ нѣскольکو отсталъ для охоты за дичью. Онъ пошелъ по моему слѣду, и когда догналъ меня, то пять скальповъ негодяевъ висѣли на томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдовало, и такимъ образомъ, видите, при моемъ образѣ дѣйствій ничего не было потеряно — ни слава, ни выгода.

При послѣднихъ словахъ Слѣдопытъ всталъ и отправился съ Капомъ къ сержанту, чтобъ осмотрѣть его положеніе.

Они нашли Марію около своего отца, а послѣдняго гораздо сильнѣе и здоровѣе, чѣмъ они могли ожидать и предполагать. Слѣдопытъ изслѣдовалъ внимательнѣе рану стараго солдата, призвалъ также Чингах-

гока, и оба, послѣ непродолжительнаго совѣщанія, рѣшили, что состояніе сержанта ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано безнадежнымъ. Чингахокъ наложилъ новую и цѣлительную перевязку, послѣ которой раненый вдругъ почувствовалъ себя лучше и легче и даже считалъ въ себѣ довольно силы, чтобы имѣть возможность вернуться въ фортъ на кораблѣ. Марія изъ этихъ обстоятельствъ почерпнула новыя надежды и разразилась слезами радости, окончившимися горячею, благодарственною молитвою къ Богу. Капъ и Слѣдопытъ предоставили ее самой себѣ и ея мыслямъ, и вернулись къ Гаспару для извѣщенія его, чтобъ онъ держалъ все въ готовности къ скорому отъѣзду.

Тѣмъ не менѣе, прошло еще три дня, прежде чѣмъ подняли якорь, такъ какъ Гаспаръ объявилъ, что вѣтеръ слишкомъ силенъ, чтобъ рисковать пуститься въ озеро. Это обстоятельство удержало и капитана Санглие, который оставилъ островъ только на третій день, когда вѣтеръ сдѣлался благопріятнѣе и погода сноснѣе. Предъ своимъ отъѣздомъ онъ простился съ Слѣдопытомъ съ знаками величайшаго уваженія.

Между тѣмъ Муиксъ и Стрѣла, а равно и всѣ прочіе убитые, были погребены, и Гаспаръ занялся приготовленіями къ отплытію. Марія нѣжно простилась съ Юнвтой, которая не могла разстаться съ островомъ и могилой своего мужа, и, кромѣ Слѣдопыта, всѣ остальные вернулись въ фортъ. Честный охот-

выкъ смотрѣлъ вслѣдъ куттеру, пока могъ видѣть его, и потомъ пошелъ къ Юнитѣ, которая одна служила причиной, удержавшей его на островѣ.

Онъ нашелъ ее на могилѣ мужа, съ распущенными волосами и всѣми признаками глубокой горести, и нѣсколько минутъ смотрѣлъ на нее съ безмолвнымъ вниманіемъ.

— Юнита! наконецъ сказалъ онъ съ такою торжественностью, которая доказывала полноту его сердечнаго участія; ты не одна съ твоимъ горемъ. Обернись сюда и посмотри на своего друга.

— Юнита болѣе не имѣетъ друга, отвѣчала пидіанка. Стрѣла переселился въ лучшій міръ, и нѣтъ никого, кто будетъ заботиться объ Юнитѣ. Оставь ее умереть на могилѣ своего мужа.

— Нѣтъ, этого нельзя, это противно благоразумію и справедливости. Ты не вѣришь въ Маниту?

— Маниту скрылъ лицо свое отъ Юниты, онъ разсердился; онъ оставилъ ее одну, чтобъ она умерла.

— Юнита, ты ошибаешься! Когда Богъ блѣднолицыхъ посылаетъ одному изъ нихъ несчастіе, то дѣлаетъ это только для его добра; потому что въ горести научаемся мы изучать самихъ себя и отлвчать истину отъ неправды. Великій духъ любитъ тебя, и только для того отнялъ у тебя твоего мужа, чтобы коварный языкъ его не повелъ тебя ошибочно и не довелъ до неправды.

— Стрѣла былъ великій начальникъ, гордо возразила пидіанка.

— Да, у него были свои достоинства; но онъ имѣлъ и большіе недостатки. Впрочемъ, ты не покинута и не будешь брошена. Пусть твое горе выскажется, и когда придетъ настоящее время, я скажу тебѣ больше.

Съ этими словами Слѣдопытъ направился къ своему челноку и оставилъ островъ. Два раза въ теченіе дня Юнита слышала выстрѣлы ружья его, и при закатѣ солнца онъ снова появился съ птицами, которыя тотчасъ старательно были изжарены и приготовлены.

Такого рода образъ жизни продолжался цѣлый мѣсяцъ, въ продолженіе котораго Юнита упорно уклонялась отъ того, чтобъ покинуть могилу мужа, хотя съ удовольствіемъ принимала всѣ дружескія приношенія своего защитника. По временамъ разговаривали они, причемъ каждый разъ Слѣдопытъ старался узнать ея расположеніе духа. Но вообще эти разговоры были непродолжительны. Юнита спала въ шалашѣ, гдѣ могла отдыхать спокойно подъ защитою своего друга, хотя Слѣдопытъ каждую ночь отправлялся на сосѣдній островъ, гдѣ устроилъ себѣ легкій шалашъ изъ вѣтвей.

Наконецъ наступила осень, и положеніе Юниты сдѣлалось весьма неприятнымъ. Деревья потеряли свои листья и вѣтви стали сыры и холодны. Было самое время къ отъезду. Тогда вдругъ снова появился Чнгагокъ и пригласилъ Слѣдопыта вернуться въ фортъ. Онъ подошелъ къ индіянкѣ и сказалъ:

— Юнита, завтра мы отправимся и ты ѣдешь съ нами, такъ какъ теперь горе твое смягчилось и ты опять стала спокойнѣе.

Юнита, молча, на индѣйскій манеръ, дала понять свое согласіе, и затѣмъ пошла, чтобъ провести послѣдніе часы на могилѣ мужа. На другой день утромъ, всѣ отправились въ путь, и чрезъ сорокъ восемь часовъ достигли форта, гдѣ приняты были съ радостію своими старыми друзьями и узнали разныя неожиданныя новости.

Первое извѣстіе заключалось въ томъ, что Гаспаръ и Марія женились и составили счастливую парочку. Второе, столь же хорошее, сообщало, что сержантъ совершенно выздоровѣлъ и не чувствовалъ никакихъ дурныхъ послѣдствій отъ своей раны, — и третье, наконецъ, менѣе радостное, — что Капъ вернулся на свои соленыя воды и посылалъ вѣрному Слѣдопыту тысячу сердечныхъ поклоновъ.

По просьбѣ Слѣдопыта, Юнита принята была въ домъ Гаспара какъ другъ. Бѣдная индіанка не могла однако никогда забыть потерю своего любезнаго супруга, и скоро умерла отъ горя и огорченія. Гаспаръ перевезъ тѣло ея на островъ, гдѣ, согласно ея желанію, опустилъ ее въ холодную землю рядомъ со Стрѣлою.

Чингахгокъ и Слѣдопытъ пробыли еще нѣсколько лѣтъ въ фортѣ. Но когда Гаспаръ и молодая жена его, по усиленной просьбѣ Капа, отправились въ Ньюйоркъ, а старый сержантъ оставилъ службу, чтобъ сопро-

вождатъ своихъ дѣтей, — то и они оставили берега Онтарио и углубились во внутрь твердой земли къ озеру Глиммергласъ, полю ихъ первыхъ счастливыхъ подвиговъ.

Гаспаръ сталъ современемъ богатымъ купцомъ; но ни онъ, ни жена его болѣе не видали Слѣдопыта. Марія въ теченіе времени три раза получала очень дорогіе подарки мѣхами, и чувства ея говорили, откуда эти дары, хотя они и не сопровождались никакимъ вменемъ. Мы знаемъ, что Слѣдопытъ посылалъ ихъ своей старинной пріятельницѣ въ знакъ неизгладимаго участія.

Много лѣтъ прожилъ Слѣдопытъ въ своемъ новомъ отечествѣ и пережилъ много счастливыхъ и несчастныхъ приключеній, которыя мы и расскажем подробно въ слѣдующемъ томѣ.

К О Н Е Ц Ъ .